

22.243к

ПИСАТЕЛИ
ТЕКСТИЛЬНОГО
КРАЯ

ИВАНОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1953

ИЗ БИБЛИОТЕКИ

поэта

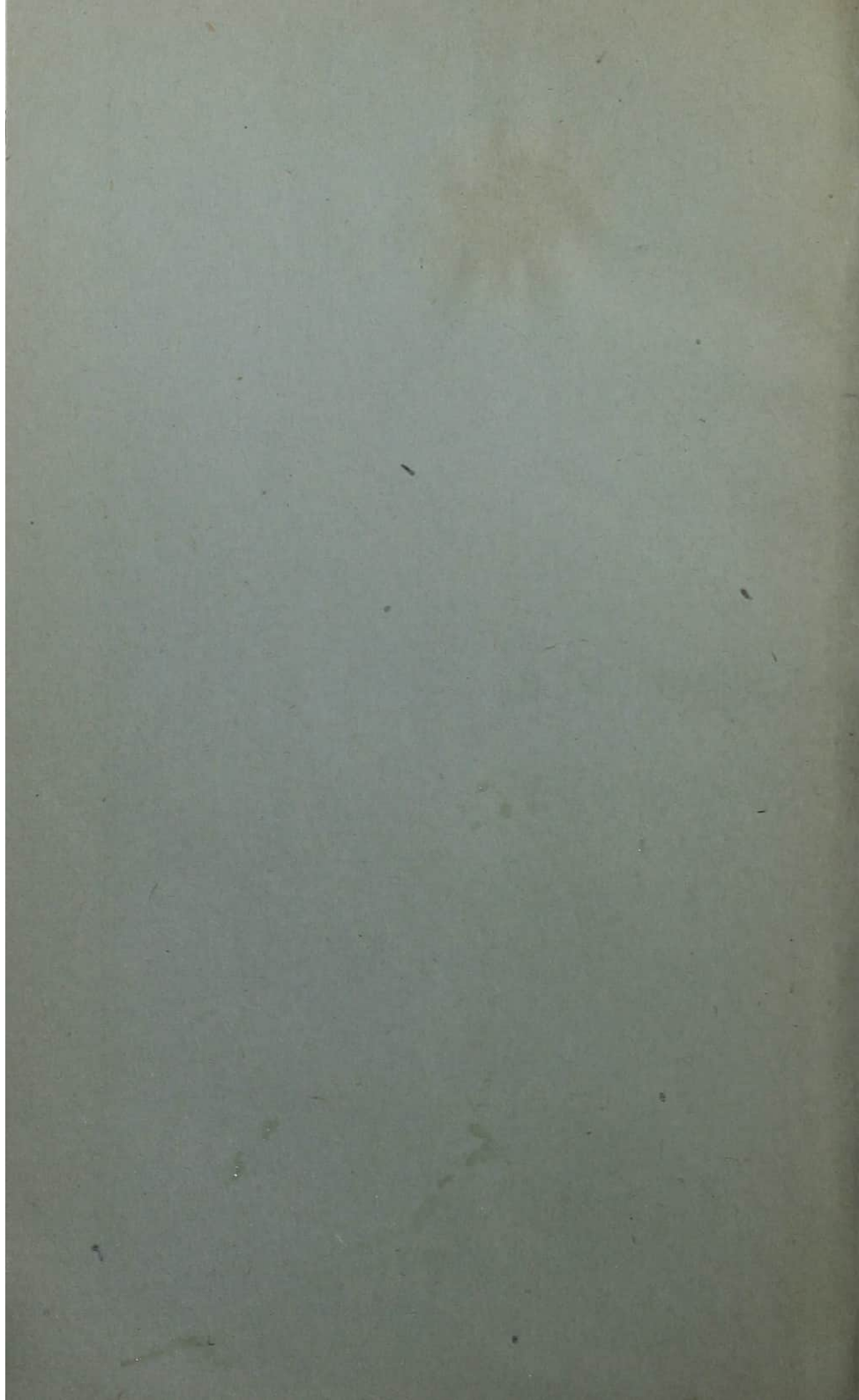
*Дмитрия Николаевича
Семеновского*

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРСКА

Колич. пред. выдач

З ТМО Т. 3.600.000 З. 1653—91

Д. Селезневский

ПИСАТЕЛИ
ТЕКСТИЛЬНОГО
КРАЯ

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

ИВАНОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1953

кp 22. 243

-- 2010

Г. ГОРБУНОВ.

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Перед коллективом авторов настоящего сборника литературно-критических статей была поставлена задача рассказать читателям о писателях текстильного края, живших в дореволюционную эпоху, а также о тех, кто живет и работает в наше время.

Назначение сборника, главным образом, сводится к тому, чтобы возбудить у читателей интерес к литературе родного края.

С жизнью нашего края в прошлом столетии тесно связано творчество писателей В. А. Рязанцева, А. А. Потехина, П. А. Зарубина и Ф. Д. Нефедова.

Василий Алексеевич Рязанцев (1829—1866) был одним из первых бытописателей села Иванова с его издавна сложившимся хлопчатобумажным производством. Лишь очень немногое из того, что было написано Рязанцевым, увидело свет при жизни писателя, и это объясняется прежде всего тем, что Рязанцев не мог найти для своих резко обличительных произведений трибуну. Эти произведения убеждают нас в том, что Рязанцев был человеком с принципиальными взглядами на жизнь, что он несомненно испытал на себе влияние передовой демократической литературы и не хотел менять взглядов в угоду либерально настроенным редакторам некоторых русских журналов.

Характерной особенностью произведений Рязанцева является его открытая ненависть к фабрикантам и глубокое сочувствие рабочим. Писатель беспощадно срывал маски с эксплуататоров, описывая их волчью погоню за наживой. Так, в повести «Добрый человек» Рязанцев один из первых в русской литературе дал образ fabri-

канта Щетина, для которого вся «мораль» заключается в том, чтобы сосать кровь из рабочих; больше того, даже родную дочь он хочет сделать предметом личного обогащения. Между тем Щетин пытается себе создать имя «доброго человека», раздавая на базарах мелкие монеты бедному люду. Таких «добрых людей» хорошо помнят те рабочие, которым пришлось гнуть спины на фабриках Гарелина, Фокина, Зубкова, Коновалова и других мануфактурных тузов-эксплуататоров.

Другим бытописателем фабричного села Иванова был Филипп Диомидович Нефедов (1838—1902). Имя Нефедова несколько раз упоминал А. М. Горький в ряду имен тех литераторов, которых возглавлял «талантливый и суровый реалист» Помяловский.

Лучшие произведения Нефедова относятся к первой половине его творческой деятельности. Именно тогда им были написаны талантливые очерки и фельетоны, повествующие о социальных контрастах села Иванова, о дикой эксплуатации рабочих фабрикантами, о нищете и бесправии тружеников-текстильщиков. В ряде произведений Нефедова («Перед кончиною», «Чертово болото» и другие) прямо говорится о селе Иванове. В некоторых очерках, например в «Девичнике», в вымышленном названии населенного пункта Бубново читатели без труда угадывали Иваново.

Выступая обличителем капиталистов и защитником угнетенных рабочих, писатель стремился показать, как буржуазия превращала жизнь в «чертово болото».

Высказывание Нефедовым смелых мыслей свидетельствует о том, что он находился под влиянием передовых демократических течений своего времени. Об этом же говорят и такие факты, как защита писателем в своих статьях знаменитой диссертации Н. Г. Чернышевского, в которой вождь революционной демократии разоблачил дворянскую теорию «чистого искусства». Знаменательно и то, что Нефедов стремился быть сотрудником самого передового демократического журнала «Современник».

Однако Нефедов не был последовательным во взглядах на жизнь и кончил тем, что в своих последних произведениях скатился к идеализации старого патриархального быта, к позициям либерального народничества.

Среди писателей текстильного края, живших в прошлом столетии, светлую память по себе оставил Павел

Алексеевич Зарубин (1816—1886), сын мелкого судовладельца из Пучежа.

Зарубин известен главным образом как изобретатель-самоучка. Но он является также автором ряда очерков и романов. Им написаны романы «Жизнь», «Торговая Волга», «Происшествие сороковых годов» (отрывки) и повесть «Русский самоучка». Все эти произведения Зарубин потом объединил в один роман под заголовком «Темные и светлые стороны русской жизни» (1872). Зарубин так же, как Рязанцев, не смог снискать себе широкую литературную известность. Тем не менее его книга «Темные и светлые стороны русской жизни» была оценена читателями за ее обличительный характер, главным образом за обличение темных сторон помещанского быта. А. М. Горький писал, что он не увидел в этой книге «светлых сторон» русской жизни, «а темные стороны стали для меня понятней и противней». Таким образом А. М. Горький оценил книгу Зарубина за ее правдивое, суровое изображение отвратительных сторон старой дореволюционной России. В этом и заключается значение книги.

Более широкой известностью из писателей прошлого пользовался уроженец города Кинешмы Алексей Антипович Потехин (1829—1908). Потехин писал очерки и рассказы, повести и романы, а также драматические произведения.

Знакомство Потехина с великим русским драматургом А. Н. Островским, с великим поэтом-демократом Н. А. Некрасовым безусловно оказало благотворное влияние на развитие его творчества. Один из очерков Потехина, описывающих Волгу — «Забавы и удовольствия в городке», был напечатан в журнале «Современник», пьесы Потехина пользовались успехом на сценах столичных театров, творчеством его заинтересовался великий критик, революционный демократ Н. А. Добролюбов. Изображению крестьянского быта Потехин посвятил роман «Крестьянка» и ряд повестей. В романах «Около денег» и «Молодые побеги» Потехин рассказывает, с одной стороны, о фабрикантах, отвратительных и грязных в своей погоне за миллионами, с другой — дает картины тяжелого и безотрадного рабочего быта.

В романе «Молодые побеги» Потехин удачно делает попытку показать первые проблески осознанного протеста

ста рабочих против звериной эксплуатации буржуазии.

С жизнью нашего края тесно связано творчество великого русского драматурга Александра Николаевича Островского (1823—1886). Островский много лет жил в усадьбе Щельково, приобретенной отцом писателя у одного из помещиков бывшего Кинешемского уезда. Начиная с 1849 года, писатель стал посещать Щельково, обычно занимаясь там творчеством с весны до глубокой осени. Волга, купеческий город Кинешма, великолепная природа Поволжья давали обильный материал писателю-драматургу.

Ряд своих лучших пьес, таких, как «Гроза», «Бесприданница» и другие великий драматург создавал под впечатлением пребывания в приволжских купеческих городах, хозяевами которых были люди типа Дикого и Кабанихи. В 1878 году Островский, будучи в Щелькове, написал «Бесприданницу», и нет сомнения, что прототипами Паратова и Кнурова были кинешемские судовладельцы. Связь глубоконародного писателя-драматурга с нашим краем во многом способствовала укреплению литературных и сценических традиций. Жители города Кинешмы не раз видели на сцене Кинешемского театра имени Островского игру выдающихся мастеров сцены Корчагиной-Александровской, Пашенной, Москвина, Гоголевой и других.

**

В старом Иваново-Вознесенске до 1917 года почти не было печати. Издавалась махровая черносотенная газетенка «Ивановский листок», которую рабочие не читали. Голос рабочего поэта можно было услышать лишь в конспиративных квартирах да в рабочих каморках. Каким гонениям и преследованиям подвергались певцы свободной мысли со стороны царского правительства, сколько погибло их в тюрьмах, ссылках и казематах!

Ивановский рабочий-революционер Иван Матвеевич Семенчиков (1877—1911), по свидетельству многих ивановцев-ткачей, писал стихи, и за это его особенно ненавидела полиция. За революционную деятельность и стихи царские власти упрятали И. М. Семенчикова в Шлиссельбургскую крепость, а позднее сослали на каторгу в Сибирь. Там он и скончался.

В одном из стихотворений, дошедших до нас, И. М. Семенчиков так определял свое призвание в жизни:

Я вам песни спою не небесные,
Сказки вам расскажу не чудесные.
Не скажу я привет сердцу праздному,
Не скажу похвалы безобразному.

Нет, я жизни хочу для себя и других,
Сколько силы найду, послужу я для них.
Буду петь до конца о великом труде,
Буду рваться всегда помогать их нужде.

Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая новую эпоху в истории человечества, навсегда освободила народы России от вековой капиталистической эксплуатации и дала возможность встать нашей стране на путь построения социализма.

Революция создала все условия для того, чтобы «втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатый родник и которые капитализм мьял, давил, душил тысячами и миллионами» (В. И. Ленин).

С ликвидацией капитализма трудящиеся нашей страны получили неограниченные возможности проявлять творческую инициативу во всех отраслях труда, науки и искусства. Благодаря повседневным заботам Коммунистической партии советский народ в небывало короткие исторические сроки создал свою социалистическую экономику и культуру.

Город Иваново, ставший за годы советской власти крупнейшим центром текстильной промышленности страны, одновременно рос и как культурный центр, с судьбой которого связано немало творческих достижений писателей, внесших свой скромный вклад в социалистическую литературу.

С первых дней Октября в Иваново стала издаваться газета «Рабочий город», вскоре переименованная в «Рабочий край». Литераторы, главным образом, стихотворцы, группируются вокруг газеты и получают, наконец, возможность печататься. Выходят первые сборники стихов ивановских поэтов.

В это время особенную популярность среди жителей

текстильного края приобретают произведения Дмитрия Фурманова, Ефима Вихрева, Дмитрия Семеновского, Михаила Артамонова, Ивана Жижина, Серафима Огурцова.

Литературной деятельностью ивановских писателей живо интересуется А. М. Горький. Великий писатель-революционер и раньше проявлял большой интерес к жизни текстильного края, известного революционной борьбой ткачей.

«По свидетельству И. П. Ладыжникова, в 1903 году М. Горький говорил о своем желании написать роман о вырождающейся из поколения в поколение буржуазной семье. «В 1903 году,— рассказывал И. П. Ладыжников,— я познакомил Алексея Максимовича с семьей фабриканта-промышленника Разоренова.

Разореновы владели большими ткацкими фабриками в Вичуге, Костромской губернии, и прядильными в Кинешме, на Волге.

Фактическим хозяином фабрики, «дельцом», был только старший брат, имени его я не помню. Средний брат — Сергей — пьяница, кутила, бездельник...

Горький был хорошо знаком с младшим братом — Алексеем Александровичем Разореновым. Именно он в какой-то мере послужил прототипом образа Ильи Артамонова младшего» (примечание к «Делу Артамоновых»¹).

Связи А. М. Горького с писателями нашего края также установились еще до Великой Октябрьской социалистической революции, о чем свидетельствует переписка писателя с молодым поэтом Д. Семеновским.

В первые годы советской власти А. М. Горький узнаёт о группе пролетарских поэтов, работающих в Иваново-Вознесенске. При встрече с Владимиром Ильичем Лениным Алексей Максимович рассказывает об этой группе писателей, и В. И. Ленин, перегруженный делами большой государственной важности, находит время, чтобы познакомиться с произведениями иваново-вознесенских поэтов. 28 января 1921 года он пишет своему секретарю записку следующего содержания:

«Прошу (комплект) достать «Рабочий край» в Ив.-Вознесенске. (Кружок настоящих пролет. поэтов). Хвалит Горький: Жижин, Артамонов, Семеновский».

¹ М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 16, стр. 596.

Этой маленькой запиской Владимира Ильича вправе гордиться ивановцы.

А. М. Горький оказывал ивановцам большую помощь. Его связь с ивановцами чаще всего осуществлялась через переписку с поэтом Д. Семеновским. А. М. Горький переписывался также с Е. Вихревым, Н. Колоколовым, М. Шошиным, М. Марковым и другими.

С Д. Семеновским, как было сказано, А. М. Горький начал переписываться еще до Великой Октябрьской социалистической революции. У Д. Семеновского сохранилось более 30 писем от Алексея Максимовича. Начало переписки Д. Семеновского с А. М. Горьким относится к 1912 году. Тогда Д. Семеновский учился во Владимирской семинарии; в том году революционно настроенные семинаристы устроили забастовку. Владимирский губернатор пригрозил сгноить их в тюрьмах. Он отдал распоряжение ввести в актовЫй зал семинарии роту солдат и взять бунтовщиков на прицел. После такой инсценировки, рассчитанной на испуг, взбунтовавшимся семинаристам выдали «волчьи билеты». «Волчий билет» получил и Д. Семеновский, который, переживая тяжелое положение опального человека, решил обратиться за помощью к А. М. Горькому. Алексей Максимович принял деятельное участие в судьбе молодого человека: устроил его учиться в Московский университет имени Шанявского и помог юноше материально.

Молодой поэт в то время находился под влиянием всякого рода безидейных течений дворянско-буржуазной литературы. Такими течениями, прежде всего, были символизм и акмеизм, которым товарищ А. А. Жданов дал следующую исчерпывающую характеристику: «Из истории русской литературы мы знаем, что не раз и не два реакционные литературные течения, к которым относились и символисты, и акмеисты, пытались объявлять походы против великих революционно-демократических традиций русской литературы, против ее передовых представителей; пытались лишить литературу ее высокого, идейного и общественного значения, низвести ее в болото безидейности и пошлости».

Отвечая на письмо Д. Семеновского (весна 1913 года), Алексей Максимович предупреждал его об опасности попасть в плен дурного влияния символистов: «Вы, видимо, немало читали Бальмонта и современников, это

сказалось излишней цветистостью ваших стихов, в чем гораздо больше молодого форса и задора, чем вкуса и музыки. Как бы мы все ни метались, а во едину от суббот — и постоянно молим: попроще, пояснее! Детские болезни, разумеется, обязательны в ваших условиях, но можно избежать скарлатины подражания — хотя бы и невольного — модернизму, не столь ценному у нас, как об этом принято думать».

Предостерегая начинающего поэта от словесного трюкачества и литературной зауми, свойственных писателям буржуазно-дворянских упадочнических направлений в литературе, А. М. Горький также видел и отмечал несомненную даровитость Д. Семеновского и демократизм его стихов. «Стихи ваши,— писал он,— показались мне недурными... Искра божья у вас, чувствуется, есть. Раздувайте ее в хороший огонь... Ищите себя».

В этом же письме А. М. Горький просил молодого автора прислать еще стихотворений и, получив их, напечатал в марксистском журнале «Просвещение», выходившем в 1911—1914 годах в Петербурге. Некоторые стихи Д. Семеновского печатались в то время в газете «Правда».

Особенно часто Д. Семеновский получал письма от А. М. Горького после Великой Октябрьской социалистической революции. Его письма становились драгоценным достоянием растущего круга писателей города ткачей. Горький просит сообщать ему, что нового в среде ивановцев, просматривает газету «Рабочий край», выступает в печати с оценкой произведений ивановских литераторов.

В предисловии к книге стихов Д. Семеновского «Земля в цветах», вышедшей в 1930 году в издательстве «Недра», Алексей Максимович находит нужным упомянуть о талантливой работе автора, пишущего стихотворные фельетоны в газете. «Фельетоны Семеновского в «Рабочем крае», — пишет в предисловии А. М. Горький, — беспощадно бьют всё, что нужно бить словами правды, и всех, кого следует бить».

Немало ценных советов дал ивановцам А. М. Горький в своих письмах к М. Шошину. Здесь хочется лишь отметить, что Алексей Максимович с отеческой заботой подмечал положительные черты в рассказах М. Шошина и вместе с тем критиковал писателя, когда он изобра-

жал действительность без достаточно глубокого ее изучения.

А. М. Горький в письмах к М. Шошину и другим ивановским писателям советовал учиться художественному мастерству у классиков русской литературы. А. М. Горький был чутким, но всегда требовательным учителем. Когда, например, ему некоторые начинающие ивановские авторы посылали десятки сырых, недоработанных стихов, где было много слов и крайне мало мыслей, художественных образов, Алексей Максимович советовал этим авторам не торопиться писать, не торопиться печататься, а сначала овладеть культурой. Однажды начинающий поэт М. Марков, написавший несколько незрелых стихов, послал их Алексею Максимовичу, претендуя на опубликование. А. М. Горький прямо ответил М. Маркову, что подобных стихов можно писать «целые версты», что такие стихи не удовлетворят читателей и что М. Маркову нужно думать не о литературной славе, а о серьезной учебе, о повышении своей культуры.

Богатый материал о связях А. М. Горького с ивановцами изложен в книжке Д. Семеновского «А. М. Горький. Письма и встречи», изданной издательством «Советский писатель» в 1938 году, и в книжке П. Куприяновского «А. М. Горький в общении с ивановцами», изданной Ивановским областным государственным издательством в 1950 году.

Связи Алексея Максимовича с ивановскими литераторами укрепляли литературные традиции в городе текстильщиков и способствовали росту литературных дарований.

Среди ряда имен ивановских писателей, известных своими произведениями широким массам, прежде всего надо назвать имя Дмитрия Андреевича Фурманова (1891—1926). Ивановцы с чувством гордости могут сказать, что из их среды вышел такой одаренный писатель-коммунист, автор исторического романа «Чапаев».

С первых дней Великой Октябрьской социалистической революции Дмитрий Фурманов формируется как журналист-общественник, писатель-боец. Произведения, написанные в первые годы революции, он публикует в

«Рабочем крае». Огромное и решающее идейно-политическое влияние на Фурманова оказал Михаил Васильевич Фрунзе. Он помог ему преодолеть политические колебания, распознать предательскую сущность буржуазных партий и, видя в нем честного интеллигента, способного всю свою жизнь отдать на служение народу, рекомендовал его в ряды Коммунистической партии.

В Иванове Д. Фурманов возглавил тысячный отряд текстильщиков-коммунистов, чтобы вслед за М. В. Фрунзе, уехавшем с первым тысячным отрядом, вести их на борьбу против международной интервенции и внутренней контрреволюции. Будучи на фронте комиссаром Чапаевской дивизии, в далеком Семиречье или в 9-й Кубанской армии, Дмитрий Фурманов в перерывах между сражениями делает записи боевых действий и посылает свои письма в ивановскую газету «Рабочий край». В тяжелые годы разрухи и гражданской войны письма и очерки, печатаемые в газете, вселяли в сердца ивановцев еще большую уверенность в полном разгроме врага. Корреспонденции и очерки Дмитрия Фурманова не только выполняли огромную агитационно-пропагандистскую роль, но и вместе с тем являлись для него подготовительным материалом к созданию таких широко известных произведений, как «Чапаев» и «Мятеж». Очерки Д. Фурманова «Уфимский бой», «Освобожденный Уральск», «Уфа и Уральск», «Пилюгинский бой», напечатанные в «Рабочем крае» в 1919 году, были впоследствии развернуты писателем в главы романа «Чапаев».

Общеизвестно, как велико значение романа «Чапаев», раскрывающего образ легендарного народного полководца и суровую героиню гражданской войны. Однако эта книга — не только о Чапаеве, но и об ивановских коммунистах-текстильщиках, ставших, по меткому выражению М. В. Фрунзе, «цементом дивизии» Чапаева.

Дмитрий Фурманов умер в расцвете творческих сил. «Он много видел, — писал о нем А. М. Горький, — хорошо чувствовал. У него был живой ум».

Другим писателем-коммунистом, вышедшим из среды ивановцев, был Ефим Федорович Вихрев (1901—1935).

Ефим Вихрев стал печататься с 1917 года в Шуйской газете. В то время он писал главным образом стихи. Как и Дмитрий Фурманов, он вместе с шуйскими и ивановскими ткачами ушел на фронт гражданской войны.

В 1922 году, вернувшись с фронта, несколько лет сотрудничал в «Рабочем крае» и скоро стал печататься в столичных журналах «Красная новь» и «Новый мир». Е. Вихрев посвятил ряд интересных очерков творчеству народных художников села Палех. В 1930 году была издана его книга «Палех», а несколько позднее — сборник «Палешане». Эти книги одобрял А. М. Горький.

Большой популярностью у читателей пользовались в свое время стихи поэта-комсомольца Серафима Огурцова (1904—1934). С. Огурцов был активным участником всех литературных событий в Иванове. Его стихи о текстильщиках подкупали своей лиричностью, жизнерадостием и простотой. К сожалению, таланту С. Огурцова не суждено было как следует развернуться: прикованный к постели тяжелой болезнью, он умер в сравнительно раннем возрасте.

В текущем году исполнилось семьдесят лет со дня рождения одного из старейших рабочих поэтов Александра Николаевича Благова, творчество которого тесно связано с жизнью текстильщиков.

Таким писателям, как А. Благов, крайне трудно было до революции выходить со своими стихами на страницы печати. Чаще всего он адресовал стихи своим друзьям-рабочим. Так, в 1916 году он написал десять больших стихотворных сатирических писем своему другу-текстильщику Вицыну. Письма эти были опубликованы только после Великой Октябрьской социалистической революции.

В 1919 году в Москве вышел первый сборник его стихотворений — «Песни рабочего». К семидесятилетию поэта в Ивановском книжном издательстве вышел однотомник его избранных произведений.

Прославляя раскрепощенный труд, слагая радостные песни созидательному труду советских ткачей, поэт нередко вспоминает прошлое, революционную борьбу рабочего класса с капиталистами и царскими сатрапами. Это вполне закономерно: А. Благов на своих плечах вынес гнет буржуазной эксплуатации. Говоря о счастливой жизни советских текстильщиков, он сопоставляет ее с тяжелым прошлым. Таковы стихотворения: «Два времени», «Вечера», «Юность» и другие. Значительное место в творчестве поэта занимают произведения, рисующие революционную борьбу текстильщиков с капиталистами.

Так, событиям 1905 года посвящены поэма «Талка», стихи «Маевка» и «Песня старого ткача». С чувством гнева поэт рассказывает в стихотворении «День» о кровавой расправе царских палачей с иваново-вознесенскими текстильщиками 10 августа 1915 года.

Центральное место в послеоктябрьском творчестве А. Благова занимают произведения, представляющие довольно широкую картину великого созидательного труда советских текстильщиков. Никто из поэтов нашего края не проник так глубоко в жизнь ткачей, никто так последовательно и внимательно не следил за этой жизнью, как А. Благов.

Он запечатлел в своих стихах начало социалистического соревнования, рождение стахановского движения на фабриках, отразил патриотические чувства текстильщиков в грозные годы Великой Отечественной войны. Он воспел вдохновенный труд ткачей в годы послевоенной пятилетки.

С особенной теплотой говорит А. Благов о всемирно-исторической роли Коммунистической партии, которая привела трудящихся нашей страны к освобождению от векового гнета эксплуататоров, к построению социалистического общества.

А. Благов — поэт-коммунист, поэт-общественник, он является членом областного Комитета Защиты мира.

С первых лет Великой Октябрьской социалистической революции ивановские литераторы стали иметь трибуну для выступлений. Достаточно указать хотя бы на выход таких сборников, как «Взмах», «Живописное слово», «Молодость», «Мы победим», «Наступление», «Порыв», «Рейд», «За Родину», таких журналов, как «Пламя», «Звено», выходивших в течение ряда лет, таких альманахов, как «Атака» и «Ивановский альманах», издающийся и до сегодняшнего дня.

К этому далеко неполному перечню литературно-художественных изданий надо прибавить еще значительное количество книг и сборников отдельных авторов, изданных местным издательством и центральными издательствами. Немалую роль в развитии литературного Иванова сыграло «Литературное приложение» к газете «Рабочий край» и сама газета с ее «Литературными страницами».

В грозные годы Великой Отечественной войны подав-

ляющее большинство писателей-ивановцев ушло на фронт. Среди них — В. Полторацкий, В. Кудрин, А. Лебедев, М. Дудин, Д. Прокофьев, В. Жуков и другие. В суровых боях с фашистскими разбойниками погибли два молодых талантливых поэта: Владимир Кудрин и Алексей Лебедев.

Владимир Кудрин, находясь на фронте, часто присылал в Иваново стихи, полные бодрости и уверенности в победе. Поэтическое наследство В. Кудрина невелико. Но сборник его стихов, изданный местным издательством в 1946 году, радует читателей. Сборник одаренного, но еще не развернувшего свои возможности поэта может быть по праву оценен словами самого автора:

Бесследно я из жизни не уйду,
Я в чутком сердце отзвуки найду:
И песни те, что я сложил в бою,
Споют не раз в моем родном краю.

Среди писателей, получивших Сталинские премии за произведения 1951 года, было и имя Виктора Васильевича Полторацкого, литературное творчество которого развивалось в Иваново и было тесно связано в течение ряда лет с местным издательством, а также газетами и журналами.

В стихах, очерках и рассказах В. Полторацкий не раз изображал жизнь нашего края, богатого историко-революционными традициями и трудовыми подвигами текстильщиков. Большинство его произведений, напечатанных в Иваново 12—15 лет назад, не потеряло своей идейно-художественной ценности и до сих пор.

В. Полторацкий начал литературную деятельность с рабкоровских заметок. Одновременно с газетными заметками он писал стихи и пробовал свои способности в жанре очерка. Его дарование как поэта и очеркиста заметно развернулось с тех пор, как он переехал в Иваново и стал систематически сотрудничать в областных газетах и журналах. До десятка книг В. Полторацкого издано местным издательством между 1931—1940 годами. С большой симпатией были встречены критикой и читателями сборники стихотворений «Строительный сезон», «Оперативная сводка», «Теплый ветер», «Под небом Родины», а также повесть «Лето» и сборник очерков «Наши девушки».

Талантливому писателю-журналисту пришлось изведать бури военных лет. В первые дни Великой Отечественной войны он уходит на фронт. С честью проходя страдные пути-дороги войны, В. Полторацкий посылал в газету «Известия» свои яркие очерки и корреспонденции; имя его получило широкую известность.

Впечатления, полученные в результате многочисленных поездок писателя по родной земле и зарубежным странам, послужили материалом для серии талантливых очерков, составивших книгу «В дороге и дома», удостоенную Сталинской премии.

**
*

Писательская общественность нашей страны после исторических решений Центрального Комитета Коммунистической партии по идеологическим вопросам еще более прониклась чувством ответственности и высокого долга перед народом. Эти решения напомнили писателям, что литература — дело большой государственной важности, что писатели своими произведениями призваны воспитывать, формировать коммунистические качества в советских людях.

Миллионы читателей не только в нашей стране, но и за ее пределами стали свидетелями того, как благодаря заботе Коммунистической партии о процветании советской литературы она обогатилась новыми отрядами лауреатов Сталинских премий, давших десятки таких книг, которые известны ныне во всех уголках земного шара.

Для каждого советского писателя, — был ли он уже с большим именем или только еще готовил первую книжку к печати, — решения ЦК Коммунистической партии стали развернутой программой действий, настольными вдохновляющими документами в повседневной творческой работе.

Заметное оживление после этих исторических решений наблюдалось и в творческой жизни ивановских литераторов. Ряд писателей несомненно творчески вырос, появились новые имена, стало больше издаваться книг, получающих одобрение читателей и критики.

Небезупречную, но в целом интересную повесть «Село Думино» написал М. Шошин. М. Кочнев, серьезно изучивший фольклор текстильщиков, написал четыре книги

сказов: «Серебряная пряжа», «Расписной узор», «Сорок веретен» и «Дело человеком славится».

История труда и борьбы текстильщиков чрезвычайно богата интересными материалами. С давних пор в характере ткачей обнаруживался живой, изобретательный ум, энергичный протест против эксплуататорских классов. Однако, если в научно-исследовательской литературе историческим заслугам текстильщиков отведено подобающее место, то в области художественной литературы, к сожалению, сделано крайне мало.

Вот почему значительным событием в литературе явились сказы М. Кочнева о текстильщиках.

В послевоенные годы чаще стали выступать в центральной печати наши писатели-земляки М. Дудин и Арк. Васильев.

М. Дудин был на войне с первых дней героической обороны Родины до всемирноисторических дней победы над немецко-фашистскими захватчиками. Будучи в самых напряженных битвах, поэт помнил о родном городе Иванове, где он вступал в комсомол и начал писать первые стихи.

В стихах М. Дудина, написанных в годы Великой Отечественной войны и после нее, преобладает военная тематика. Это совершенно закономерно для поэта, принимавшего участие с оружием в руках в такой войне, которую не могла бы вынести ни одна другая страна. М. Дудин написал немало замечательных произведений, получивших широкое признание читателей. Стихи, вошедшие в сборник «Костер на перекрестке», «Дорога гвардии», «Переправа», свидетельствуют о зрелости таланта поэта, трогают читателя глубиной поэтических чувств.

Имя Арк. Васильева хорошо известно читателям по фельетонам в «Крокодиле» и в «Огоньке». Его перу принадлежат также талантливые рассказы о М. В. Фрунзе, изданные отдельной книгой издательством детской литературы под названием «Товарищ Арсений».

С неплохим сборником стихотворений «Солдатская слава» вышел к читателям В. Жуков, однако последующие его сборники — «У меня на родине» и «Светлый путь» оказались слабее первого, что было результатом недостаточной требовательности поэта к совершенствованию своего литературного мастерства.

кр 22.243

Ряд повестей опубликовал за последние годы Дм. Прокофьев. Повести «Высота», «Восхождение» и особенно «Весенние дни» представляют безусловный интерес; в них имеется ряд ярких картин из эпохи Великой Отечественной войны.

За последние годы чаще стали печататься молодые поэты И. Мартьянов, Л. Кудрин, А. Фролов, Н. Грачев, Н. Силков, И. Озеров и другие.

**
*

Решения XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза, ставшие грандиозной и реальной программой могучего роста советского государства, предъявляют всё большие требования к писателям.

В отчетном докладе XIX съезду нашей партии товарищ Маленков говорил: «Необходимо учитывать, что идейный и культурный уровень советского человека неизмеримо вырос, его вкусы воспитываются партией на лучших произведениях литературы и искусства. Советские люди не терпят серости, безидейности, фальши и предъявляют высокие требования к творчеству наших писателей и художников. В своих произведениях наши писатели и художники должны бичевать пороки, недостатки, болезненные явления, имеющие распространение в обществе, раскрывать в положительных художественных образах людей нового типа во всем великолепии их человеческого достоинства и тем самым способствовать воспитанию в людях нашего общества характеров, навыков, привычек, свободных от язв и пороков, порожденных капитализмом».

Эти слова товарища Маленкова должен глубоко усвоить каждый литератор, памятуя, что только самой серьезной работой над идейно-художественным содержанием каждого произведения можно снискать уважение и любовь наших читателей.

Д. М. ПРОКОФЬЕВ

А. А. ПОТЕХИН

Имя писателя и драматурга Алексея Антиповича Потехина теперь почти забыто. Достаточно сказать, что за последние десятилетия был издан всего один небольшой сборник его произведений.¹ А между тем А. А. Потехин в свое время пользовался большой известностью и как беллетрист, написавший ряд повестей и романов, и как драматург, пьесы которого шли с успехом на сценах лучших столичных театров.

Однако забвение имени А. А. Потехина не совсем справедливо. Среди многочисленных его литературных произведений имеются такие, которые и до сих пор не утратили своего интереса. Особенно они заслуживают внимания читателей Ивановской области. И не только потому, что писатель — земляк, но и потому, что значительная часть произведений создана им на материале нашей области.

**
*

Алексей Антипович Потехин родился в 1829 году в приволжском городе Кинешме, в семье мелкопоместного дворянина, казначея уездного суда.

Окончив Костромскую гимназию, а затем Ярославский демидовский лицей, А. А. Потехин служил некоторое время на военной службе. Но она не могла увлечь будущего писателя, у которого были совсем иные интере-

¹ А. А. Потехин. Избранные произведения. Государственное издательство Ивановской области, 1938. В сборник вошли романы «Около денег», «Молодые побегы» и очерки «Деревенские мироеды».

сы, далекие от бессмысленной муштры и чинопочитания. А. А. Потехин бросает военную службу, поселяется в Москве и сходится с кружком молодых литераторов, в числе которых находился А. Н. Островский.

Великий русский драматург сыграл большую роль в писательской судьбе А. А. Потехина. Начинаящий литератор пристрастился к театру, стал его постоянным посетителем. Вот почему статья о театре, напечатанная в 1851 году в «Московских ведомостях», стала первым произведением А. А. Потехина.

Годом позже он уже печатает этнографические очерки на близкую и родную ему тему — о Волге, Кинешме, где он провел свое детство.

Один из этих очерков — «Забавы и удовольствия в городке» — был помещен в некрасовском журнале «Современник», лучшем и передовом журнале того времени. Это послужило началом знакомства А. А. Потехина с Н. А. Некрасовым. Оно продолжалось до самой смерти великого поэта и имело большое значение для писателя, сблизив его с передовой, демократически настроенной интеллигенцией.

Вскоре А. А. Потехин пишет свой первый рассказ «Тит Сафронич Казанов», а потом крупный роман «Крестьянка», повести «Бурмистр», «Барыня», «Река Керженец» и другие, посвященные отображению крестьянского быта.

Всё же А. А. Потехин не сразу становится писателем-профессионалом. На два года он уезжает в Кострому и служит при губернаторе чиновником особых поручений. Однако чиновничья служба, как и военная, не удовлетворила писателя, сочувственно относившегося к угнетенным и обездоленным народным массам. Ему была противна затхлая атмосфера раболепия и взяточничества. Он окончательно решает, что литературное дело — это его призвание.

Осенью 1853 года А. А. Потехин по совету А. Н. Островского написал пьесу из крестьянского быта «Суд людской — не божий». Пьеса была напечатана в журнале «Москвитянин» и с большим успехом поставлена в Петербурге.

В письме к А. Н. Островскому начинающий драматург писал:

«Общество ваше — лучшая для меня школа: я чувст-

вую, как взгляд мой на великое дело искусства развивается...»

В этом же письме А. А. Потехин называет великого русского драматурга «образцом и страшным судьбою».

Вслед за первой в 1855 году появляется вторая пьеса — «Чужое добро впрок не идет». Она также ставится в Петербурге Александринским театром и получает еще большее одобрение у зрителей.

Через два года А. А. Потехин публикует роман «Крушинский», выступая в нем противником «неравенства происхождения», поборником того, что «все люди равны», и пишет одну из лучших своих пьес — пьесу из чиновничьего быта «Мишура». В работе над этим произведением писателю помогли его личные наблюдения во время службы в Костроме.

Главным героем пьесы «Мишура» является советник губернского правления Пустозеров. Его идеал — бескорыстие. Он не только сам не берет взятки, но и презирает тех, кто берет их. Но эта честность показная. Она звучит в устах героя так подчеркнуто, с такой навязчивостью, что вместо одобрения вызывает к Пустозерову неприязнь. Оказывается, под личиной бескорыстия сидит негодный и ничтожный человек.

«Высокое наслаждение чувствовать себя бескорыстным,— убеждает самого себя Пустозеров.— Для этого чувства я готов всё перенести, готов умереть; но и существовать на 900 целковых, в пору самой пылкой молодости..., поставленному на вид у целей губернии развитому и образованному человеку, видеть беспрестанно возможность обогатиться и отталкивать постоянно все соблазны с презрением: это не последний подвиг».

Пустозеров доволен собой, потому что не берет взятки. Но в его словах звучит явное сожаление о своем бескорыстии. Когда Пустозерова назначают вести следствие по винному откупу и откупщики открыто предлагают ему взятку, он раздражается холодным гневом:

«Так твой хозяин надеется подкупить меня, купить у меня правду и долг службы? Да как ты осмелился, борода, как осмелился твой мерзавец хозяин подумать подкупить чиновника, которому доверяет губернатор, о бескорыстии и неподкупности которого знает вся губерния?»

А после думает:

«А соблазн был не мал: пакет порядочный... знали, к кому шли». И с сожалением сознается самому себе: «О, как бы можно было обирать этих мошенников, если бы захотел».

Как и следовало ожидать, лицемер и ханжа Пустозеров все-таки не устоял перед взяткой. Он уезжает служить в Петербург. Место ему устроил тот самый «мерзавец хозяин» Золотарев, следствие по делу которого вел Пустозеров.

В ответ на благодарность Пустозерова помещик Золотарев говорит:

«Помилуйте, что за благодарности! Я только уплатил вам мой долг. Вы выполнили мою просьбу, следовательно — дали мне взаймы; я сделал для вас, следовательно, расплатился; затем мы квит и друг другу ничем не обязаны».

Пьеса «Мишура» заканчивается отъездом, а точнее — бегством Пустозерова из «проклятого городишка» в Петербург.

Появление «Мишуры» было отмечено обстоятельной рецензией знаменитого критика Н. А. Добролюбова, который писал, что пьеса является «произведением, замечательным по своей силе».

Но некоторая неопределенность и политическая злость в отношении к изображаемым в пьесе людям и событиям не могли пройти мимо острого взгляда критика-революционера, не могли остаться незамеченными. И Н. А. Добролюбов справедливо писал, что А. А. Потехин «воспитал в душе своей чувство желчной ненависти к тем гадостям, которые вывел в своей комедии, и подумал, что этого достаточно. От того комедия вышла горяча, благородна, резка, но превратилась в мелодраму... Главное впечатление пьесы — нервическое негодование, которое не может быть так постоянно присуще нашей душе, как чувство ровного, спокойного презрения и отвращения...» ко всему «современному нашему обществу».

Н. А. Добролюбов отмечал рыхлость пьесы, наличие даже излишних сцен. «Они плохо вяжутся между собой и не вытекают ни из какой разумной необходимости». Но «самый характер Пустозерова развит действительно с замечательным искусством. Каждое слово его и каждое слово о нем рассчитано в пьесе изумительно ловко».

«...Потехин представляет нам комедию, имеющую серьезное значение».

Этот отзыв критика-демократа настолько ободрил А. А. Потехина, что он обратился с просьбой к Н. А. Некрасову, редактору журнала «Современник», включить его в число постоянных сотрудников журнала, среди которых был и Н. А. Добролюбов.

В 1861 году А. А. Потехин печатает роман «Бедные дворяне». В нем он рисует пустую и отвратительную жизнь помещиков, беспощадно грабящих крестьян ради своей личной прихоти и разгула, показывает экономический упадок дворянства и его расслоение (в образе Осташкова).

Появление после долгого цензурного запрета пьесы «Виноватая», в которой А. А. Потехин резко выступает против принудительного замужества, замужества по расчету, обратило внимание Н. А. Некрасова. Предлагая эту пьесу издателю А. А. Краевскому, поэт писал:

«Я бы советовал вам взять комедию «Виноватая». Литераторы ее будут ругать, но публика будет читать с удовольствием. Успех она имеет огромный, и, в сущности, пьеса честная и неглупая».

Как драматург А. А. Потехин был довольно плодовитый. Но большинство его пьес, изображающих преимущественно тяжелую жизнь крестьян, встречало иногда непреодолимые цензурные препятствия. Их или запрещали показывать или снимали со сцены после нескольких постановок. Так пьеса «Мишура», остро бичующая нравы продажного чиновничества, лежала под запретом цензуры четыре года. Пьеса «Виноватая» была поставлена на сцене только через пять лет после ее создания. А пьеса «Шуба овечья, а душа человечья» пролежала в столе цензора целых двенадцать лет.

Царское самодержавие боялось буквально всего, что хоть в какой-то мере говорило о народе, показывало нищенскую, подавленную жизнь его. А пьесы А. А. Потехина, несмотря на их ограниченность, недоговоренность, где, как верно отмечал революционный демократ Н. А. Добролюбов, «презрение и отвращение» ко всему «современному обществу» подменено либеральным «нервическим негодованием», всё же наносили довольно чувствительные удары самодержавно-бюрократическому строю, поскольку они, пьесы, почти всегда являлись

откликами на общественные события, поднимали те или иные «вопросы дня».

Желая быть верным действительности, А. А. Потехин в той или иной мере отражал социально-экономические противоречия классово-расслаивающейся деревни. Писатель видел, как одна, наиболее многочисленная, часть крестьян разорялась, нищала, увеличивая количество деревенской бедноты, а другая часть богатела, превращалась в кулачество, деревенскую буржуазию. И, в частности, в очерках «Деревенские мироеды» он ярко показал тип жестокого кулака, торговца и ростовщика Николая Ивановича Курощупова. Под видом «благодетеля» и «добротного человека» он сумел закабалить всю деревню Пустополье. Крестьяне-должники, ненавидя этого кулака, говорят о нем: «и скуп, и жаден, и проценту много берет».

Необходимо также отметить, что в некоторых своих произведениях А. А. Потехин сильно, без прикрас, изобразил представителей духовенства. Все они, благовидные с виду, оказываются в действительности ханжами, льстецами, дармоедами и не чистыми на руку. Особенно это хорошо показано в романе «Около денег», речь о котором будет идти ниже.

Как беллетрист А. А. Потехин так же оставил значительное наследство. За долгую жизнь (писатель умер 16 октября 1908 года) он написал много очерков, рассказов, несколько повестей и романов. Для нас наибольший интерес представляют его последние по времени создания романы — «Около денег» и «Молодые побеги». В них выпукло изображено развитие капитализма в текстильной промышленности, хотя скуп, но достаточно верно показаны быт и положение рабочих, многие из которых еще не совсем порвали связь с клочком земли, с крестьянским хозяйством.

Несмотря на остатки крепостничества, развитие промышленного капитализма после реформы 1861 года пошло быстрыми темпами. Оно коснулось и сельских фабричных районов. Вместо полуручных и примитивных заведений стали вырастать огромные машинные фабрики. Формирование постоянных рабочих кадров внесло новую и живую струю в патриархальный общинный быт деревни. Это отразилось не только на внешнем облике вчерашних крестьян, но и на их мировоззрении.

Проводивший летние месяцы в своем имении Орехово, расположенном недалеко от фабричных районов, А. А. Потехин, как чуткий и наблюдательный писатель, не мог, конечно, не заинтересоваться этим новым явлением. В неопубликованных воспоминаниях сын А. А. Потехина, В. Потехин, рассказывает:

«Он (отец) близко ознакомился с постановкой дела на фабриках, посещая некоторые из них, сведя знакомство с фабрикантами, изучая самые процессы производства и быт фабричного населения».

Результатом этих наблюдений и явились романы «Около денег» и «Молодые побеги».

В романе «Около денег» показана семья фабриканта Терентия Савельича Скоробогатого, раздираемая жадной личной обогащения. В целях скорейшего получения в наследство фабрики и капитала Иван Терентьевич, сын Скоробогатого, молчаливо соглашается на сожителство своей жены с Терентием Савельичем, который покупает за деньги любовь снохи. Сам же Иван Терентьевич ухаживает за Аленой Федоровной, женой Капитона Обожжухина, рабочего их фабрики. Но Капитон, этот продувной бестия, ловкач и хитрец, зная о разладе в семье фабриканта, в свою очередь «увивается» около Степаниды Терентьевны, престарелой и богомольной дочери Скоробогатого, которая, однако, тоже непрочь прибрать к своим рукам награбленные отцом деньги. Обожжухин понимает, что через Степаниду, «разлапушку», можно «хапнуть», урвать кое-что из тугих карманов Скоробогатого.

Капитон Обожжухин — это не рабочий в настоящем смысле слова, не пролетарий. Его пребывание на фабрике временное. Он мечтает сделаться купцом, фабрикантом, чего бы это для него ни стоило. Постоянные мысли о богатстве, славе буквально не дают ему покоя.

«—...Смотри-ка, вон купцы как живут богатые,— с завистью говорит он Алене, жене своей:— дом у него каменный, ровно палаты царские, ездит на тройке с кучером, лошади тысячные; сама в церковь поедет,— шляпка не шляпка, салоп не салоп; пьют-едят, сколько бы душа приняла, чего бы она, матушка, только вздумала; спать захочет,— пуховиков целая гора наворочена, насилу влезет».

Воспользовавшись ухаживанием Ивана Терентьевича,

сына фабриканта, за Аленой, Капитон добивается того, что его переводят на фабрике из рабочих в смотрители, уставщики. Узнав об этом, Алена мечтательно говорит:

«— А почему ты знаешь, может и тебе такой талант бог дал; вот ткачом был, теперь уставщиком сделали, опосля, может, в приказчики попадешь. Понемножку, понемножку, лучше да больше, и разбогатеешь. Ведь никому не заказано: как люди-то разбогатели? Все, чай, с маленького начинали?..».

Но Капитон достаточно хитер, умен и хорошо знает, что «от трудов праведных — не нажить палат каменных».

«— Разве этак когда побогатеешь,— возражает он жене.— Слава богу, всех в округе-то знаем. Кто этак-то разбогател? Известно как: либо батька, либо сам бумажки фальшивые делал да переводил, либо хапнул, где случай подошел хороший, да концы спрятать умел, либо прямо сказать: доверенность имел большую да хозяина обворовал... Вот все ведь как... Разве правдой разбогатеешь?».

И заключает:

«— Тут коли подошло да урвал, ну, и таланен, и счастлив, а нет, так и сиди да свисти в кулак».

Обожжухин не хочет «свистеть в кулак». Во имя обогащения он готов идти на всё. Однако он слишком расчетлив и дальновиден. Он хочет всё обделать незаметно, тихо. Даже кучеру Сережке, который помог ему ближе сойтись со Степанидой, Капитон не хочет признаться, что «любовь» его к «разлапушке» — наглая и расчетливая. Это игра голодного кота с мышью. Изворотливость и притворство Капитона доходят до того, что он, скучая, посещает церковь, возится с иконами во время крестного хода,— всё это он делает лишь ради того, что у Степаниды можно «хапнуть» денег.

Притворствуя и цинично лукавя сам, Обожжухин заставляет лукавить и заигрывать с сыном фабриканта и свою жену. Он ей прямо говорит:

«— Ежели бы ты у него тысячу-то рублей, да безо всякого... Куда бы хорошо!... Тысяча рублей — большие деньги: сами бы торговать зачали, никому бы кланяться не стали, зажили бы мы с тобой».

В конце концов Обожжухин добивается своего. Искренне поверив в любовь его, Степанида обворовы-

вает отца, крадет у него несколько тысяч рублей и передает Капитону, который, получив их, отталкивает «разлапушку», ставшую ему ненужной.

«— Я теперь богат, счастлив на всю жизнь,— восклицает он.— Повести дело с умом, вдвое, втрое, вдесятеро будет, завод будет свой, почести, поклоны, знать какая, покой дорогой!... Не ломай спину, не работай, не кланяйся, мне кланяться будут».

Несмотря на некоторую растянутость повествования (это общий недостаток творчества писателя), А. А. Потехин верно изобразил один из способов первоначального накопления и развития капитализма, его отвратительную волчью психологию — «коли подошло да урвал, ну, и таланен и счастлив».

Во втором романе — «Молодые побеги» — А. А. Потехин показывает молодежь, занимающуюся революционной пропагандой среди рабочих фабрики Кошатникова. Правда, и Алена Николаевна, гувернантка директора фабрики, и учитель Василий Якимович, и Федя Чернушкин, молодой талантливый рабочий,— всё это наивные революционеры, только еще «молодые побеги». Но сам факт упоминания об этом заслуживает внимания. Да и сама фабричная обстановка изображена здесь полнее и ярче, нежели в романе «Около денег».

Кошатников — это расчетливый капиталист, миллионщик. Земельный надел крестьян окружающих деревень слишком мал, чтобы прокормить их, поэтому договор у него с рабочими очень прост: сколько положит... Даже сам молодой Кошатников признается Феде Чернушкину:

«— И жалование, и штрафы, и взыски, и все другие порядки,— всё на одном держится: как бы поменьше платить до подешевле работа обошлась».

При двенадцатичасовой работе рабочие получают настолько низкую заработную плату от всевозможных «взысков», что не имеют возможности снять даже маломальски сносную квартиру, а ютятся по несколько человек в комнате.

Вот как описывается рабочая квартира:

«Со двора вошли в большую избу, которая была полна народом. Многие лежали вповалку на полу и на лавках, другие обувались, иные, совсем одетые, готовы были выйти вон. Тут были и мужчины, и женщины, и дети. Изба едва освещалась керосиновой лампой без

стекла, которая дымила и сильно воняла. При этом освещении встрепанные, всклокоченные головы спящих, выставлявшиеся из-под полушубков и кафтанов, которыми были прикрыты туловища, мрачные, заспанные, недовольные и бледные лица собиравшихся на работу, тяжелый храп и стоны беспокойно спящих, отрывистые речи, сопровождаемые ругательствами проснувшихся, — производили на свежего человека подавляющее впечатление».

И тем не менее учитель Василий Якимович, провожая на фабрику Федю Чернушкина, говорит ему:

«— На фабрике больше жизни, движения, больше ума и знания, чем по вашим нормам... Там скорее не уснешь, там есть люди, можно и научиться и научить».

Конечно, Василий Якимович, один из «молодых побегов», еще далек от понимания настоящих задач. Больше того, и Федя Чернушкин, и Алена Николаевна, женщина начитанная, культурная, имеющая в своей личной библиотеке книги К. Маркса, и учитель Василий Якимович едва ли даже представляют себе пути настоящей борьбы с капитализмом. Да и сами идеи-то у них неясны, путаны. Так, например, Алена Николаевна допускает возможность установления между фабрикантами и рабочими некоего союза, превращение как тех, так и других в равных компаньонов по эксплуатации фабрик.

Эта путаная и вредная теория переплетается с пониманием того, что класс пролетариата — большая и грозная социальная сила. Признание последнего делает образ Алены Николаевны нам близким. Как известно, в описываемое в романе время — семидесятые годы — марксистских групп в России еще не было. На арене революционного движения тогда подвизались народники, которые совсем не верили в пролетариат, отрицая его историческую революционную роль.

Алена же Николаевна прямо заявляет:

«— Сила в нас, в пролетариях... Сила не в деньгах, а в рабочих руках, не в капитале, а в труде».

И ее желание послужить своему народу так же выражено искренне и хорошо. Она говорит Феде Чернушкину:

«— Служить народу, жить, работать для его блага, для его счастья, — какая задача может быть выше этой?».

Несмотря на свое увлечение красивой девушкой Параней, девушкой безвольной и мечтающей о легкой, обеспеченной жизни, Федя Чернушкин готов служить народу. Он принимает участие в организованной «кружком» воскресной школе для рабочих фабрики, он не боится возможного ареста за пропаганду среди рабочих. Вообще тип Феде Чернушкина, молодого, грамотного и талантливого изобретателя, — любопытен. Его судьба говорит о том, что капитализм, даже в начале своего развития, своего «расцвета», не способствовал выращиванию талантливых людей, а наоборот — беспощадно мьял и душил их. Молодой Кошатников, будущий хозяин фабрики, прикидывающийся от «страшной скуки» революционером, так и говорит Феде, что у них на фабрике не любят грамотеев, способных людей.

В противоположность Феде Чернушкину, Василию Якимовичу, Алене Николаевне, искренне верящих в силы русского трудового народа, желающих бескорыстно служить ему, А. А. Потехин изобразил другой тип «революционера» — Промптова. Это во всем разочаровавшийся человек, всё отрицающий, ни во что не верящий и ненавидящий народ.

«— Никакого фундамента не заложите, потому что почва-то никуда негодная, совсем непроизводительная», — отзывается он о народе.

Отчаявшись, он встал, как это можно заключить из его слов, на путь террористической борьбы, — путь озлобленных, потерявших голову одиночек.

В романе Промптов — случайная фигура, и несомненно, что симпатии писателя на стороне Алены Николаевны, Василия Якимовича и Феде Чернушкина, — на стороне честных «молодых побегов», несущих народу культуру и просвещение.

Самой собой разумеется, что А. А. Потехин был далек от правильного понимания всех социально-экономических процессов, происходивших в послереформенной России, он далек от понимания настоящих революционных задач, — писатель не поднялся в своих воззрениях выше честного либерального интеллигента, — но тем не менее А. А. Потехин, как наблюдательный художник, сумел увидеть не только возникновение и развитие капитализма, но и зарождение «молодых побегов» революционного движения.

И, стараясь оставаться верным действительности, он сумел, в силу своего понимания, своих воззрений, показать не только «старых» капиталистов, каким является, например, Кошатников, и «новых» — Скоробогатого и Капитона Обожжухина, который, несомненно, «развернет дело», станет владельцем фабрики, оголтелым эксплуататором, — но писатель так же сумел подсмотреть и показать, хотя и наивно, возникновение на фабрике той могучей силы, которая в будущем станет могильщиком капитализма.

Наряду с разобранными романами, немалый интерес представляют краеведческие очерки А. А. Потехина. И в первую очередь, конечно, «Путь по Волге» и «Уездный городок Кинешма». Написанные сто лет тому назад, очерки представляют для нас только исторический интерес, как отражение давно прошедших событий. Но вместе с тем в них есть нечто такое, что и сегодня еще при чтении их вызывает чувства восторга перед неизъяснимой красотой могучей Волги, перед силой и мужеством русских людей, скованных тяжелым гнетом самодержавно-крепостнического строя.

В «этнографических очерках» А. А. Потехин сумел живо нарисовать картины волжских пейзажей, типы простых русских людей, разностороннюю экономическую деятельность в приволжских городах. Обо всем этом писатель рассказывает с глубокой заинтересованностью, сочувствием и даже любовью.

С большой силой написан эпизод спасения людей старым рыбаком во время шторма на Волге. Ежеминутно рискуя своей жизнью, старик едет к опрокинутой лодке, за которую из последних сил цепляются люди. Неимоверные трудности пришлось преодолеть рыбаку. Но всё закончилось благополучно: люди были спасены.

И вот конец этого рассказа:

«Оказалось, что между спасенными были купцы, производившие торговлю солью и везшие с собой большие деньги. Вот пристали мы к берегу, — рассказывал Макар Семеныч, — привел я их в шалашикко свой, развел им теплину. Так тут двое не то, чтобы отогреться, а перво вытащили деньги, да принялись сушить, по всему шалашу разложили мокрые бумажки. Таково денег много, таково много, что я и не видывал. Нечего греха таить, согрешил, подумал, глядя на них, что не оставят, мол,

и меня, старика, от эдаких денег за мою посылку, — хоть, мол, сотню, другую да дадут. И думаю себе: «Ну, мол, сподобил господь и душу соблюсти, может, и на деток что заработал».

Вот они пообогрелись маненько и деньги пообсохли: начали они их собирать да укладывать в бумажники. Я стою, смотрю, да помалчиваю. Вот один перебирал, перебирал руками деньги-то, вынул бумажку в десять целковых, да и дал мне: «На, — говорит, — тебе, старик, покорно благодарю. Это, — говорит, — господа, я за себя ему жертвую; что, мол, вы, чем вам угодно поблагодарить?» Те позамялись. Тот говорит: «Мы, — говорит, — после тебя, старика, не забудем». Другой говорит: «Мы к губернатору поедем за тебя просить, чтобы тебя к медали представил». А один, ни с того, ни с сего, так и взъелся на меня: «Что ты, — говорит, — обобратить, что ли, нас хочешь, побор, что ли, с нас сделаешь? Эдак добрые дела не делаются!»

Так мне это слово стало прискорбно, так прискорбно, что ровно он меня ножом по сердцу. Что ж ведь? Я же с них ничего не просил и не требовал. Взял я эти десять целковых, да тому купцу, что дал мне их, и отдал назад: «На, — говорю, — возьми, не надо мне». — «Нет, — говорит, — старик, возьми: это я тебе от своей доброй души жертвую». — «Не надо, — я говорю, — не возьму. Я ведь с вас ничего не просил, не желаю я, чтобы вы меня попрекали, что я вас обобратить хотел. Бог с вами: не из-за ваших денег я хлопотал». Так воротил деньги и не взял: очень уже мне стало прискорбно.

Тут они все и заговорили в голос: «Да мы, — говорят, — после тебя не оставим, не беспокойся, — говорят, — старик, и к медали, — говорят, — тебя представим». — «Ладно, мол, ничего мне не надо. Божье дело, божья и награда, только недобрым словом меня не обзовите!..» Я их и в город сам перевез.

— Ну, что же? Дали они тебе что-нибудь после-то? — спросил я.

Старик усмехнулся.

— Да, дали, много пожертвовали, — проговорил он с добродушной улыбкой. — Так и слух о них запал, голубчик мой. А привелось мне быть в В., а купец-то, что десять-то целковых давал, тамошний. Дай, думаю, зайду к нему: хоть посмотрю, мол, что будет.

— Ну, что же? — спросил я нетерпеливо.

— Ничего, велел водки поднести, три гривенника вынес, да ступай, говорит, старик, и впредь заходи, а сегодня, чу, мне некогда! — отвечал Макар Семеныч, сопровождая слова свои опять той же добродушной улыбкой».

«И не мало, может быть, подобных подвигов совершается ежегодно на всем протяжении Волги,— заключает очень верно автор,— но они остаются неизвестными».

Нельзя не привести еще примера того, с какой любовью писатель относится к великой русской реке, какие живые краски он находит для выражения своего чувства восхищения Волгой.

«Чудное зрелище представляет вам Волга, когда вы любуетесь на нее с высокого крутого ее берега: противоположный берег, видимый на огромное пространство, в одну общую картину сливает разнообразные виды, расположенные во всю длину его. Волга медленно и плавно течет под самыми вашими ногами, вдали сливаясь с горизонтом; тысячи разнообразных судов бороздят ее в разных направлениях, составляя с нею нечто целое, живущее одною жизнью, и мысль теряется в этом огромном видимом пространстве, и думаешь видеть перед собою чудо или обман зрения. Дивная, великолепная Волга, как не любить тебя!»

Среди писателей прошлого нашей области Алексей Антипович Потехин занимает одно из первых мест. Имя его не может и не будет забыто.

М. КОЛОСОВ

И. А. ЗАРУБИН

Замечательный изобретатель-самоучка и писатель Павел Алексеевич Зарубин родился в 1816 году в посаде Пучеже, Юрьевецкого уезда, Костромской губернии, — ныне город Пучеж, Ивановской области.

Переименованный в 1793 году из слободки «Пучища» в посад, Пучеж в первой половине прошлого века был уже довольно крупным населенным пунктом и вел значительную торговлю хлебом, льном, лесом и щепным товаром, производившимися в большом количестве в окрестных деревнях. В посаде было много больших и малых торговых людей, но основная масса населения всё же жила доходами от своей кормилицы матушки Волги, работая по найму водителями судов — лоцманами, матросами-водоливами, приказчиками, бурлаками. Многие из пучежан имели собственные баржи-расшивы, на которых промышляли перевозкой грузов по Волге. Завести свою, хотя небольшую, «посудину», сделаться «независимым» судовладельцем — для каждого было заветной мечтой.

Одним из таких мелких судовладельцев был и отец Павла Алексеевича Зарубина — Алексей Яковлевич, который на своих двух небольших баржах перевозил грузы богатых торговцев и промышленников. Зимой же, чтобы не сидеть без дела, нанимался в приказчики и ездил в низовые губернии по закупке хлеба и подготовке его к навигации.

Грамотный и трудолюбивый Алексей Яковлевич зарабатывал достаточно, чтобы обеспечить неприхотливое существование своей семьи, состоявшей из его, жены и троих детей: двух сыновей и дочери. Справедливый, рас-

судительный и добрый по характеру, он пользовался заслуженным уважением пучежан.

Мать будущего писателя была женщиной нервной, сварливой и злой. Чтобы не платить деньги за обучение грамоте своего сына, мать Павла Зарубина взялась учить его сама. Но талантливый и наблюдательный мальчик, изобретательный и сметливый в уличных играх с товарищами, не мог усвоить образования слов из непонятных «буки-аз-ба», веди-аз-ва». Причиной его непонятливости был также и «метод» обучения, состоящий из затрещин и подзатыльников, щедро сыпавшихся на бедного ученика. Прозанимавшись несколько месяцев и не добившись никаких результатов, мать решила, что сын совсем неспособен к учению и пусть остается неграмотным.

Рано пристрастившись к рисованию, уже десятилетним мальчиком Зарубин делал довольно грамотные рисунки с натуры. Отец, замечая одаренность и способности сына, однажды, рассматривая его рисунки, сказал:

— Картины-то у тебя хороши получаются, но их надо подписывать, а то что за картины без подписи.

— Я не умею, мне грамота не дается,— с грустью ответил мальчик.

— Ну вот еще, глупость какую сказал: не умею, да не дается. Я тоже не умел, а как захотел, так и выучился. Учись и ты.

Мальчик был самолюбив. Ему и перед товарищами было стыдно, что он, будучи умнее их, не умеет читать, да и перед отцом, которого он любил, не хотелось осрамиться. Взявшись за изучение букваря самостоятельно, он как-то сразу понял секрет образования слов из отдельных букв, и дело пошло у него очень быстро. Обрадованный удачей, он потихоньку от домашних усиленно стал заниматься, и скоро букварь был изучен. Так же самостоятельно, по рукописной азбуке, научился он и писать.

Теперь чтение для Зарубина стало самым любимым занятием, даже рисование, которым он так увлекался, отошло на второй план. С большим вниманием, вдумчиво читал он все те немногие книги, которые были дома или удавалось достать у товарищей, старался понять и усвоить прочитанное.

Без посторонней помощи, благодаря лишь большой настойчивости и усидчивости, он хорошо разобрался и усвоил основы математических наук. Особенно увлекла его геометрия: вычерчивание различных фигур, измерение и вычисление площадей и объемов стало его страстью. В совершенстве овладев геометрией, Зарубин так же самостоятельно начал изучать тригонометрию, физику и механику. Он научился делать различные инструменты и простейшие приборы, проводил опыты, часто пугая ими родных и соседей, которые очень недоброжелательно смотрели на его занятия.

В 1830 году отец Павла Алексеевича умер от холеры, а потом вскоре умер и его старший брат. На молодые плечи Зарубина легла забота о семье. Поневоле пришлось оставить любимые книги и опыты и заняться судебным делом.

Несколько лет Зарубин удачно вел судовой промысел, но потом случилось несчастье: в бурю были разбиты и потонули обе его баржи с чужим хлебом. Зарубин едва избежал от суда и тюрьмы за потопленный хлеб и остался без средств к жизни. Распродав кое-что из имущества и выпросив часть денег в заем, он собрал необходимую сумму на покупку новой баржи. Но не успел он полностью отработать затраченные средства, как затонула и эта баржа. Семья Зарубина, а он к тому времени уже женился, оказалась совсем разоренной, без всяких средств к существованию.

Попытки Зарубина поступить в приказчики не имели успеха, — купцы считали его неспособным к торговому делу, да и самому Зарубину очень не хотелось служить у невежественных, грубых и жадных купцов. Зарубин занялся столярно-мебельным делом и починкой часов. Это занятие давало ему очень незначительный заработок, которого едва хватало на полуголодное существование, но зато он был независим и имел достаточно времени для занятий науками и живописью. Представленная им на губернскую выставку картина получила всеобщее одобрение. Математику Зарубин знал так хорошо, что самостоятельно дошел до открытия целого ряда научных положений и выводов.

В 1843 году вышел указ правительства, разрешавший, ввиду недостатка землемеров, принимать на государственную службу по межевой части лиц податного состоя-

ния, по сдаче ими установленного экзамена, с правом получения через десять лет чина.

Зарубин ухватился за это постановление, как за спасительный круг. В поступлении на государственную службу он видел выход из своего бедственного материального положения и возможность продолжать образование и научные занятия. В течение нескольких недель настойчивых занятий геодезией и топографией он хорошо подготовился и блестяще выдержал экзамен на землемера.

Но чтобы получить должность землемера, необходимо было дать крупную взятку губернскому землемеру, от которого зависело назначение. Зарубин не имел требуемой суммы денег, да и честность ему не позволяла предложить взятку. Зачисленный простым чертежником, он решил добиваться должности землемера старанием и примерной работой. Десять лет прослужил он чертежником без жалованья, перебиваясь случайными заработками, пока наконец не получил звание уездного землемера.

Тяжелы и горьки были годы службы П. А. Зарубина в межевой канцелярии. Честный по натуре, он не мог мириться с царившим здесь взяточничеством, обманом, подлым прислужничеством и невежеством многих служащих, их ленью и наплевательским отношением к служебным обязанностям. За свои прямые и смелые суждения о неблагоприятных поступках сослуживцев он нажил среди них много врагов. Но эти же качества создали ему авторитет среди населения. Крестьяне и другие землевладельцы в своих спорах о земле обращались чаще к нему, простому чертежнику, чем к обманывавшим их и вымогавшим взятки чиновникам. Любили и ценили его также и те немногие из его сослуживцев, которые, как и он, на первое место ставили честность и справедливость.

Начальство не взлюбило его за изобретения и усовершенствования в межевом деле, которые не только упрощали и облегчали работу по составлению планов и вычислениям, но и устраняли возможность ошибок в этих вычислениях, допускавшихся землемерами зачастуюумышленно.

Не встречая в своих занятиях изобретениями сочувствия и поддержки у губернского начальства, Зарубин решил послать некоторые из своих приборов и инструмен-

тов в Академию наук. Результаты получились самые хорошие. За изобретение «планиметра», механически определяющего квадратную меру плоскостей, Академия наградила Зарубина Демидовской премией и издала составленную им брошюру «Руководство к практическому употреблению вновь изобретенных инструментов и способы, относящиеся до исчисления планов» (1854). За границей «планиметр» также обратил на себя внимание, и Парижская академия наук удостоила Зарубина премией.

Но не так смотрело на эти полезные в землемерном деле изобретения костромское начальство Зарубина. Ему сделали строгое внушение и предложили воздержаться от дальнейших изобретений, пригрозив увольнением со службы. За непослушание Зарубин был подвергнут аресту. Потом понизили по должности и, против его желания, перевели в Московский межевой корпус. Здесь Зарубин также подвергся гонениям, но это не сломило его. В 1855 году он представил в Академию наук усовершенствованный «планиметр-самокат» и вторично был награжден Демидовской премией.

Через пятнадцать лет работы в межевом ведомстве, измученный не прекращавшимися преследованиями невежественного начальства, в 1858 году П. А. Зарубин ушел в отставку и поселился в родном Пучеже. Здесь он работал частным землемером, не отказываясь также от заказов по столярному и часовому делу, а всё свободное время посвящал изобретениям и литературному делу. В это время и были написаны все его беллетристические произведения.

В 1863 году Зарубин был вызван в Петербург и определен на службу помощником директора сельскохозяйственного музея министерства государственных имуществ. В музее он служил до 1883 года и за три года до смерти ушел в отставку.

За этот период времени он изобрел гидропулт и водоподъемник, за которые Вольное экономическое общество наградило его двумя золотыми медалями. Изобретенный им сельскохозяйственный пожарный насос был удостоен медали на Всероссийской выставке 1882 года.

Кроме перечисленных выше, Зарубин изобрел также: жатвенную машину, паровой плуг, морской путемер — механизм, посредством которого путь корабля наносится

на карту в должном масштабе; способ измерения морских глубин без посредства линия или веревки; несколько родов дальномеров и особый способ точно определять с кораблей расстояния до недоступных предметов. П. А. Зарубин занимался разработкой законов движения летательных машин и созданием легкого двигателя для управляемых аэростатов и самолетов. Он разработал проект подводной лодки, создал ртутные весы и много других замечательных изобретений.

Многие ценные изобретения Зарубина остались незавершенными из-за недостатка средств. Необходимой помощи в реализации своих изобретений он не получал. Горько звучат слова, с которыми ему пришлось обратиться к издателям «Экономического указателя»: «Я увидел, наконец, необходимость: или оставить навсегда подобные занятия, несмотря на их очевидную пользу, или быть страдательною жертвою обстоятельств и находиться в постоянной борьбе с нуждою и препятствиями, которые, как на беду человека, наиболее всего встречаются в общепольном».

Таков был печальный путь новатора-изобретателя П. А. Зарубина в царской России.

П. А. Зарубин умер 31 июля 1886 года в Петербурге.

Павел Алексеевич Зарубин известен больше как талантливый изобретатель-самоучка, давший родине ряд ценных изобретений в области приборо- и машиностроения, получивших широкую известность далеко за пределами нашей страны. Некоторые из них не утратили своего практического значения даже и в наше время величайшего технического прогресса.

Как литературный и общественный деятель Зарубин еще не изучен. Печататься он начал с 1854 года. С 1867 по 1878 год Зарубин был редактором «Петербургского листка». Его статьи и художественные произведения печатались в этой и других газетах и журналах и выходили отдельными изданиями. Нам известно до тридцати его научных и публицистических статей и брошюр и около десятка художественных произведений и очерков, но есть основание предполагать, что это далеко не всё, что им было написано.

Как писатель П. А. Зарубин мало известен широкой публике. Критика современников обошла почти полным молчанием его художественные произведения. Имеется

лишь упоминание, что его роман «Темные и светлые стороны русской жизни» «получил одобрение от нашего известного писателя Ивана Сергеевича Тургенева»; хвалил этот роман также и А. Ф. Писемский. Неоправданно забыт он и историками литературы. В истории русской литературы Зарубин должен занять свое определенное место.

Произведения П. А. Зарубина: роман «Жизнь», напечатанный в журнале «Библиотека для чтения», 1861, №№ 2 и 3; «Торговая Волга», продолжение романа «Жизнь» — там же, № 11 и 12; «Мещанская женитьба», повесть, — там же, 1862, № 11 и 12; «Происшествие сороковых годов», эпизод из романа, — в журнале «Эпоха», 1864, № 3 и 4 и повесть «Русский самоучка» — в журнале «Записки для чтения», 1867, № 8 и 12, впоследствии объединенные автором в один большой двухтомный роман «Темные и светлые стороны русской жизни», вышедший отдельным изданием в 1872 году, — представляют значительный интерес.

В авторском предисловии к роману Зарубин пишет: «Я счел за лучшее начать изображение русской жизни с низших необразованных классов нашего общества, именно с класса мещан, как менее других анализированного нашею литературой... Я, по возможности, изобразил русского человека в его мещанской обстановке, действующего под влиянием мещанских убеждений. В этой обстановке я показал его, как общественного деятеля, как семьянина, как торговца и промышленника на Волге и, наконец, как самостоятельного мыслителя-самоучку».

В том, что, встав на литературный путь, Зарубин избрал именно эту новую тему провинциальной жизни, заключается его оригинальность и ценность как писателя. Он поднял эту тему, когда, по выражению А. М. Горького, «изображая по преимуществу жизнь столиц, дворянских усадеб и деревни, литература не уделяла внимания жизни и быту мелкого мещанства — огромному большинству обывателей провинции, а именно там, в провинции, в глухих углах разыгрывались наиболее жуткие драмы «отцов и детей»... Мещанин жирел и цепко держал свою молодежь в густой тине «традиции», вековых предрассудков, предубеждений, суеверий» («Беседы о мастерстве»).

А. М. Горький называет произведения Зарубина скуч-

нейшими. В очерке «О том, как я учился писать» Горький говорит: «Вскоре за Помяловским мною была прочитана скучнейшая книга Зарубина «Темные и светлые стороны русской жизни», светлых сторон я в ней не нашел, а темные стороны стали для меня понятней и противней». Но эта «скучнейшая книга» своей беспощадной правдивостью, изображением «звериного быта» мещанства, в котором задыхался и сам молодой Горький, произвела на него большое впечатление.

«...резкая книга и очень обидная, слушать тяжело, а спорить — нельзя, всё верно! Стало быть, есть правдолюбцы, знают они, как мы в Окурове живем, и это особенно действует; как будто пришел невидимый человек и укоряет», — говорил А. М. Горький о книге Зарубина «Темные и светлые стороны русской жизни» словами Матвея Кожемякина.¹

В одной из бесед с В. А. Десницким, по поводу своей учебы у писателей-предшественников, А. М. Горький сказал: «А знаешь, если и учился я у кого-нибудь, то, пожалуй, только у Зарубина».²

Этим высказыванием великий русский писатель дает очень высокую оценку произведениям П. А. Зарубина, раскрывает перед нами его значение как писателя, показывает место П. А. Зарубина в русской литературе.

В поднятой Зарубиным теме мещанства А. М. Горький увидел новые возможности широкого воздействия русской литературы на жизнь. Он разработал эту тему и поднял ее на большую высоту, дав ряд произведений, исключительных по силе художественного воздействия.

Несмотря на некоторые общие черты в творчестве А. М. Горького и Зарубина — изображение провинциального мещанского быта, отсутствие интереса к барину, употребление народных пословиц и поговорок, песен и распространенных в поволжских городах мещанских стихов — говорить серьезно о каком-либо заимствовании или «учебе» А. М. Горького у Зарубина, разумеется, не приходится.

Нельзя сравнивать публицистичность произведений

¹ М. Горький, Жизнь Матвея Кожемякина, Гослитиздат, 1948, стр. 275.

² В. Десницкий, М. Горький, Очерки жизни и творчества, Гослитиздат, 1940, стр. 351.

А. М. Горького с «публицистикой» Зарубина, выраженной в довольно наивных рассуждениях героя романа самоучки Николая Боброва о науках или в его проповеди веры в добрые качества человеческой природы. Горький оперирует фольклорным материалом творчески, Зарубин же ставит в кавычки народные выражения, без учета их значимости; к фольклору у него интерес чисто этнографический.

Произведения П. А. Зарубина в художественном отношении далеки от совершенства. Повествование и диалоги персонажей часто страдают излишней растянутостью, у него нет должной отшлифовки языка, нет красоты и тонкости речевого узора, свойственных крупным мастерам художественного слова.

Но при всех недостатках произведения П. А. Зарубина представляют для нас большой интерес. В них с неподдельной искренностью и правдивостью изображена жизнь рабочих, мещан, купцов и чиновников провинциального Поволжья от Горького до Рыбинска. Особенно подробно описана в них жизнь Пучежа (слобода Гавриловская), с обычаями и нравами его мещанского населения, где родился и вырос писатель.

Павел Алексеевич Зарубин всем своим существом ненавидел «темное царство» тогдашней русской действительности; ненавидел то болото мещанства, которое едва не поглотило его самого и из которого он с большим трудом выбрался.

Механик-изобретатель по призванию, он не замкнулся в своей специальности, не остался только страдающим созерцателем, а вступил в активную борьбу с окружающим общественным злом, как общественный деятель, как писатель. В своем большом романе «Темные и светлые стороны русской жизни» он со всей страстью правдолюбца показал эти темные стороны русской жизни. И если в целом его роман и скучен, то всё же в нем имеются страницы и даже целые главы, написанные с большой художественной силой.

Творчество писателя тесно связано с Ивановской областью, поэтому его художественные произведения имеют большое краеведческое значение. Зарубин дал в них ценнейший материал для уяснения истории прошлого нашего края. В них освещены различные стороны жизни в 30—40-х годах прошлого столетия. Зарубин показал на-

ше Поволжье в период значительного развития торгового капитала.

Волжская природа и быт волгарей нашли в Зарубине своего правдивого бытописателя, каких немного в русской литературе. Он один из первых познакомил читающую публику с бытом волжских бурлаков,— той огромной армией рабочих людей, которые до появления пароходов тянули на себе тяжелые груженные суда против течения с низовьев Волги до самых отдаленных ее верхних городов.

Невыносимо тяжел был каторжный труд бурлаков. Великий русский художник И. Е. Репин с потрясающей силой и выразительностью запечатлел его в своей знаменитой картине «Бурлаки на Волге». Певец народного горя Н. А. Некрасов писал о бурлаках:

Выдь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется —
То бурлаки идут бичевой...

Тяжелый труд бурлаков, их быт нашли свое отражение в произведениях и других наших писателей и художников, но первым описал их правдиво и образно Зарубин. В его произведениях изображены типические черты простых русских людей, их природный ум и смекалка, неистребимая жизнерадостность и здоровый сочный юмор, крепкая артельная товарищеская спайка.

«От души уважаю эту беспечно-смелую, коренную русскую натуру! — пишет Зарубин в очерке «Заметки о Варнавинском уезде».¹ — Не могу утерпеть, чтобы не сказать о своем родном народе два-три правдивые слова. Я сам русский человек и принадлежу к тому же сословию русского народа, которое здесь описываю; я не придумываю, сидя в кабинете (да и нет у меня кабинета), а говорю от лица своих собратьев, высказываю только свое родное чувство, знакомое каждому простому русскому человеку. Не судите об нас по нашей грубой одежде! Поверьте, что под серым кафтаном мужика бывает нередко более нравственных доблестей, более челове-

¹ П. А. Зарубин, Заметки о Варнавинском уезде, М., 1856, 32 стр.; то же в журнале «Русский вестник», 1856, т. V, кн. 19, стр. 392—422.

ства, чем под внешним блеском. Скажу, что неторопливо только решается русский человек на всякое дело; но решившись, он уже не оставит дела недоконченным. Опасность, нужда, самая даже смерть не входит в расчет: «Опасность так опасность,— скажет всякий русский человек,— нужда так нужда, смерть так смерть, а уж если я начал, так затем своего дела не оставлю; двух смертей не бывать, а одной не миновать».

Ярко выраженный автобиографический характер произведений П. А. Зарубина, где в лице главного героя Николая Ивановича Боброва изображен сам автор, позволяет нам проследить все подробности его биографии с самых ранних лет жизни, познакомиться с окружавшей его средой, в которой он рос, воспитывался и работал.

В старой России патриотические мотивы в творчестве передовых людей неизбежно должны были переплетаться с критикой современной им действительности. Как справедливо говорил Добролюбов, «истинная любовь к отечеству не щадит его недостатков». И Зарубин беспощадно вскрывает темные стороны мещанской жизни и быта с его невежеством, суевериями и дикостью нравов.

Ряд сцен мещанского быта пучежан изображен Зарубиным с большой художественной силой. Когда Десницкий в беседе с А. М. Горьким выразил Алексею Максимовичу свое недоумение по поводу его учебы у Зарубина, то «Алексей Максимович,— говорит Десницкий,— продолжал настаивать и указал на такие места в романе П. Зарубина, которые на него произвели особенно сильное впечатление. С некоторым даже волнением он напомнил мне «сцену из семейной жизни», описанную Зарубиным в VI главе I части. Здесь герой романа рассказывает, как отец, обычно суровый и драчливый мещанин, угостил своих детей зеленой смородиной. И какой вкусной показалась им кислая смородина,— так редка, дорога была стыдливая ласка отца!.. Напомнил Алексей Максимович и другую картину мещанского быта: чтение ребенком книги в «палатке», устроенной из стульев и старого одеяла».¹

Не менее беспощаден Зарубин и к купечеству изображаемого им Поволжья, с его торгашескими ухватками и

¹ В. Десницкий, М. Горький, Очерки жизни и творчества, Гослитиздат, 1940, стр. 354.

«ловкостью рук», с его жадной ненасытностью к наживе, звериным обычаем в любую минуту, при каждом удобном случае вонзить зубы в загривок другого торгаша и разорвать его, ограбить до нитки, содрать шкуру, убить — всё, что хотите, лишь бы поживиться за его счет, приумножить свой капитал. Эти качества грубого, ни перед чем не останавливающегося в своей алчности представителя торгового капитала Зарубин очень удачно изобразил в лице рыбинского купца-миллионера Картузова, хищного и ловкого рыцаря первоначального накопления.

«Трифон Васильевич Картузов вышел на обруб посидеть и полюбоваться природою. Время было самое благоприятное. На противоположной стороне Волги давно уже зеленела озимь и своими богатыми всходами подавала большую надежду на хороший урожай. Но с мрачным и недовольным видом смотрел Трифон Васильевич на зеленеющую природу. У него от этого сердце разрывалось на части. «За волосы тянет озимь-ту, просто за волосы ташат!.. растет, бог с ней, не по дням, а по часам» — рассуждал про себя Трифон Васильевич, смотря с недовольным видом на заволжскую сторону...» Как и все купцы, торгующие хлебом, Трифон Васильевич, с душевным негодованием смотрит всегда на признаки хорошего хлебного урожая, урожайные годы называет просто наказанием божием.

Трифон Васильевич с каким-то отрадным чувством вспоминал тяжелый для всех 1834 год (один из неурожайных голодных годов, которые часто повторялись в дореволюционной России. — М. К.) и называл его «божьей благодатью» — «Хорошо бы, брат родимой, как бы еще бог дал такой годок», — нередко говаривал он со своими товарищами по торговле, — «велика была бы благодать божия для нас грешных...» В этот самый год Трифон Васильевич весь свой гнилой и затхлый хлеб, оставшийся от прошлых лет, продал за тройную цену и получил всего барыша 700 тысяч рублей. Потому-то и вспоминал он этот год с особенным удовольствием, потому-то и называл его божией благодатью».

С улыбкой самодовольства Картузов разоряет и «пускает по миру» вместе с семьей своего менее ловкого собрата, доверившегося ему купца Швецова. Он обсчитывает рабочих, недодает им при расчете заработанные

гроши. Он не гнушается собирать на дороге ржавые железки и старые гвозди... Однажды на Волге он сорвался с плота, стал тонуть и звать на помощь работавших на берегу пильщиков. Те, зная его жадность, запросили за спасение 5 рублей.

« — Без четверцы два рублика дам, батюшки! помогите ради бога! Минутное дело!

Так он торговался с пильщиками, пока не захлебнулся и пошел ко дну. Вытащив его и приведя в чувство, пильщики потребовали последнюю обещанную им сумму — 2 рубля 50 копеек.

— Не знаю, братцы, кто меня вытащил, право не знаю... А уж коли вы говорите, что вы вытащили, так уж бог с вами, вот вам по гривенке на брата... — И Картузов отсчитал из кармана 40 копеек».

Двух своих взрослых сыновей Картузов учил кулаками и пинками. Чтобы они не уходили гулять, он отбирал у них верхнее платье и сапоги и запирали их в комнате на замок, а когда сыновья стали и из-под замка убежать, он приказал надеть на них железные ошейники с цепью и двухпудовыми гирями.

« — Теперь с гирями-то недалеко уйдут, мошенники! — произнес Трифон Васильевич успокоительным тоном, когда подали ему ключ от цепей, на которых посажены были его дети».

Невежественными, жадными и бессовестными взяточниками рисует Зарубин и провинциальных чиновников. Магистерский секретарь «сделает что только захочет, и законы подведет, такой уж он человек...» А «Уголовная палата магистерского решения почти никогда не изменяет; переменит ли, нет ли, за деньги, а даром ни за что не изменит: не было примера. А на закон они вовсе не смотрят: подведут иногда статью и больно-больно не подходящую — всё сойдет с рук; указывать им никто не станет, да и не посмеют...»

Когда герой романа Зарубина Николай Иванович Бобров посылал заявление о допущении его к экзамену на землемера, почтмейстер Гавриловской слободы (Пучежа) был крайне удивлен такой смелостью Боброва.

« — Да ведь тут, братец ты мой!.. тут, сударь вы мой, надо быть чиновнику, как например я или вон становой...

— Да ведь тут в сущности-то знания нужны — наука, а не чин, — возразил Николай Иванович.

— Ни! ни! ни! — перебил его почтмейстер, неистово мотая головою, — на службе, брат, наук твоих не нужно. Что твои-то науки? — хтфу!.. — И почтмейстер с ожесточением плюнул на все науки в мире. — Тут, братец ты мой, нужен чин, а не науки; понимаешь ты меня. Без чина служить нельзя, невозможно!.. хоть ты тут тресни! — добавил он с какой-то нажимкой на последнем слове».

«Почтмейстер был не из хитрых людей. О науках и знаниях человеческих он не только не имел никакого понятия, но даже не любил, как про них и говорили. Он от души верил, что служащему человеку не нужно знать никаких наук, а нужно только иметь чин... и непременно короткие волосы и смазные сапоги. Без этих условий он не видел никакой возможности служить или быть полезным на государственной службе. При таком взгляде на предметы — он однажды хлопотал было о замещении его в уездные врачи на открывшуюся вакансию и страшно оскорбился, когда отказали ему по самой ничтожной, по мнению его, причине, т. е. по причине совершенного им незнания медицинских наук. «Уж это по злобе на меня — по зависти», — говорил он своим приятелям. — «Ведь я чиновник, так какого же им еще чорта? Каких еще там медицинских наук от меня требуют?..».

Невежественными, тупыми и пошлыми рисует Зарубин геров своего романа: губернского землемера Рогоулькина, приказного Давыдовского, чиновника губернского управления Крутицкого и других.

Произведения П. А. Зарубина проникнуты чувством глубокой веры в простых людей, которые не преклоняются перед «его благородием» или «его степенством», а видят в лице чиновников и купцов людей, потерявших совесть и честь, и презирают их, как нравственно стоящих ниже себя. У них сложилось об этих людях свое особое мнение и презрительно-ироническое отношение к ним.

Но общественно-политические взгляды П. А. Зарубина были довольно ограниченными. Он, как и многие тогда, главное зло видел в экономической отсталости России, в недостатке просвещения и особенно широкого распространения естественно-научных знаний. Он мечтал о создании в России могущественного общественного мне-

ния, которое сумеет воздействовать на самодержавие и заставит его обновить общественные порядки. Он ратовал за распространение образования и надеялся на появление разумных и культурных капиталистов, которые сумеют понять, что для них самих выгодно выступать в роли не эксплуататоров, а организаторов народного труда. Зарубин не понимал утопичности подобных воззрений, не понимал, что социальный вопрос может быть разрешен только теми, кто «в разумном решении его находит свои личные выгоды», т. е. самими работниками.

Зарубин был идеологом радикального крыла русской городской мелкобуржуазной, разночинной интеллигенции 60-х годов, убежденной в необходимости реорганизации русского народного хозяйства на капиталистических началах, что в 60-х годах было явлением прогрессивным. Он верил, что только прогресс науки и, главным образом, естествознания и техники, может разрешить задачу политического и социального преобразования России.

До сих пор нет еще подробной биографии этого замечательного русского самородка, освещающей большую, многогранную его жизнь и деятельность как изобретателя многих полезных приборов и машин и как писателя и общественного деятеля 60-х годов прошлого столетия. Еще не разобран архив П. А. Зарубина, не собраны воспоминания, переписка и другие материалы о нем и не изучены они. Жизнь и труды Павла Алексеевича Зарубина ждут своего внимательного исследователя.

Д. М. ПРОКОФЬЕВ

В. А. РЯЗАНЦЕВ

7 ноября 1866 года в с. Иванове умер никому неизвестный писатель Василий Алексеевич Рязанцев. Умер скоростижно, загадочно, еще совсем молодым — тридцати семи лет. Сейчас нет возможности восстановить картину последних дней писателя, как и вообще нельзя более или менее подробно рассказать о всей жизни Рязанцева, этого безусловно талантливого и весьма интересного человека. Кроме некролога, опубликованного в журнале «Развлечение» Ф. Д. Нефедовым, воспоминаний о Рязанцеве не осталось. Но представление о нем, как о писателе и человеке, могут дать его собственные произведения, в которых несомненно нашли отражение некоторые события из его жизни. И люди, изображенные в его произведениях, не только близки к своим прототипам, но нередко называются почти собственными фамилиями, лишь слегка измененными.

1

Отец писателя, Алексей Васильевич Рязанцев, был «дворовым человеком» графа Шереметева, которому принадлежало село Иваново, известное своими многочисленными текстильными фабриками.

Родился Василий Алексеевич Рязанцев в 1829 году.

Окончив начальную школу, Рязанцев поехал учиться в 1-ю Московскую гимназию. Как он учился там, в каком окружении находился, чем увлекался — об этом не осталось никаких свидетельств. В рассказе «Горе от книжного учения»¹ Иван Иванович Тепохин, от имени которого ведется рассказ, говорит о себе: «Учился книж-

ной премудрости вдалеке от моих родных, почему и виделся с ними только раза три в год — в продолжительные отпуска на большие праздники и вакационное время, и когда меня отпускали для свидания с ними, и, следовательно, когда я освобождался от придирчиво-строого надзора моих наставников».

Нефедов, оставивший о Рязанцеве некролог, писал, что Василий Алексеевич должен был выйти из гимназии «по разным обстоятельствам».

Вернувшись домой, Рязанцев приобрел на средства отца маленькую фабричку, внес гильдейский капитал и получил звание купца третьей гильдии. Вскоре женился. Жена его, Анна Васильевна, была дочерью одного из братьев Бубновых, владельцев небольшой текстильной фабрики. По обнаруженным письмам явствует, что она была женщина малограмотная, недалекая, совсем не интересовавшаяся литературными делами своего мужа. Больше того, ее, видимо, огорчало, что Василий Алексеевич подвижнически, ночами занимался творчеством, непонятным для нее.

II

Однако «не по душе и не по наклонностям Василия Алексеевича была мануфактурная деятельность!.. По природе живой, впечатлительный и в высшей степени прямой, он не обладал тем практическим тактом и тою коммерческою сметливостью, которыми характеризуется наш коммерсант вообще и в с. Иванове в особенности, — и потому совершенно естественно, что в какие-нибудь два-три года Василий Алексеевич разорился, или, как говорили в Иванове, «вылетел в трубу» (Нефедов). Надо думать, что из гимназии он ушел с очень скромными знаниями, и ему пришлось восполнять пробел в них усиленным чтением книг. Он читает жадно и много. «Я познакомился с Василием Алексеевичем, — пишет Нефедов, — в 1859 г. Несмотря на значительную разность в годах (Рязанцев был старше Нефедова на 9 лет, — Д. П.)... мы скоро сошлись, и между нами завязались дружеские отношения: связующим звеном для обоих служила любовь к литературе. Часто, бывало, мы просиживали с ним дале-

¹ Впервые опубликован в «Ивановском альманахе», кн. 4, 1941, стр. 208—224.

ко за полночь, читая новые книжки журналов, или толкуя о разных вопросах, какие в то время ежедневно почти возникали в нашей общественной жизни».

Сейчас нельзя сказать достоверно, что это были за журналы, какие обсуждались вопросы «общественной жизни», но можно предположить, что одним из журналов, за которым внимательно следил Рязанцев, был «Современник» Некрасова — Чернышевского — Добролюбова. Об этом свидетельствуют произведения писателя. Рязанцев был, несомненно, человеком принципиальным, со своими взглядами на жизнь, на литературу, на призвание писателя. Он довольно остро высмеивал беллетристов, изображавших быт «простых людей», за их незнание этого быта. Иван Гаврилович Прыцов говорит: «...если бы вы почитали, как описывают в книжках разговор нашего брата неуча-купца и крестьянина, просто — смех и зло берет. Думаешь про писака, где он, вражий сын, такую речь слышал? Наберет кучу разных грубых и неудобопонятных слов, расположит их по порядку и думает, что верно изобразил простонародную речь».

Перед собой, как перед писателем, Рязанцев ставил большие задачи. Он «взял на себя труд говорить откровенно о всех многообразных явлениях общественной жизни». Это последнее обстоятельство роднит его с такими писателями, как Помяловский, который говорил: «Я хочу узнать жизнь во всех ее видах, хочу видеть наши общественные язвы, наш забитый, изможденный нуждою люд, на который никто смотреть не хочет. У меня хватит присутствия духа...».

У Рязанцева также хватало «присутствия духа». Он со всей беспощадностью изображает лицемерие, ханжество и волчью жадность фабрикантов. Так же, как и Помяловский, он видит «общественные язвы». Он пишет о них с ненавистью и с беспощадностью. Отводя поклеп от рабочих, Рязанцев с негодованием говорит: «В отношении рабочего класса бессмысленна избитая фраза Нестора, часто появляющаяся у нас в печати: «веселие Руси есть пити». Это господа, смотрящие на Русь в подзорные трубки из кабинетных окошек столиц и иногда выезжающие поразмяться по ней от геморроя, пишут такую бестолковщину о родной земле...» Рассказывая о семье шинкаря, в прошлом человека трезвого и трудолюбивого,

писатель говорит: «В этой избе копошится та самая гнилая жизнь, которая служит резким укором бестолковой общественной благотворительности, безрассудной частной милостыни и достаточным примером совершенного невнимания общества к своим собственным язвам». И еще: «Склад нашего общества уж такой, что каждое общественное полезное учреждение имеет только начало доброе, а результат со временем выходит плохой, потому что заботятся только о внешности, что может в глаза броситься, чем можно похвалиться, а главное-то — сущность-то дела, внутреннее-то содержание, достижение-то настоящей цели — остаются без внимания».

В феврале 1861 года умер от горячки отец писателя. Это «окончательно лишило» Василия Алексеевича Рязанцева «средств к жизни». Нефедов пишет: «Местное общество, обивавшее пороги у отца и распростиравшее дружественные объятия ему самому, теперь грубо отвернулось от него и заклеило его презрением. Всё домашнее имущество, какое только оставалось от прежнего времени, было продано и прожито, между тем как семейство Василия Алексеевича с каждым годом увеличивалось. Он силился выйти из горького положения, искал себе занять место у какого-нибудь из местных капиталистов и... и не находил. А нужда и голод громко вопияли о необходимости труда. И вот, Василий Алексеевич принимается за сапожное мастерство, учится ему и потом начинает зарабатывать какие-то жалкие гривенники. Сапожное мастерство он меняет на столярное, делает столы, стулья и т. п. Последнее оказывается выгоднее первого, и он продолжает им заниматься до самой смерти. Во все эти годы, исполненные страшной борьбы с нуждою и голодом, — с одной стороны, и невежеством окружающей среды, — с другой, Василий Алексеевич не выдерживал и падал... И чем сильнее давил его гнет жизненной обстановки, тем чаще и чаще повторялись эти падения. Незадолго до смерти бедному страдальцу показался было впереди светлый луч, но он показался слишком уж поздно...».

III

Окружение писателя было очень тяжелым. Ему не с кем было обменяться мыслями, поговорить о литературе, которую он так искренне любил. Рязанцев не имел

возможности даже разделить с кем-нибудь свой короткий досуг.

Это было тем более тяжело, что в семье его не понимали, а его, преимущественно ночное, занятие литературой считали не стоящей внимания затеей. Чтобы дать некоторое представление об Иванове тех лет, приведем выписку из рассказа Нефедова «Чертово болото», напечатанного в журнале «Развлечение» за 1864 год. «В настоящее время Чертово болото, по своему характеру и организации, представляет что-то особенное, самобытное: это ни город, ни село... Тут на одном берегу реки в широких и красивых улицах встречаются здания с надписями: «женская гимназия», «чертоболотовская дума», «больница», на другом берегу в целом хаосе избенок и фабричных зданий, раскинутых где и как попало, выглядывают дома и также с надписями: «волостное правление», квартира пристава 2-го стана», «дом управляющего Чертовым болотом», и пр. Жители тоже представляют какое-то разношерстное стадо: тут видишь и гордого сына Альбиона, с рыжими баками, идущего величаво с сигарой в зубах, заломя немного голову и засунув руки в карманы пальто или штанов; натыкаешься и на сына Франции, который куда-то торопится и бежит вприпрыжку, напевая что-то из Беранже; встречаешь и поляка, прозелита-татарина,— да что тут перебирать: все национальности земного шара имеют здесь по несколько экземпляров своих представителей. Но господствующими элементами, составляющими массу населения, являются два сословия и оба наши русские: одно — капиталисты, местные фабриканты и торговцы; другое — рабочий и мастеровой люд. Есть и еще одно сословие — чиновничество. Но я забыл, что в Чертовом болоте существует особый класс людей, нечто вроде древних париев, класс различного рода оборванцев и гольтепы, который стонет и воет по ночам, как голодная стая волков зимою в лесу».

Это внешний облик Иванова. А теперь обратимся к непосредственному окружению Рязанцева. В его рассказе «Горе от книжного учения» Тепохин говорит: «Осмотритесь-ка около себя, что вас окружает? Чорт знает, что такое, — одного шага ступить нельзя без отвращения. Везде дрянь и мерзость. Сумбур какой-то делается в голове, если станешь попристальнее размышлять о нашей

общественной жизни!.. Взгляните на наших чреватых телом и всеми отрицательными достоинствами богачей, на их всесовершеннейших подруг-сожительниц, на их полуграмотных кутил-сынков и, наконец, на их не-тронь меня дочек: какое безобразное скопище нравственного уродства! И всё это беспощадно тяготеет своими материальными преимуществами над нами, бедняками, и с высоты своего ничтожества смотрит на нас гордо, презрительно и безучастно до бесчеловечия. В особенности же, если кто-нибудь из нас, бедняков, вздумает хотя мало-мальски научно образовать себя и сделаться человечнее, а стало быть, отрешиться от окружающего его уродства, — горе ему: не только никто из этих представителей уродов не захочет иметь с ним никакого дела, а даже каждый из них отвернется от него с грубым пренебрежением и при случае постарается наделать ему всевозможных пакостей».

Яков Петрович Гарелин был известен не только как фабрикант миллионер, но и как «литератор-краевед». Некоторые исследователи награждали фабриканта лестными для него эпитетами, никак не заслуженными. Здесь уместно вспомнить замечательное утверждение Алексея Максимовича Горького о том, что «роль буржуазии в процессе культурного творчества сильно преувеличена». Рассказ Рязанцева «Горе от книжного учения» прямо соответствует этому горьковскому утверждению. В нем изображены три фабриканта, типичные для своего времени: Гарелин, Полушин и Зубков. Последний по недоразумению был когда-то зачислен даже в «революционеры». И вот этих «литераторов» и «революционеров» поневоле с беспощадной правдивостью разоблачает Рязанцев. «Видите ли в чем дело: Крелин (т. е. Гарелин, — Д. П.), несмотря на то, что в простонародьи его величают попросту Яшей-дурачком, слывет в здешнем буржуази-аристократическом кругу человеком передовым, отлично образованным и чуть ли не гениальным, вот ему и не хочется, чтобы кто-нибудь затмил его популярность, он и старается преследовать и давить каждого, кто имеет хотя малую склонность к научному образованию. Кроме азбуки, псалтыря, часовника и четырех арифметических правил, он считает великим преступлением для человека бедного дальнейшее образование».

Отзываясь о Тепохине в кругу фабрикантов, Кре-лин-Гарелин откровенно говорит: «Вбил себе в голову глупую идею сделаться человеком образованным, разви-тым,— разве это можно в его низком общественном положении и с его нищенскими материальными сред-ствами? Это свойственно только нам, людям высокопо-ставленным в обществе и с большими денежными сред-ствами. А то эти голыши-выскочки туда же лезут в гору и после станут задирать нос перед заслуженными и по-четными людьми да, пожалуй, еще будут и смеяться над нами, как, например, Зарянец и Фенедов (т. е. Рязан-цев и Нефедов,— Д. П.). Нет, таких непрошенных и дерзких выскочек надо избегать и даже стараться вся-чески преграждать им дорогу к дальнейшему их науч-ному развитию, как несвойственному их званию и со-стоянию занятию. По праву образования подобный выскочка как раз и со мной вздумает равняться, а? Чер-вяку, ничтожной молявке равняться со мной!!! Нет, пока мы живы и имеем возможность, мы до этого не допу-стим. Мы будем стараться с корнем вырывать эти злые зелья. Да чтобы я принял подобного выскочку к себе в услужение? Никогда! Никогда!»

Гарелин — этот «привилегированный представитель своего общества, честолобец, увешанный регалиями» — «поразительно ясно... выразил своей дикой речью загру-белый в невежестве склад общественного направления». «После этого человек, как человек, а не скот в образе человеческого, и поживи спокойно, безобидно и без нуж-ды в среде таких отпетых олухов и дожидайся от них чего-нибудь доброго! Нет, скорей солнце сдвинется с места и пойдет кружиться кубарем около земли и даже по земле, чем эти кривотолки разубеятся в своих зако-ренелых предрассудках и поймут, что не материальное богатство составляет истинное достоинство человека, а его духовное развитие — умственная обработка, чисто-та нравственная и теплое сочувствие ко всему окру-жающему».

В таких условиях жил и работал Рязанцев. Не легче была и домашняя обстановка. Распродав всё, что можно было, из вещей, писатель должен был кормить семью на грошовые заработки сапожным, а затем столярным ремеслом. В личной жизни Василия Алексеевича назре-вала буквально драма. Потом «она с каждым днем

с неумолимо жестокой постепенностью развивалась всё злее и злее и, наконец, обратилась хотя в ничтожно-мелочную, бесстрастную, почти безмолвную, но постоянную нестерпимо-мучительную борьбу. Домашняя наша жизнь сделалась хуже ада. Неумолкаемые сетования семейных на свою горькую участь, их беспричинная злоба на всё и на всех, их отрывчатые, глухие речи, угрюмые вздохи — все это жестоко терзало меня и вооружало на борьбу без борьбы. Мне решительно нельзя было ничем заняться — ни почитать книги, ни пописать, ни сходиться к кому-нибудь из знакомых, чтобы я не слышал от них едкой укоризны и горького упрека». Только надо удивляться, с каким упорством и любовью относился Рязанцев к литературе, чтобы, живя в совершенно невыносимых условиях, найти в себе душевные силы и время для творчества.

IV

О последних днях писателя Нефедов рассказывает:

«Летом н. г. (т. е. 1866 года, — Д. П.) я посетил с. Иваново, и мы снова увиделись. До своего отъезда из Москвы я получил от Василия Алексеевича его повесть «Добрый человек», которую и передал в редакцию «Развлечение». При свидании я сказал ему, что повесть будет напечатана. Он был очень рад этому известию и тут же мне заявил, что у него приготовлены еще кое-какие вещицы.

Положение его в это время было печальное: во всем доме не было пятачка, на который можно было бы купить хлеба... Я прожил в Иваново месяц и перед отъездом зашел к Василию Алексеевичу проститься. Всё семейство я застал на дворе, за самоваром.

— А, вот и он, — приветствовал меня Рязанцев. — Садись, брат!

Я сел. Кругом меня сидели его жена и дети, на грустных лицах которых злая судьба успела наложить свою печать...

После чаю Василий Алексеевич взял меня за руку и повел в садик.

— Знаешь, что я тебе скажу, — начал он: — я, брат, должно быть скоро умру. Грудь всё что-то болит... нынче

со мной часто припадки делаются... Я только не говорю домашним, а больно страдаю.

— Нехорошо,— сказал я,— ты бы посоветовался с кем-нибудь из докторов.

— Э-эх, друг! С ними советоваться нужны деньги, а без денег к ним и ходить нечего...

Признаюсь, с глубокой тоскою я расстался с Василием Алексеевичем, который проводил меня за ворота и желал мне успеха, счастья... А я... ничего не мог желать и только крепко жал его руку и с грустью глядел на его лицо.

Это было последнее наше свидание».

При жизни писателя были напечатаны только рассказ «Хороший человек» (журнал «Сын отечества», 1861, № 12) да повесть «Добрый человек» (журнал «Развлечение», 1866, № 25—29). После смерти были напечатаны еще, тоже в журнале «Развлечение» за 1866 и 1867 годы, «Знахарь» и «Божьи люди», которые до последнего времени считались самостоятельными очерками. Но обнаруженная большая повесть, которую я условно называю «Тихий омут», показала, что и «Знахарь» и «Божьи люди» являются главами этой повести, посланными в журнал по совету Нефедова. Сейчас невозможно выяснить, почему именно повесть «Тихий омут» осталась ненапечатанной, какие были о ней суждения и была ли она вообще в чьих-нибудь руках в Москве, кроме Нефедова. Одно достоверно, что Нефедов читал эту повесть и, возможно, не предлагая в редакции журналов, вернул ее Рязанцеву. Здесь могли сказаться и характер времени (начало цензурной реакции) и воззрения самого Нефедова, никогда не отличавшегося ясностью убеждений.

Эта «боязнь своих убеждений», это «полусоглашение» и заставили, несомненно, дать отрицательный отзыв о повести «Тихий омут». Впрочем, иначе и не могло быть. Напуганный покушением Каракозова на царя, опасаясь общей репрессии со стороны правительства, Нефедов остерегался резких выпадов по адресу самодержавного строя. Видимо, об этом он сказал полумаеками Рязанцеву, возвращая ему «рукопись в трех тетрадах» (как видно из письма Рязанцева Богомолу Н. М.). Писем Нефедова о повести «Тихий омут» в нашем распоряжении нет. Да они едва ли и сохранились. Но известно ответное письмо самого Василия Алексеевича.

По ответу можно судить, что разногласия между Рязанцевым и Нефедовым зашли очень далеко. И это не удивительно. В то время как Василий Алексеевич писал преимущественно о фабрикантах, о фабричных рабочих, о людях городских, Нефедов главное свое внимание обращал на деревню.

Разногласия с Нефедовым больно отразились на душевном состоянии Рязанцева. Тем более, что близких и вообще друзей у него не было. Он рассчитывал напечатать повесть «Добрый человек», увидеть напечатанной и другую повесть — «Тихий омут», которая дала бы ему хотя некоторую материальную поддержку. Он готовил, как видно из некролога Нефедова, и другие вещи. Кроме мелких рассказов — неопубликованного «Горя от книжного учения» и затерянных «Кто кого надул», «Сон Федосьи», — им была закончена, как мы предполагаем, большая повесть с характерным названием «Борьба».

V

Творчество Рязанцева посвящено сатирическому изображению миллионеров-фабрикантов, отцы которых в большинстве своем были крепостными, сумевшими всеми неправдами составить капиталы. И хотя «второе поколение» фабрикантов, не исключая и Якова Гарелина и Александра Зубкова, внешне преобразовалось, но сквозь наведенный лоск «всё еще пахло от них мужицкой сермягой, нагольной овчиной, дегтярными сапогами и разным скотским пометом». Наряду с изображением отвратительной, циничной и прямо-таки звериной жизни капиталистов (Щетин — из повести «Добрый человек», Свинорылов и Релин — из повести «Тихий омут» и др.), Рязанцев один из первых среди русских писателей очень сочувственно и даже с любовью рисовал образы фабричных людей, потомственных рабочих. Он хорошо понимал, что это два совершенно противоположных мира, между ними лежит непроходимая пропасть.

К сожалению, мы не можем точно сказать, под влиянием кого складывалось мировоззрение писателя, но одно несомненно, что глядел он на жизнь, окружающую его, довольно ясно и широко. Возьмем хотя бы образ Щетина. Как сильно и верно нарисовал его моральный облик Рязанцев. Это — циничный ханжа и дикий

эксплуататор, прикрывающийся именем «доброго человека». Умиравший мелкий фабрикант Кузьма Петрович, легкомысленно поверивший в доброту Щетина, оставляет ему несколько десятков тысяч рублей на достройку церкви и украшение ее. Получив деньги, «добрый человек» кое-как достраивает церковь, но ради тщеславия распустил молву, что сделал это на свои деньги. В Щетине была настолько чрезмерно развита сила стяжания, что «ему недосуг было заниматься никакими глубокими чувствами, не приносящими пользы его карману и чести его имени». Лишь одно приводило его в состояние восторга, когда удавалось ему подмять под себя какого-нибудь фабриканта помельче его самого. «Ловко обделал я дельце. Теперь Лукашке я закинул петлю на шею, не вывернется скоро из моих рук». Да что там! Он даже собственную дочь начинает обучать грамоте не ради каких-то высоких целей, как человек, понявший облагораживающее значение культуры, знаний, а привозит из Москвы «мадаму» только затем, чтобы дочь превратить в товар подороже ценой. «Вот что, брат Кузьма Павлыч,— говорит Щетин своему приказчику,— я хочу, чтобы у меня Саша не отстала от других... Смотри-ка, нынче все пустились в ученье, особенно больше всё девочек обучают, чтобы, знаешь, способнее было товар лицом с рук сбить».

Стремясь поддерживать имя «доброго человека», Щетин, по примеру других фабрикантов, разбрасывает по праздничным дням деньги «отребью общества» — нищим. Больше того, он в некотором роде «соревнуется» с другими «благодетелями», — вместо гривенников, он велит раздавать по двугривенному. А чтобы знали его «доброту», он посылает специальных людей кричать по базарам о предстоящей раздаче милостыни. Дескать, пусть знает вся округа! И молва летит, множится, а полученные затем двугривенные пропиваются тут же в кабаках нищими. Но это мелкое торжество фабриканта ложится тяжелым бременем на плечи рабочих. Никто не знает, что Щетин разбрасывает не свои деньги. Нет. Милостыню оплачивали всегда из своих карманов рабочие.

«Подобные дележи,— пишет Рязанцев,— приносили Николаю Антоновичу большую славу, как доброму человеку. Несмотря на это, Щетин после каждого дележа

несколько времени чем-то тяготился, казался чем-то серьезно озабоченным и делался сердито-угрюмым. В этом тревожном состоянии он почти не выпускал из рук счеты и всё что-то на них выкладывал, покусывая концы своей бороды. При таких случаях в доме ничем не нарушалась глубокая тишина; домашние ходили на цыпочках, говорили между собой шопотом, и только издали бросали они на главу семейства робкие взгляды. Наконец Николай Антонович, надумавшись досыта и всё сообразив и высчитав, откладывал счеты в сторону, выпускал бороду из зубов, степенно растягивал ее рукой и, не изменяя серьезного выражения своего лица, призывал к себе главного приказчика своего Кузьму Павловича и, когда этот являлся пред его хозяйские очи, говорил ему:

— Павлыч! Много, брат, мы с тобой денег по пустякам растратили: то дележи, то погоревшим вспомоществования — много денег вышло. Надоть, брат, ешту протарь как-нито навестать, а?

— Что же-с, Миколай Антоныч, ешту протарь можно навестать-с.

И «протарь» навестывается. Механика тут проста: «...Уменьшить плату за сделную работу, сбавить цену месячным и годовым рабочим и больше штрафовать их». Вот цена добродетели фабрикантов! Они могут быть и добрыми, и щедрыми, и прикидываться людьми культуры, но только за счет рабочих.

С каким негодованием обрушивается Рязанцев на эту «добродетель» капиталистов, которая плодит лишь тунеядцев, бездельников, пьяниц, словом — всё «отребье общества». «Смотри-ка ты, — говорит Прасковья Матвеевна (повесть «Тихий омут»), — нынче сколько нищих развелось — страсть. Другому бы еще работать бы да работать, а знают, што и без работы могут прокормиться, да еще как прокормиться-то! Каждый день и сыт по горло и пьян до повалки, вот и идут собирать по окошкам, — и бездельничают, и пьянствуют, да уж и воруют кстати. А всё богачи виноваты: они их набаловали». Эта губительная «благодетельность» иногда захлестывает и некоторые менее устойчивые семьи рабочих. В повести «Тихий омут» Рязанцев рассказывает о Прокофье, его семье, отравленной милостынями.

«Прокофьич прежде был мужик работающий, жил исправно, поведения был хорошего, пока семья его была невелика. Жена его почти каждогодно родила детей. Некоторые из его детей умирали, но со временем немало накопилось их и живых. С увеличением семейства заработка не стало хватать на безбедное прокормление большой семьи, помощи получить было неоткуда — и в доме поселилась суровая нужда. Чем больше подрастали дети, тем более требовалось на их содержание, тем более нужда возрастала. Жена Прокофьича беспрестанно охала да жаловалась на свою горькую долю и не имела времени, по постоянной возне с детьми, принести подспорье хозяйству какой-нибудь работой. Таким образом они колотились год или два, кое-как перенося все горькие лишения. Наконец терпение лопнуло у жены Прокофьича.

Однажды она предложила мужу посылать своих детей-подростков собирать трешники и семишники под окнами богачей. На первый раз Прокофьич крепко выругал свою жену и не поддался ее искушению. То же случилось и во второй раз и в третий раз. Но жена не отступала от него, беспрестанно докучала ему, говоря слезно: «Вон, ведь, другие не хуже нас, да посылают же ребят-то собирать милостыню и живут без нужды». А нужда их возрастала с каждым днем всё больше и больше. Наконец Прокофьич махнул рукой... Трое из его ребятшек пошли собирать под окнами трешники и семишники и куски хлеба, протяжно и заунывно голося обычную фразу: «Милостыньку ради Христа!». В этот же день пришел Прокофьич домой с работы подвыпившим.

Нужда в его семействе поуменьшилась: это подстрекнуло идти на легкую добычу и мать Прокофьича и жену его. В пятерых руках дело шло отлично: хлеба покупать уже было не нужно, его с избытком хватало на всё семейство и даже оставалось немало на продажу. Завелись и деньжонки в семье. Настал для всех истинный праздник. Между тем Прокофьич с каждым днем всё больше и больше втягивался в пьянство. Потом он совершенно бросил работу и сам стал ходить на дележки, где подавали гривенники и двугривенные. К тому же подрастали дети и увеличивалась добыча.

Всякое дело в доме было заброшено: за большой

труд стало считаться истопить печь и сварить горшок щей. Зато вино в нем никогда не стало переводиться: и муж и жена стали считать его необходимой приправой своей легкой жизни. Кстати, они завели у себя в доме шинок. Наконец подросла одна из дочерей их — ее продали... Подросла другая — и другую продали. Теперь ждет та же участь еще двух девочек, из которых одиннадцатилетняя через год, много через полтора тоже поступит в продажу... Какая участь ждет двух мальчиков? Пьянство, воровство... известно уж что!

Кажется, очень ясно, отчего погибло это семейство: от бестолковой милостыни и от общего невнимания к истинным нуждам. Если бы Прокофьичу было оказано во-время разумное пособие, то не погибли бы ни он, ни его семейство».

В другом месте повести о другой подобной же семье Рязанцев говорит: «В этой избе копошится та самая гнилая жизнь, которая служит резким укором бестолковой общественной благотворительности, безрассудной частной милостыни и достаточным примером совершенного невнимания общества к своим собственным язвам».

VI

Разбрасывая деньги нищим, фабриканты были совершенно не склонны оказывать истинную и необходимую помощь рабочим своих фабрик, тем самым рабочим, которые создавали им колоссальные богатства, потому что капиталистам «недосуг было заниматься никакими глубокими чувствами, не приносящими пользы их карману и чести их имени». Как бы ни была остра и чрезвычайна нужда трудового человека, хозяин всё равно не окажет ему помощи, не проникнется к нему состраданием. «Ни за што не помогут, — говорит Прасковья Ивановна, — хошь умирай ты... Говорят, ведь ты не нищий, сам добудешь себе кусок хлеба. Они разве смотрят, что у рабочего человека семья велика, што не под силу ему справиться с ней, што хворость его взяла аль несчастье какое посетило... они этого не понимают и не обращают на это даже никакого внимания. Другой раз и за своими-то трудовыми деньгами ходишь-ходишь — насилу получишь, — то не время, то недосуг, даже горе возьмет». А Прыщов, в образе которого много биографи-

ческих черт самого Рязанцева, говорит об этом еще определеннее: «Они как привыкли делать: покачнулся человек — норвят уронить его, а упал — уж вовсе втопчут в грязь».

В этом отношении очень интересен рассказ Гаврилы из повести «Тихий омут». «Я вот, братцы, вам про сея скажу,— продолжал шустрый рабочий.— Я работаю у дяди Платона с хвостиком двадцать годков — н-да! Мальчиком пошел к нему работать-то. Н-ну, хорошо. Ладно. Живу у ёво столько времени, а вот ни макового зернушка от ёво сее помочи никакой не видал! Ужели я в ейти годы так ничего и не выслужил? А? Кабы я дурной был человек, вить он не стал бы держать меня столь времени — правда? Ладно. Погодь, што я скажу. А коли я не пустяшник какой, стало, што-нито да выслужил? Ничего не видел я от ёво добра сее. А кажинный божий день страх сколько нищих он обделит по семишнику, по гривне, а в праздники и тово больше. Вот нынче, чай, страсть што он деньжищев разбросал! А всё даром вить деньги-то бросает, кабаки награждает... А положи-ка он мне в прибавку к заработку по копейке в день: в году триста шестьдесят пять дней, служил я у ёво двадцать лет,— смекни-ка ты, маха вить денег-то выдет!.. А я просил у ёво не ахти сколько. Мне всего-то навсе нужно было каких-нито целковых двадцать. Вишь ты, братцы, какое дело-то вышло! В ту пору домишко мой стал больно плошать, надоть было ёво поправить, а то совсем развалится, а денег сколотить никак не мог... ребятишки были мал-мала меньше. Ладно. Хорошо. Думали-думали мы с женой да так и удумали итти к хозяину, попросит, мол, у ёво целковых десяток, да за конторой зажитых у меня было семь рублей серебром, ну, мол, и хватит, как-нито справим избенку-то. Покули я сбирался — всё робость брала,— а тут на грех корова и пади, мы с женой так руки и опустили!.. Да, братцы, нелегко в ту пору было! Што делать? Как быть? Опять думали-думали мы с женой, да опять тоже и удумали, что надоть, мол, итти к хозяину. Была ни была — пошел я. Прихожу в контору, встал у двери, жду, коли он выйдет, а у самого сердце так и щемит! Больше часу стоял я. Выходит. Я, ни словечка не промолвив, да ему прямо и бух в ноги. «Што ты валяешься, дурак? — закричал он.— Встань». Ваше степенство,— промолвил я, не при-

поднимаясь с колен, — Платон Миколаич! Будьте милости-вы, как бог, так и вы, помогите, корова, мол, пала у меня, пришел помочи просить у вашего степенства, купить надоть, ребятишек с голоду поморишь, не откажите, милосердствуйте, в счет заработка денег пожалуйте. А он мне и говорит с усмешкой: «У тея, говорит, там еще жона падет, ты тоже, говорит, придешь ко мне-ка просить, штоб я тее, говорит, и жону-то купил?» — Да и спросал меня: «А много ли, говорит, тее-ка денег-то надоть?» Я ему и говорю: двадцать целковых, мол, ваше степенство. «На корову-то двадцать целковых?» — крикнул. Избенка, говорю, ваше степенство, плоха стала, надоть поправить, ребятишек зимой поморозишь, не даром, мол, прошу — под заработок, я двадцать годков с лишком, мол, у вашего степенства работаю, ни в каких, мол, шалостях замечен не был, как вашему степенству самим известно, и прикащики тоже, мол, заверят. Говорю я евдак, а сам всё кланяюсь ему в ноги, а сам всё кланяюсь. Нельзя, братцы, одна надежда, сами знаете... Ну, ладно, хорошо. Кланяюсь я... што-то, мол, будет? А он опять и говорит мне-ка: «У тея портки, говорит, будут плохи, так ты, говорит, и портки-то заставишь меня тее покупать?» Да как зыкнет на меня, словно зверь какой лютый: «Вон, скотина!» Я было опять в ноги ему, помилосердствуйте, мол, ваше степенство, — нет, куда!.. Закричал, затопал. «С места, говорит, сгоню! И другим, говорит, закажу, штоб не брали тея, мошенника, плута, вора!..» Лаялся, лаялся, хуже всякой злющей собаки облаял... Я и не помню, как выбрался из конторы».

Помог Гавриле в этом несчастьи сосед, Кузьма Трифоныч, тоже рабочий фабрики, причем помог «без всякой заруки, аль заклада, аль роста». Рязанцев изображает рабочих не только сочувственно, но даже любовно, восхищаясь их трудовым героизмом. Особенно интересна фигура Семена Кочнева, резчика. Это — человек, который всю свою жизнь провел в изнурительном труде, пытаясь вырваться из тяжелой нужды. «Всё больше и больше старается Семен: днем работает на фабрике, придет домой вечером, перехватит черного хлебца с серыми пустыми щами и садится за верстак и работает до глубокой ночи, пока неодолимая дремота не сомкнет ему глаза. Только что соснул маленько — свисток: вскочил, умылся, помолился немного на закоптелый образок,

схватил краюшку хлеба на завтрак и опять побежал на фабрику. Иногда в часы ночной работы заплачет сынишка: Семен тихо подойдет к зыбке, даст соску или сосок, привяжет себе на ногу веревку — и качает и работает! «Пускай спит себе жена, — думает он. — Я всё равно не сплю же — покачаю». «Крепкая была натура у Семена: много силы душевной и телесной заключала она в себе, но туго сложившаяся жизнь и чрезмерный труд надломили эту двойную силу». Рассказ о жизни резчика писатель заканчивает следующими словами: «Вечная память тебе, честная душа: сам ты был трудовым человеком и подготовил обществу тоже трудового человека в своем сыне...» И — «прямая, торная и открытая дорога жизни лежала перед Петром Семенычем; он уже твердой стопой стоял на ней; ему только следовало неуклонно идти по этой дороге, опираясь на надежную опору — труд».

Жену Петра Семеновича Кочнева писатель рисует совершенно в некрасовских тонах. «Паша — чистая русская, крепкая натура, переносливая во всех невзгодах, твердая в своем собственном горе и чуткая к чужой беде, спокойная в счастье и нужде, верная в любви, неумная в работе, не поддастся любому мужчине: носит — и пашет или верхом боронит, мучается — и жнет и тут же на полосе родит, а через три-четыре дня едет в лес за дровами или везет на базар жито, одна ворочаясь с пятипудовыми мешками. Натура — трудом, нуждой вспоенная, вскормленная и ими закаленная».

VII

Писатели-народники изображали фабричных рабочих предвзято, сознательно подчеркивая в них отрицательные стороны, порожденные развивающимся капитализмом, а часто и приписывая рабочим те пороки, которых они не имели. Это делалось ими для того, чтобы представить крестьянскую общину «земным раем», чтобы оправдать свои идиллические, антиисторические взгляды на деревню.

Но Рязанцев далек был от этих убеждений. Сама действительность подсказывала ему совершенно обратное тому, что исповедовали писатели-народники. Василий Алексеевич трезво глядел на окружающее, он «взял на

себя труд говорить откровенно о всех многообразных явлениях общественной жизни».

Он сам был по своему происхождению крестьянином, сам жил в общине. Но писатель видел, как эта община разваливается под ударами развивающегося капитализма, как вчерашние крестьяне с. Иванова всё больше теряли связь с землей, становясь пролетариями. И если Семен Кочнев, резчик, еще приобретает «земельку», то эта земля уже не является ни для него самого, ни для его сына Петра, работающего на фабрике печатником, источником существования. Скорее всего «земелька» служила некоторой данью многовековой традиции. И — только. Основным и единственным источником существования была для подавляющего большинства ивановцев уже в то время работа на фабриках.

Отвернуться от происходящего процесса пролетаризации вчерашних крестьян Рязанцев не мог, как объективный бытописатель. И хотя он видел, что некоторые фабричные ведут беспорядочную жизнь, он не старался преувеличивать это, подобно писателям-народникам, не старался упрекать рабочих тем, что они пьют вино, скандалят по улицам. Он понимал, что не сами рабочие виноваты в этом. И в повести «Тихий омут» он дает ответ тем писателям, которые, вместо борьбы с пороками, пренебрежительно и слепо отворачивались от рабочих, отказываясь даже вообще признавать их как самостоятельный класс.

Вот с какой убежденностью говорит об этом Рязанцев в повести «Тихий омут»:

«Иные люди видят у забора повалившегося мужичка: «пьяница» — вертится у них на уме, и смотрят они на бедняка с презрением и отвращением: грубо ошибаются и жестоко оскорбляют достоинство человека в своей собственной личности подобные люди. Этот мужичок работал целую неделю до крайнего изнурения, вставал чем свет, ложился поздно, ел грубую, мало питательную пищу,пил одну воду — изнурился, отошал. Пришел праздник, встретился он с кумом или сватом, или со своим товарищем на базаре, слово за слово — потолковали, пошли в кабаk — выпили: изнурительный труд, скудная пища, недостаточный сон и нечастое употребление вина обманули молодца, и — повалился мужичок с трех-четырех стаканов. Всякий это видит, — вот и пьяница он!

А вот купец: так и прыщет от него здоровьем, если к его лицу приложить фосфорную спичку,— она вспыхнет. Он выпил втрое более мужичка, да ему это за привычку, ему это нипочем, потому что он приел множество всякой всячины: идет — только отдувается; или уж хмель сильно одолел,— для него экипаж готов. Он не прослышет пьяницей, а между тем пьет каждодневно — и выпивает в одну неделю более, чем рабочий человек выпьет в течение трех месяцев. Несмотря на это, вся слава горького пьяницы падает на последнего.

В отношении рабочего класса бессмысленна избитая фраза Нестора, часто появляющаяся у нас в печати: «веселие Руси есть пити». Это господа, смотрящие на Русь в подзорные трубки из кабинетных окошек столиц и иногда выезжающие поразмяться по ней от геморроя, пишут такую бестолковщину о родной земле. Простой русский человек действительно пьет, но не так пьет, чтобы мог получить за это пальму первенства прочих сословий. Вся беда его в том, что он пьет редко, да метко, то есть доповалу: зот каждый и указывает на него пальцем. Но ни условия быта, ни денежная достаточность, ни излишки времени и ни даже самый характер не допускают его пить постоянно и много. Если и встречаются личности, крепко пристрастившиеся к вину (да и в каком сословии они не встречаются?), втянувшиеся в пьянство,— это уж отребье общества, люди пропащие. По ним нельзя судить о целом обществе. Наконец, если для простого русского человека и немислимы без вина ни годовые праздники, ни свадьбы и прочие подобные случаи, вместе с могогарычами и литками, то это вовсе не исключительная его черта... Насчет этого можно было многое кое-что сказать, опираясь на самые голые факты, но здесь не место распространяться об этом.

Пусть, как умеют, как знают, веселятся в праздники рабочие люди: прочие слои общества, лучше обеспеченные в жизненных средствах и тяготеющие своим довольством на бедном классе трудовых людей, оставляют последним весьма мало шансов для безукоризненных увеселений, присваивая себе преимущество на более приличные и утонченные удовольствия. Пусть веселятся рабочие люди: в каком бы виде ни проявился их разгул, порицать их за это несправедливо, жестоко до бесчеловечия. Они пользуются тем, что им досталось на долю

по жребью жизни. Немного развлечений предоставлено им для выбора: их развлечения — чарка водки, громко раскатистая песня, игра на гармонике или на балалайке, безыскусственная пляска, кулачный бой, орлянка и три листика. Желать, чтобы они не пользовались и этими развлечениями, — желать их совершенного оупения. У них без того жизнь идет — нынче, как вчера, завтра, как нынче. В будни они связаны трудом и заботами, терпят лишения. Ужели и в праздники не отдохнуть им и не потешиться? Пусть, как умеют, как знают, веселятся рабочие люди: если некоторые из них и слишком увлекаются доступными развлечениями, в особенности чарочками, то шестидневный тяжелый труд вполне искупает их увлечения. Рабочему человеку простительно заглушать праздничным разгулом ропот своей будничной, скудной жизни. Нараспашку, безбоязненно, среди улицы и среди народа, не укрываясь ни от божьего света, ни от людского взора, потешаются рабочие люди, потому что они потешаются на свою собственную кровную трудовую копейку.

Только одно нищенство — это грязное отребье общества, это ясное доказательство плохой организации его, это очевидное свидетельство безрассудной общественной благотворительности, — укрывается со своим развратом в темных углах».

Как видим, это прямо противоположно мировоззрению писателей-народников, для которых фабричные рабочие не самостоятельный, наиболее прогрессивный и передовой класс, будущий могильщик капитализма, а всего лишь «разновидность крестьянства». Для Рязанцева понятие рабочего класса довольно определено, и он прямо говорит о рабочих «как людях фабричных, промышленных, особенных привычек и нрава». Совершенно убедительно показывая, как народившийся капитализм душит, мнет и высасывает из рабочих все лучшие силы, всё здоровье, ничего не давая взамен этого, Рязанцев бросает ядовитый упрек: «Склад нашего общества уж такой, что каждое общественное полезное учреждение имеет только начало доброе, а результат со временем выходит плохой, потому что заботятся только о внешности, что может в глаза броситься, чем можно похвалиться, а главное-то — сущность-то дела, внутреннее-то содержание, достижение-то настоящей цели —

остаются без внимания». И несколько ниже автор говорит о фабрикантах, построивших убогую больницу, что этим «они только достигли своей эгоистической цели — получили... славу».

VIII

Не следует забывать, что всё творчество Рязанцева относится к первой половине шестидесятых годов. Поэтому мы не можем найти в его рассказах и повестях сцен организованного протеста рабочих против фабрикантов. Но глухой внутренний протест, в частности в повести «Тихий омут», чувствуется. И как бы оговаривая это, Рязанцев в упомянутой повести говорит:

«В настоящее время, при не вполне сформировавшемся общественном складе, труд получает вознаграждение от капитала как милостыню, раболепствует перед капиталом. Поэтому представители труда покорно преклоняют выи перед представителями капитала и несут на своих плечах всю тяжесть кабального ига, почти безусловной зависимости, добывая потом и мозолями роскошное благосостояние последним, а сами только пользуются крупницами, милостиво выбрасываемыми им излишеством. Представители труда могут просительно предлагать условия; представители же капитала решительно определяют их. Через это первые нравственно и материально унижены пред последними до невозможности сравнения. Покуда еще такова наша общественная промышленная жизнь, таковы ее условия!»

Разумеется, в творчестве Рязанцева имеются ошибочные представления, обусловленные временем. Ему, например, кажется, что трудовой человек и в условиях самодержавно-капиталистического строя может устроить себе разумную и обеспеченную жизнь, только надо для этого выбрать в детстве ремесло, много и усердно работать, не иметь излишеств, приучить себя к скромным потребностям и «думать о труде, как единственном средстве своего достаточного или скудного пропитания, то есть: как поработается, так и проживется». О сапожнике Прыщове, разорившемся торговце, автор прямо так и говорит: «Если бы не было у него столь большого семейства, если бы он сам и жена его были с малолетства приучены к скудной, суровой жизни, может быть он и по-

правился бы, сколотил бы деньжонки». Рязанцев фаталистически относился к судьбе людей. Об упомянутом Прыщове автор говорит: «Родился он торговым человеком — и будь торговым, и не за свое дело нечего и приниматься — проку не будет!» Раз выбрав с детства себе профессию, человек неизменно должен держаться за нее, как за источник существования.

Конечно, это представление было обусловлено тем, что капитализм только развивался, растущая промышленность поглощала свободные руки, и тогда еще около ворот фабрик не толпились в изобилии безработные люди, как это будет несколько позже. Но уже и тогда Рязанцев хорошо понимал, что «притеснениями, неправдой да плутнями — ведь богатство-то и наживают люди». И Гаврила, обиженный хозяином в лучших своих чувствах, говорит по адресу фабриканта: «Он (рабочий, — Д. П.) тее капитал наживает, а без ёво што ты один-то поделаешь? Пропал!» И под ударами этой суровой действительности рушится наивное представление писателя о возможности рабочих жить при самодержавно-капиталистическом строе довольно культурно, сносно, безбедно. Идеалом Рязанцева является изображенная им жизнь Петра Кочнева — честного, грамотного рабочего. Изобразив жизнь Кочневых, автор говорит: «Так уютно и отратно в этом домике трудового человека, что невольно думается: как легко можно жить на свете!»

Но в этих словах чувствуется горечь, ибо такая жизнь для трудового человека в тех условиях была невозможной. И, как писатель очень правдивый, Рязанцев сам же вынужден признаться в обманчивости своих представлений. «Всегда светло и отратно было бы в этом уютном уголке честного трудового человека (т. е. в доме Кочнева, — Д. П.), если бы за стенами его не существовали — иные люди, иная жизнь». Вот в чем дело! За стенами дома Кочнева течет иная жизнь — тяжелая, капиталистическая. Она врывается в «уютные уголки» и разрушает их.

Но эта наивность писателя искупается его правдивым и любовным изображением рабочих, людей труда. Какой правдой и гуманностью веет от следующих слов Рязанцева: «Какое бы маленькое, но честное дело ни делал человек — он не бесполезен, не лишний, — общество не имеет права исключать его из своей среды, он так же

заслуживает полного уважения, как и тот, который мог бы ворочать архимедовым рычагом. Напротив, тунеядство и бездельничество, как язвы общественной жизни, хотя и растравленные самим же обществом, достойны полного презрения и горячего преследования».

Смятый условиями окружающей действительности, Рязанцев умер слишком рано, не успев осуществить своих творческих замыслов. Но и те произведения, что остались от Рязанцева, представляют несомненный интерес, как произведения одного из первых бытописателей Ивана.

Ф. Д. НЕФЕДОВ

В 1930 году А. М. Горький, вспоминая в «Беседах о ремесле», какое впечатление произвела на него русская литература 60—70-х годов, писал, что она разделилась перед ним на два ряда, один из которых возглавлял «талантливый и суровый реалист» Помяловский.

«Я,— писал А. М. Горький,— чувствовал, что эти разнообразно и размахисто талантливые люди, сурово и поспешно рассказывая тяжелую правду жизни, предъявляют мне неясное для меня требование».¹

В числе писателей, возглавляемых Помяловским, «сурово и поспешно» рассказывающих «тяжелую правду жизни», А. М. Горький, наряду с именами Николая Успенского, Решетникова, Левитова, Воронова, Наумова, Слепцова, назвал также имя Нефедова — одного из первых писателей-ивановцев.

**
*

С давних пор славившееся своей текстильной промышленностью село (теперь город) Иваново, бывшее крепостной вотчиной помещика графа Шереметева, к тридцатым годам прошлого столетия превратилось в один из крупнейших центров хлопчатобумажного производства России.

В Иваново, в семье мелкого предпринимателя, занимавшегося сначала ваточным промыслом, а затем торговлей, и бывшим в то же время крепостным крестьянином, в 1838 году родился Филипп Диомидович Нефедов.

Окончив в 1849 году приходское училище, Нефедов

¹ А. М. Горький, О литературе, М., 1937, стр. 274.

помогает отцу в его «деле», ездит на ярмарки в другие города. Еще юношей он пробует сочинять, и в 1858 году в № 50 «Костромских губернских ведомостей» появляется первое печатное произведение Нефедова — очерк «Галичская ярмарка».

Вскоре Нефедов становится центральной фигурой небольшого кружка тянувшейся к знанию, к культуре ивановской молодежи из среды интеллигенции.

Участники кружка много читали, снабжая друг друга книгами, устраивали домашние спектакли, пытались вести культурно-просветительную работу среди ивановских рабочих. Сам Нефедов, например, был одним из преподавателей воскресной школы для рабочих, открытой в 1861 году. Однако уже в следующем году школу закрыли за попытку учителей выйти из рамок казенной программы, дать слушателям сведения по русской истории, ознакомить их с замечательными историческими личностями и т. д. Глубокое сочувствие рабочему люду, жестоко страдавшему под двойным гнетом — капиталистов — фабрикантов и помещика — владельца села, искреннее желание служить народу, нести в массы просвещение, вера в светлое будущее, в осуществление социалистических идеалов, с одной стороны, и ненависть к ивановскому «чертову болоту» с его контрастами богатства и нищеты, праздности и тяжелого труда, с его «обществом», в котором господствовали «саврасы» из купеческих домов, картежная игра и пьяный разгул, с другой стороны, — вот, что объединяло эту молодежь.

Педагогическая работа, о которой мечтал Нефедов, требовала образовательного ценза, и он в 1862 году переезжает в Москву, чтобы поступить в университет. Но отсутствие «увольнительного свидетельства» от Ивановского «сельского общества», к которому был приписан Нефедов, послужило причиной недопущения его к экзаменам. Его приняли лишь в число вольнослушателей историко-филологического факультета.

В Москве, готовясь к экзаменам, давая уроки и работая в частной библиотеке Черенина, Нефедов продолжает заниматься литературным трудом, который вскоре становится для него, в сущности, основным источником существования.

Университет и литературная работа расширяют круг знакомых Нефедова, часто собиравшихся в его комнате.

В частности, он близко сходится с приобретшим уже известность писателем А. И. Левитовым.¹

Нефедов сотрудничает во многих журналах и газетах. Его очерки, фельетоны, сценки, статьи, корреспонденции систематически печатаются в юмористических журналах «Развлечение» и «Будильник», в «Московской газете», «Неделе», «СПб ведомостях» и других органах. Печатается он, большею частью, под псевдонимами (Ф. Уводин, Нескажуся, Незаметный и др). В 1865 году Нефедов в течение нескольких месяцев был негласным редактором основанного Черениным «журнала библиографии и книжного дела в России» «Книжник», журнала, близкого по направлению к «Современнику».

Положение ивановских крестьян, защита их интересов, обличение местных заправил, защита и пропаганда воскресных школ — таково основное содержание корреспонденций и заметок, посылавшихся Нефедовым из Иванова и печатавшихся в «Веке» и других московских газетах.

Переехав в Москву, Нефедов не порывает связи с Ивановом. Он всё время переписывается с оставшимися там друзьями, живо интересуется жизнью родных мест. Переписка эта давала ему обильный материал для литературной работы.

Ивановские темы занимают весьма значительное место в литературно-публицистической деятельности Нефедова. Его очерки и фельетоны, печатавшиеся, в частности, в «Развлечении» («Перед кончиною», «Чертово болото» и другие), в которых обличались «ивановские порядки» и действия местных заправил, доставили Нефедову не только большую популярность в самом Иваново, но и вызвали бешеную ненависть среди ивановских «деспотов», легко узнававших себя среди лишь слегка замаскированных автором персонажей очерков.

Нефедова интересует не только «деятельность» местных «деспотов», не только быт ивановцев, условия жизни и работы ивановских «фабричных», «мастерков», крестьян, мелких лавочников, — всех тех, кого он подводил под понятие «народ». Его интересуют также и вопросы экономической жизни страны, в частности вопросы про-

¹ Нефедову принадлежит обширный биографический очерк о Левитове, напечатанный в Собрании сочинений последнего, вышедшем в Москве в 1884 году.

мышленного развития. Большое внимание уделяет Нефедов вопросам просвещения, в особенности постановке женского образования, женскому вопросу в России вообще.

В «Книжнике» Нефедов ведет, за подписью Заушилов, «журнальное обозрение». Через все обзоры красной нитью проходит горячая защита журналов и произведений демократического лагеря. Нефедов выступает в защиту «Современника» — против полемических статей донекрасовских «Отечественных записок», в защиту знаменитой диссертации Чернышевского — против теории «искусства для искусства». Он требует от литературы правдивого отражения действительности, показа «настоящей» жизни. Резкой критике подвергает Нефедов роман Боборыкина «Земские силы» за попытку изобразить в них «добрых и великодушных» помещиков и «благороднейших» посредников, якобы защищающих интересы крестьян.

«У нас есть факты,— писал Нефедов,— которые говорят напротив... Так, например, в знаменитом селе Иванове, ...крестьяне не получали еще до сего времени никакого надела от своего помещика, а между тем повинностей платят гораздо больше, чем тогда, когда были крепостными... у них отнимают и усадьбы, которые и самим помещиком признавались за собственность крестьян...»

В 1868 году имя Нефедова впервые появляется на страницах «толстых» журналов. В февральском номере «Современного обозрения» печатается очерк «Нечаянная беда» — первый из серии «Деревенских очерков», в № 9 «Отечественных записок» — «Девичник. Очерк фабричных нравов», а в мартовской книжке «Вестника Европы» за 1871 год появляются «Святки в селе Данилове. Очерки русской фабричной жизни».

Корреспондентская и публицистическая деятельность Нефедова доставила ему известность человека, ориентированного в вопросах положения рабочего класса в России, и редакция буржуазно-либеральной газеты «Русские ведомости» предложила Нефедову командировку в Иваново с целью изучения жизни «фабричных».

Нефедов охотно принял предложение и энергично взялся за работу.

«Хожу,— писал он Стасюлевичу,— ежедневно по фабрикам, смотрю, как народ работает в вонючих мастер-

ских, громадных зданиях с прядильными и ткацкими станками; хожу в заварки и мытилки, где люди, стоя по 14 часов в сутки, ворочают миткалевые куски в холодной воде, стоя босыми ногами; посещаю жилища рабочих и мастеров, и из всего этого выношу самое тяжелое впечатление. Независимо от этого езжу с фельдшером по деревням к больным, гляжу на жизнь «свободных мужиков», и мною чуть не чувство отчаяния овладевает при виде всяческих убожеств жизни нашего православного народа».

Корреспонденции Нефедова, его частые приезды в Иваново обратили на себя внимание царского правительства. Летом 1871 года III Отделение сделало соответствующий запрос. В ответе на этот запрос шуйский жандармский капитан подтверждал, что «экономический быт крестьян села Иванова действительно весьма плох и бедственен», что они, являясь, по сути, рабочими, получают «весьма ограниченную заработную плату, едва хватающую им на необходимое пропитание», что «вообще ивановские рабочие в высшей степени недовольны гнетом своих хозяев-фабрикантов, сильно их эксплуатирующих». В заключение жандармский капитан доносил, что «...живущий в Москве и нередко бывающий в селе Иванове купеческий сын Нефедов, защитник нижнего класса населения — хотя и действительно не пользующегося благосостоянием и, как выше сказано, эксплуатируемого фабрикантами — часто высказывается с предубеждением, искажением фактов и явным нерасположением ко всем фабрикантам и вообще лицам состоятельным».

В результате командировки, в «Русских ведомостях» в 1872 году появляются очерки Нефедова «Наши фабрики и заводы». Эти очерки являются естественным продолжением очерков «Девичник» и «Святки», стоят в одном ряду с ними. Вместе с ними они представляют собою наиболее интересную часть творчества Нефедова, не потерявшую своего значения и в наше время.

**
*

«Всем блеском, всею славою Бубново обязано местным купцам и фабрикантам. Благодаря капиталам, бубновское население, простирающееся до семнадцати ты-

сяч мужского и женского пола, не включая сюда детей, получает ежедневно пропитание и возможность жить... Купцы сознают это и говорят: «Мы благодетельствуем. Что бы стал делать рабочий народ, если бы не мы? Умер бы с голода! Опять нищих сколько: их тоже надо оделить!.. Ну, да наша добродетель не пропадет даром: господь нас не оставит ни в настоящей, ни в будущей жизни». И бог не оставляет купцов. Богатство их с каждым годом растет; сами они не по дням, а по часам раздаются во все стороны и приобретают великую красоту лица, а о супругах их и говорить уж нечего: они положительно могут быть уподоблены тучным коровам Фараона...

Нельзя, однако, ничего подобного сказать о народе, рабочих людях. Это всё бедняки, перебивающиеся изо дня в день, худые и тощие, как замороженные лошади; вид их так же убог и жалок, как и тех домишек, в которых они живут и переносят зимою стужу и голод...»

Так начинается Нефедов очерк «Девичник», в котором под наименованием Бубново легко угадывается Иваново. Нефедов сталкивает в «Девичнике» две группы ивановской молодежи: «образованные» (семинарист, конторщик одной из фабрик, писарская и приказчиья дочери) и «холостые» (рабочая молодежь — слесарь, набойщик, гравер Васютка и девицы, в огромном большинстве своем ткачихи).

Между этими группами лежит пропасть.

Столкнув эти две группы на «девичнике» (местное название посиделок) и шаг за шагом развертывая перед читателем ход «девичника», Нефедов убедительно показывает всю глубину этой пропасти, силу этой вражды.

Поставив себе целью — дать очерки русской фабричной жизни, Нефедов в «Святках» берет ее, эту жизнь, во время праздников, как бы для того, чтобы изображением праздничного веселья, разгула и пьянства еще резче оттенить всю ужасающую неприглядность положения рабочего класса в России в 60-х годах, всю глубину эксплуатации рабочих масс.

Нефедов, изображая праздничный разгул и пьянство ивановских рабочих, старается объяснить его, найти ему причину. Его основная мысль сводится к тому, что нет ничего удивительного в том, если изнуренный 14—15-ча-

совым рабочим днем, еле-еле оставляющим время для отдыха и сна, рабочий ищет забвения от каторжного труда в водке.

И есть еще одна причина, которая толкает рабочего в трактир, это — неуверенность в завтрашнем дне, угроза безработицы, угроза попасть за самую малую попытку протеста против эксплуатации в «черный список».

«— Поступил я к Обиралову,— рассказывает в «Святках» рабочий Безбрюхов.— Две недели прожил, всё шло хорошо... Вдруг в контору зовут — хозяин требует... «Ты от кого на мою фабрику поступил?» Я говорю.— «Так это ты, говорит, везде рабочих-то бунтуешь да против хозяев смущаешь?» Нет, я этим не занимаюсь. «Как? А у братьев Грачевых не ты рабочих взбунтовал? Ах ты, пашенок! ...Конторщик, подпочти-ко этого молодца по вчерашнее число, да вели сторожам взять метлу, погрязней какую, да метлой-то его с фабрики, чтобы минуты больше ноги его здесь не оставалось!» Взял я деньги... да так вот с тех пор все без места и скитаюсь. Куда ни приду, хозяева только спросят: у кого жил? «У Обиралова! — Ну, так у нас тебе места нет».

А ведь речь идет о квалифицированном рабочем. О механике, о человеке, который умеет обращаться с паровой машиной.

Немудрено, что и Безбрюхов и подобные ему довольно высокой квалификации рабочие Груздев и резчик Гаврило непрочь побеседовать не только о науке, ее чудесах и т. п. Груздев непрочь, например, задать вопрос Безбрюхову, что, мол, «отчего так заведено на свете, что дураки ездят в карете, а умные люди пешком ходят?» — и получить в ответ: «оттого, что у умных людей лошадей и карет нет».

Немудрено, что и Груздев и Безбрюхов непрочь, чтобы на вечеринке, на девичнике, посидеть в сторонке и «секретным манером, промежь себя, толковать больше на счет наших фабричных обстоятельств».

Недовольство, протест, ропот показывает нам Нефедов и в массах рабочего люда.

«Невдалеке, посреди улицы, показался запоздалый народ, слышались голоса:

— Ах! И черти же эти хозяева! — гудел какой-то бас.— Им только и дело, што из нашего брата, рабочего человека, кровь сосать! Сколько ты у них ни живи, как

честно ни служи, а все от хорошего слова не уйдешь: либо вор, либо мошенник, а то и все вместе, а под конец и последние штаны оставишь на фабрике...»

Ярким моментом протеста является сцена с переряженным в «немца» Безбрюховым.

«Немец» является в трактир и, заинтересовав находившихся в трактире обещанием показать занимательную вещь, объявляет, что он покажет «хороший штук.— Эта штук — новый воля...»

Объявив, «немец» начинает бесконечно долго рыться в принесенном им ящике, поминутно нюхая табак, всячески создавая проволочки. Он вынимает из ящика еще ящик, затем другой и, наконец, начинает разворачивать объемистый сверток. Наэлектризовав публику своими проволочками, доведя ее до открытого выражения нетерпения, «сжалился, наконец, немец над публикою: развернул несколько бумаг, вынул он громадную рыжеватокрасную и неудобную для еды колбасу и, высоко-высоко подняв ее над головою, сказал:

— Вот вам, каспадин, новый воля!»

Эта откровенная насмешка над царской «волей» вызвала громкий хохот и крики одобрения в награду Безбрюхову.

Вместо «воли», вместо «свободной» жизни — продолжение эксплуатации, та же нищета, бедность, тот же тяжелый, подневольный труд.

Таковы «Святки» — один из лучших очерков Нефедова.

**

Интерес, проявленный редакцией «Русских ведомостей» к «рабочему вопросу», не представлял собою какого-либо исключительного явления.

Он был следствием общего интереса широких кругов российского общества к вопросам жизни и быта рабочих, выявившемуся в рассматриваемое нами время. Именно в эти годы (1869) вышла в свет книга Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России». Книга эта произвела огромное впечатление на читателей и была высоко оценена Карлом Марксом как «первая книга, в которой сообщается правда об экономическом положении в России» и как «самая значительная» книга о положении ра-

бочего класса после работы Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии».¹

Именно в эти годы появляются «Где лучше» Решетникова (1868), «Разорение» Гл. Успенского (1869), «Шаг за шагом» Омулевского (1870), «На болоте» и «На текстильной фабрике» Благовещенского (1870), «Сельские фарфоровые заводы» того же Благовещенского (1871), «Без исхода» Станюковича и другие произведения, свидетельствовавшие о внимании писателей-демократов к «рабочей тематике».

Указывая на то, что изучение положения рабочего класса в России — дело весьма не легкое и отмечая, что в то время, когда «в Западной Европе существует богатая литература по этому вопросу... у нас ничего подобного не существует; кроме ограниченного числа журнальных статей, трактующих, однако, больше о различных видах производства, чем о положении рабочих, да книги г. Флеровского нам положительно не на что указать», Нефедов в «Наших фабриках и заводах» выражал надежду, что его «скромный опыт по исследованию у нас положения рабочего класса не будет лишен значения».

Как и в очерках «Девичник» и «Святки», Нефедов начинает с описания внешнего вида села Иванова.

«Село Иваново представляет вид цветущего города, — говорили нам учителя отечественной географии, — в нем находится множество фабрик и заводов, на которых ежегодно вырабатывается хлопчатобумажных изделий на десятки миллионов, и где живет более двадцати тысяч рабочего люда». Почтительно внимали мы красноречивым глаголам, и наше воображение рисовало нам цветущий фабричный город, исполненный богатства, всеобщего довольства и какой-то весело-деятельной жизни».

Действительность оказывалась, однако, иной. «Вместо красивого города, — продолжает Нефедов, — вы видите сплошную массу почерневших от ветхости деревянных построек, раскинутых на шестиверстном пространстве, да изредка и кое-где из-за них выставляются каменные дома купцов и длинные корпуса фабрик: везде солома и тес, покрывающие хижины и жилища... Только одни церкви с их златоглавыми верхами и красные трубы остаются в неизменной красе и как-то уж особенно резко

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, Госполитиздат, М., 1947, стр. 232.

выделяются из массы окружающего убожества и поражающей нищеты».

Но основная задача Нефедова — «показать, насколько труд фабричный, сменив собою в Иванове труд земледельческий, был благодетелен для местного и окрестного населения и до какого состояния довел он материальный, нравственный и умственный быт рабочей массы». Для него задача состоит в том, чтобы показать «во всей своей наготе» настоящее положение рабочих села Иванова.

В своих оставшихся незаконченными очерках Нефедов после вступительной главы, рассказывающей историю развития промышленности в Иванове, подробно рассматривает два условия труда ивановских рабочих, а именно: фабричные помещения и продолжительность рабочего дня.

Характерной чертой его изложения является точность и детальность, стремление опираться только на факты, цифры, цифровые расчеты.

Непроглядная пыль, вонь, духота, грохот механизмов, полное отсутствие каких бы-то ни было защитительных приборов, фактически 16-часовой рабочий день, причем одинаковый не только для мужчин и женщин, но и для детей, процент которых доходит на некоторых предприятиях до 20, а по отдельным специальностям до 50 и выше, — вот обычные условия труда ивановских рабочих на фабриках, даже на тех из них, что содержатся «в более лучшем и совершенном виде».

«Чтобы миткаль высушал быстро, его подвергают действию нагретых паров больших цилиндров, вследствие чего температура в помещении... стоит выше 40° по R ...За этим усовершенствованным европейским аппаратом... с утра и до вечера ежедневно проводят время ...мальчишки! Сидят они совершенно без всего, в чем только мать родила... их преждевременно впалые щеки лишены всякого признака румянца... глаза без выражения, потухшие, а с бледно-матового лба ни на секунду не сходит пот».

Немудрено, что рабочие буквально «высыхают», теряют зрение, с великим трудом, да и то один из десяти, дотягивая до сорокалетнего возраста.

«Я раз спросил одного фабриканта, что за люди впоследствии выходят из всех этих мальчуганов, работающих при сушильных барабанах, в зрельных и на вешалах. Он, немного подумав, дал мне такой ответ:

— Бог знает, куда они у нас деваются, мы уже как-то их не видим после.

— Как не видите!..

— Да так, высыхают они.

Я принял это выражение за чистую метафору.

— Вы хотите сказать, что впоследствии они переменят род своих занятий или перейдут на другую фабрику? — опять спрашиваю.

— Нет, просто высыхают, совсем высыхают! — отвечал серьезно фабрикант».

Оказался ли фабричный труд, сменивший собою труд земледельческий, «благодетелен» для ивановцев? На этот поставленный Нефедовым вопрос очерки его отвечают резко отрицательно. Вернуться к земледельческому труду, к «кустарному» (домашнему) промыслу? Но это невозможно, с сожалением констатирует Нефедов, так как, во-первых, — Иваново преобразовано в город, во-вторых, — машины полностью вытеснили ручной труд.

«Крестьяне-ивановцы, — пишет Нефедов, подводя итоги промышленного развития Иванова, — принялись за продажу своих домов и усадеб; из работников-собственников мало-помалу стал образовываться класс бездомных нищих, которые покидают свою родину и расходятся по разным местам России, чтобы там, вдали, где-нибудь найти себе хлеб, так как на своей родине им ничего не осталось делать».

**

Известность Нефедова, как знатока «рабочего вопроса», послужила к тому, что во второй половине 1871 года он был приглашен на должность управляющего делами Комиссии попечения о рабочих, созданной при Комитете по организации Московской политехнической выставки 1872 года.

Комиссия пыталась основать своеобразный «народный дом», но царское правительство резко ограничило ее деятельность, разрешив только организацию «народного театра» и «народной читальни», да и то лишь на время существования самой выставки.

Работе в комиссии Нефедов отдавал много времени, он был избран членом совета театра, директором читальни.

В 1872 году вышел в свет и первый сборник рассказов Нефедова из крестьянской жизни — «На миру»¹, — в который вошли: «Безоброчный», «Крестьянское горе», «Иван-воин» и «Леший обошел».

Крестьянин-бедняк, перебивающийся кое-как, от урожая до урожая, — центральная фигура сборника. Кулаки, чиновники, купцы, попы норовят содрать с крестьянина шкуру, взять последнее. Темнота, невежество, несправедливость, беззащитность — такими чертами характеризует Нефедов положение крестьянства.

Деревню Голопузово («Крестьянское горе») в самую страдную пору постигло страшное несчастье — пожар. Беспомощна деревня перед разбушевавшейся стихией. Нет пожарной команды, нет никаких противопожарных средств. Одна «надежда» на «Трифона-мученика» да «неопалимую купину».

Ярко и образно рассказывает Нефедов (в «Иване-воине») об использовании кулачеством и купечеством религиозного чувства крестьян, их слепой веры в «чудесную силу» икон.

В рассказе Галченка («Леший обошел») о том, как он «лешего» видел, наряду с суеверием, со страхом, прощальствуют и затаенные мечты и помыслы крестьянина. «Смотрю — и в глазах у меня помутилось!.. В корню-то находился наш старый окружной, — давно уж он померши был... Я сейчас шапку долой перед ним и тут же в карман, по старой привычке, полез, потому любил он, покойник, чтобы мужик при встрече с ним гостинец ему какой ни на есть жертвовал... А ящик, проклятый, с козел-то надо мной так-то ли грохочет, так-то ли издевается, — просто во все поле ржет. «Что, говорит, узнал коренного? А? Теперича на пристяжных погляди. Их тоже, может быть, не узнаешь ли?» Взглянул... Силы небесные! С правой стороны запряжен барин наш старый — тоже покойник, да фартальный из нашего города... Обомлел я. А они мне говорят: «Не бойся ты нас, мужичок, мы теперь люди стали смирные, добрые»... Однако же, поглядевши на них пристальнее, увидел, что они уже и зубки на меня оскалывать принялись...»

Наиболее ярким из рассказов, помещенных в сборнике, является «Безоброчный».

¹ «На миру». Очерки и рассказы, М., 1872, стр. 203.

Горькая повесть о крестьянине-бедняке Григории, тянувшемся к учению, к знанию, боровшемся вместе с отцом с богатым мужиком Парамоном — рассказана с большой теплотой.

Оброк, накладываемый помещиком, оказывался непосильным при малейшем несчастье (неурожай, смерть работника и т. п.). А это вело к зачислению в «безоброчные», т. е. в ряды своеобразных «неоплатных должников», выйти из которых было почти невозможно.

Гибнет от несчастного случая Максим — отец Григория, и попадает Григорий в «безоброчные». Парамон, ставший бурмистром, чтобы окончательно доканать «строптивого», назначает Григория сотским, обрекая таким образом семью «безоброчного» на голод, так как обязанности сотского отнимали много времени и не давали возможности заниматься хозяйством. Разваливается хозяйство, семья. Гибнет и Григорий, сходит с ума.

Протест против несправедливости, против жестокого произвола, борьба за свободу, за право на «вольный дух» — вот внутренний смысл повести.

«Звери!.. — кричит умирающий строптивый Максим, — пожалейте хоть вы сироту-то мою: ему мать и сестру кормить! Не поддавайся! Вольный дух... Гриша, да утри ты хорошенько Парамошке нос... Отказакаемся!..»

Правда, «нет ни друзей, ни приятелей... В петлю лезь — не выташат». Но повесть заставляла задуматься над крестьянской долей, подумать о причинах гибели и Максима и Безоброчного. К этому Нефедов и зовет в заключительных словах повести:

«Так и пропал человек... И ведь сколько, как подумаешь, по нашим селам и деревням гибнет хорошего народа? Несть числа!..»

А отчего бесследно гибнут здоровые силы на святой Руси? Подумайте-ка вот об этом, добрые люди! Давно, давно вам пора обо всем подумать и поразмыслить...»

Эта концовка делала повесть неплохим пропагандистским материалом. Таким материалом сборник Нефедова и служил в действительности.

В письме министерства внутренних дел от 27 июня 1878 года III Отделению отмечалось, что: «При раскрытии в 1874 году в разных местах России преступной пропаганды, между прочим было обнаружено, что злонамеренными лицами распространяются в народе различные

- брошюры и книги вредного содержания, в числе которых оказался и отпечатанный без разрешения предварительной цензуры Сборник под заглавием: «На миру. Очерки и рассказы Нефедова». Этот Сборник, будучи составлен из отдельных рассказов, был распространяем как в полном его виде, так и в виде небольших брошюр, заключающих в себе по одному рассказу».

**
*

После выхода в свет сборника «На миру» Нефедов длительное время почти не выступает, как беллетрист, занимаясь почти исключительно газетной работой. Он становится постоянным корреспондентом «С.-Петербургских ведомостей», некоторое время работает в литературном отделе издававшейся в Москве «Ремесленной газеты». Значительное место в деятельности Нефедова начинают занимать этнографические и археологические экспедиции в Поволжье, в Башкирию и другие места, по командировкам Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.

В 1879 году Нефедов был приглашен заведовать редакцией и редактировать новую ежедневную газету «Русский курьер».

Нефедову удалось привлечь к участию в газете целый ряд крупных «имен» из числа либеральных профессоров и публицистов. В результате уже с первых же номеров газета стала предметом цензурных притеснений. Предостережения, приостановки, запрещения розничной продажи сыпались на газету непрерывно.

Вскоре, 19 марта 1881 года, Нефедов был арестован. Причиной ареста Нефедова послужила обнаруженная при аресте Желябова накануне 1 марта 1881 года зашифрованная записка от С. Г. Нечаева из Петропавловской крепости. Записка заключала в себе фамилии лиц, к которым, по мнению Нечаева, можно было обратиться за той или иной помощью революционному движению. Среди них была и фамилия Нефедова. Подобная же зашифрованная записка найдена была и у С. Перовской.

Арест был непродолжительным. Обыски, произведенные как на квартире Нефедова, так и в редакции «Русского курьера», не дали никаких результатов.

Имеющиеся в распоряжении правительства данные

о деятельности Нефедова не дали возможности привлечь его к судебной ответственности, в особенности по делу первомартовцев. Вследствие этого Нефедов «отделался» сравнительно легко, а именно — его отдали под гласный надзор полиции. Однако возвращение к редакционной работе было исключено.

С этого времени археология и этнография занимают в жизни Нефедова всё большее и большее место. Он почти ежегодно уезжает в экспедиции в различные места. Работы его, представляющие собой описания раскопок курганов, различнейших обрядов, фольклорные наблюдения и записи и т. п., как материалы не потеряли известного значения и до сегодняшнего дня.

Из опубликованных Нефедовым материалов представляют, в частности, интерес работы, относящиеся к Башкирии, изучением которой он долгое время занимался, в особенности, очерк «Салават — башкирский батыр» («Русское богатство», 1880, № 10) об известном сподвижнике Е. Пугачева, поэте-воине Салавате Юлаеве.

Вместе с тем Нефедов возвращается и к интенсивному литературно-художественному творчеству. В различных периодических изданиях, главным образом, в газете «Русские ведомости» появляется много повестей и рассказов Нефедова. Некоторые из них выходят и отдельными книгами. Предпринимает он и издание собрания своих сочинений.

Нефедов пишет и рассказы из быта интеллигенции («На берегу моря», «В приморском городке», «Весною», «В старой усадьбе»), и рассказы из крестьянского быта («Стеня Дубков», «Ионыч», «Леший обошел», «Никитин починок», «Клад», «Не в обычае» и много других), и, стоящие несколько особняком, легенды и сказки Башкирии (например, «Зигда», «Ушкуль»), и, наконец, рассказы на темы из жизни фабричных рабочих, темы, ранее основные для его творчества («Чудесник Варнава», «Семь ключей», отчасти «В тумане» и др.).

Большинство этих произведений последнего периода творчества Нефедова характерны отрицательным отношением к фабрике, идеализацией деревенской жизни, крестьянства, его старого «патриархального» быта, стремлением к примиренности, к общим, подчас весьма расплывчатым, идеям о «гармоническом развитии» и пр.

Если в «Крестьянском горе», напечатанном в 1868

году, или в «Безоброчном» (1871) Нефедов ярко обрисовывал страшную своими невежеством, темнотой, полной зависимостью от стихии, беззащитностью и несправедливостью крестьянскую жизнь в царской России, то в такой повести, как «Стеня Дубков» всего этого нет и следа. Здесь Нефедов рисует исключительно светлыми красками. В описываемой им деревне нет ни нужды, ни правительственного гнета, ни кулацкой кабалы.

Крестьянское хозяйство, крестьянский труд, трезвость — вот, что создает прочность, основательность, благополучие. Симпатия Нефедова на стороне тех, кто идет по этому пути, кто «рачителен», кто «настоящий», «крепкий» хозяин.

Таковы «обстоятельные и рачительные» крестьяне в повести «Ионыч» (1888). Такова семья Трофимовых («Лукавый попутал», 1892), трудолюбивая и трезвая, жившая «ладно, хорошо да согласно». Таковы отец Андрея Поплавского и Михей Потапов из повести «Не в обычае» (1883).

Идеализация крестьянства, ставка на «крепкого», «зажиточного» хозяина соединяется у Нефедова со все возрастающим отрицательным отношением к фабрике, фабричному, к городу. Из-за фабрики гибнет Трифон («В тумане», 1890). Он запьянствовал, попал в «босую команду», стал убийцей. Фабрика погубила и Варнаву, человека с «добрыми», «хорошими» задатками («Чудесник Варнава», 1898). В фабрике, в городской культуре Нефедов видит только деморализующее начало, которое наносит непоправимый вред «патриархальной» крестьянской жизни.

Но напрасно мы стали бы искать у Нефедова, в последние годы его творчества, резких и обличительных слов против капиталистов, против фабрикантов. Если в первых своих произведениях Нефедов в фабрикантах, в капиталистах не видел ничего иного, кроме жажды прибыли и наживы, то теперь он пробует показать нам «хороших людей» и среди них. Так, в повести «Семь ключей» (1891) он мягкими, лирическими красками рисует образ Геннадия Яковлевича, фабриканта, как «образцового», «простого», «обходительного» «хозяина». Таков и «степенный» купец из рассказа «На арестантском пароходе».

И естественно, что когда Нефедов в 1882 году послал

Салтыкову рассказ «На арестантском пароходе», насквозь пропитанный либерализмом, слащавостью, написанный очень бледно, без малейшего признака политической остроты, то он получил следующий ответ от Салтыкова:

«К величайшему моему прискорбию, я не могу напечатать в «Отеч. Зап.» Ваш рассказ: «На ар. пароходе». Он очень беден по содержанию и крайне неудовлетворителен по форме».

Если в 1869 году «Отечественные записки» предоставили свои страницы для очерков из рабочего, малоизвестного быта, очерков достаточно острых и ярких, то теперь Салтыков не мог, разумеется, печатать либеральный рассказ Нефедова.

Примечательно, что уже в 1878 году, выпуская второе издание сборника «На миру»¹, Нефедов писал: «Некоторые места, которые мне показались антихудожественны (и это — наиболее неприятные цензуре), я уничтожил или «сгладил». Действительно, Нефедов старался свои произведения сделать менее острыми. Так, в «Безоброчном» он исключает из приведенной выше концовки слова, призывающие народ «подумать и поразмыслить», и делает вставку, подчеркивающую религиозность Безоброчного в последние годы жизни.

Характерно и то, что в собрание своих сочинений, предпринятое им в конце 90-х годов,² Нефедов не включает ни одно из произведений, вошедших в сборник «На миру», за исключением значительно «приглаженного» «Безоброчного». Не вошли ни «Святки», ни «Девичник», ни «Крестьянское горе», т. е. наиболее острые вещи.

В 1868 году один из друзей Нефедова, Д. В. Торчилло, писал Нефедову: «Мне не понравилась в тебе одна черта. Это — боязнь своих убеждений... Относись... нежнее к своему высшему и главному сокровищу — любви к народу. Зачем это полусоглашение с нашими недругами. Зачем хотя и самая невинная лесть их помещичьим поползновеньицам...»

Эта «боязнь», это «полусоглашательство» и «невин-

¹ «На миру» (Очерки и рассказы). Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1878, 323 стр.

² Сочинения. Т. 1—4. М., 1894—1900. В советские годы собрание сочинений Нефедова было издано в 1937 г. в Иванове (Нефедов Ф. Д., Повести и рассказы в 3-х томах).

ная лесь», сказывавшиеся, в частности, в идеализации «старого, доброго времени» уже в «Наших фабриках и заводах» и бывшие следствием недостаточно четких, недостаточно последовательных демократических убеждений Нефедова, привели его к непониманию прогрессивного значения развития капитализма в России, к тому, что в новой исторической обстановке он превратился в типичного представителя либерального народничества.

«Примиренчество», «полусоглашательство», которое отмечалось у раннего Нефедова его приятелями, вылилось позднее в законченную форму либерал-народничества, о котором В. И. Ленин говорил, что оно рассчитывает только на то, «чтобы заштопать, «улучшить» положение крестьянства при сохранении основ современного общества».¹

**

10 марта 1902 года Нефедов умер в д. Перебор, Владимирской губернии, где он проживал последние годы. Похоронен он был в Москве на Ваганьковом кладбище рядом с Левитовым.

В кратких некрологах, которыми откликнулись газеты на смерть Ф. Д. Нефедова, попадались уже слова «забытый писатель». Новые повести и рассказы Нефедова, вялые и многословные, уже не отражавшие «правду жизни», фальшивые и деланные, проходили почти незамеченными критикой, терялись в массе других, в них не было ни новизны тематики, ни остроты изображения. А Нефедов «ранний», Нефедов — автор «Девичника», «Святок», «Безоброчного», очерков «Наши фабрики и заводы», — являлся уже «историей» в буквальном смысле этого слова.

Между тем именно в произведениях первого периода своего творчества Нефедов дал правдивое в своей основе изображение положения рабочего класса в России 60—70-х годов прошлого столетия, изображение тяжелой жизни российской крестьянской бедноты.

Именно эти его очерки и рассказы, наряду с произведениями Решетникова, Левитова, Слепцова и других,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 247.

подчас более талантливых и крупных, чем Нефедов, писателей, раскрывали читателям правду о жизни народа, страдавшего под гнетом помещиков и капиталистов.

Именно эти ранние его произведения, несмотря на то, что литературные достоинства их не представляют собою явления выдающегося, достойны внимания советского читателя, именно они обуславливают интерес к творчеству Нефедова.

Д. А. ФУРМАНОВ

Трудно представить себе писателя, более крепко, неразрывными нитями связанного с родным рабочим краем, с городом славных революционных традиций и широкого социалистического строительства, каким является Иваново, чем Дмитрий Андреевич Фурманов.

Он большую часть своей, рано оборвавшейся жизни провел в Иваново-Вознесенске. Здесь он идейно сформировался, получил революционную закалку, воспитался как видный советский и партийный деятель.

В Иваново-Вознесенске началась его литературная работа и как автора художественных произведений и как писателя-публициста. С этим городом Фурманов не порывал тесных отношений до последних дней своей жизни, часто навещая его и активно участвуя в местной прессе.

В. И. Ленин высоко оценил роль иваново-вознесенских рабочих в деле защиты завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции, их самоотверженность и героические подвиги в годы гражданской войны. Он подчеркнул, что «... пролетариат московский, питерский и иваново-вознесенский... доказал на деле, что никакой ценой не уступит завоевания революции»¹.

Как бы развертывая эту ленинскую оценку, Фурманов в своей статье, напечатанной в конце 1920 года в центральных «Известиях», выступает с настоящим гимном иваново-вознесенским рабочим. Он пишет:

«В этом городе никогда не переставало колотиться революционное сердце, оттуда немало народу ушло по каторгам, ссылке и тюрьмам. За полтора года до февральской революции там поднялись рабочие на откры-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 487.

тую борьбу, и кто из нас не помнит, что 10 августа 15 года на Красном мосту возле городской управы было сложено много трупов благородных пролетариев!..
...И мы знаем, что красная губерния дала не один десяток тысяч героев на фронты гражданской войны.

Слава тебе, прокоптелый от фабричного дыма Иваново-Вознесенск!

...Много дорогих жертв принес ты на алтарь рабочей революции, старый город. Да будет славно твое имя, третья рабочая столица, да будет оно подымать наш дух в суровой борьбе и указывать, как борются и как должны бороться честные и мужественные рабочие рабочего государства».¹

Таким образом ивановцы по праву считают Дмитрия Фурманова своим писателем-земляком и гордятся им, как одним из лучших сынов, выдвинутых революционной армией трудящихся текстильного края.

Но Фурманов, будучи кровно связанным с рабочим классом Ивановской области, отразив в своем творчестве многое из его освободительной борьбы в прошлом и кипучей революционной деятельности в пооктябрьский период, вырос в писателя большой художественной силы, крупного масштаба. Он прочно вошел в историю советской литературы, как один из ее зачинателей, как выдающийся художник слова, замечательный мастер искусства социалистического реализма.

Являясь представителем старшего поколения советских писателей, Фурманов оказал благотворное влияние на развитие художественного дарования целого ряда деятелей литературы последующих поколений. Как правильно утверждает Константин Федин, Фурманов дал критике первую твердую опору в ее требованиях к писателям показать героя нового времени — опору искомого и должного в советской литературе.

Произведения Фурманова, а также созданный на основе его романа художественный фильм «Чапаев», дошли до сердца широких трудящихся масс, сыграли и продолжают играть большую воспитательную роль, вдохновляя миллионы советских людей на борьбу за коммунизм.

¹ Рукописное отделение Института мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР (ИМЛИ), архив Д. А. Фурманова, II-62. 869.

Литературная биография Фурманова самым тесным образом связана с его общей биографией.

Дмитрий Андреевич Фурманов родился в 1891 году в селе Середи, в пооктябрьский период преобразованном в город, носящий с 1936 года имя писателя. Первые шесть лет своей жизни Дмитрий Фурманов и провел в Середи. Родители его (отец — Андрей Семенович, мать — Евдокия Васильевна) происходили из крестьян. Однако, вследствие малоземелья и невозможности прокормиться в деревне, они вынуждены были покинуть ее. Андрей Семенович Фурманов, переселившись в Середу, поступил на работу к местному трактирщику Милову. В доме Милова и жила многодетная семья Фурмановых, занимая там две небольших комнатки.¹

Первые годы жизни будущего писателя прошли в мрачной, безрадостной обстановке. Жилище Фурмановых отделялось от трактирного помещения всего лишь досчатой перегородкой, вследствие чего оттуда с утра до позднего вечера доносились крики пьяных, ругань, звон посуды, проникал отвратительный запах водки и перегорелого масла.

Отец Дмитрия Андреевича выбивался из сил, добывая средства для пропитания семьи, и нередко являлся домой злой, раздраженный.

Побуждаемый желанием обеспечить семье лучшую жизнь, он в 1897 году, когда Мите исполнилось шесть лет, переезжает в Иваново-Вознесенск. Здесь он открывает на одной из привокзальных улиц (2-я Троицкая, ныне улица Карла Маркса) «заведение» — небольшую чайную, которую посещали, главным образом, рабочие-грузчики и крестьяне, приезжавшие на базар. Бывали случаи, что сюда приходили и необыкновенные посетители: революционеры-подпольщики, устраивавшие здесь конспиративные явки. Андрей Семенович догадывался, кто были эти посетители, однако не показывал вида: испытывая большую нужду, с трудом сводя концы с концами, он в душе своей затаил стихийное недовольство современным ему строем жизни и считал недостойным помогать царским властям в борьбе против «крамольников».

¹ В настоящее время этот дом отремонтирован и в нем находится библиотека-музей Д. А. Фурманова.

Чайная помещалась в подвальном помещении двухэтажного дома, рядом с нею находилась и квартира Фурмановых. «Я свое раннее детство помню в жалких обрывках»,— писал Фурманов в автобиографии. Это же он подтверждает и в своем дневнике: «Мне смутно помнится жизнь лет в 6—7, когда был я заводиловкой всех драк и всех проказ». В зимнее время Митя и его товарищи — уличные ребята катались на коньках, строили снежные крепости, играли в войну, летом ходили в находившийся недалеко от Иванова Куваевский лес за грибами, в запруде у мельницы близ деревни Поповское ловили рыбу.

В 1899 году Дмитрий Фурманов поступает в Иваново-Вознесенское городское шестиклассное училище, где он и учится до 1904 года. В год окончания этого учебного заведения он пишет стихотворение под названием «Городское училище», в котором, правда, в форме еще далеко не совершенной, он описывает быт и нравы этого учебного заведения, типичного для дореволюционного времени.

Способности у Фурманова были прекрасные, память крепкая. Поэтому учение ему давалось легко. Однако Фурманов не довольствовался личными успехами: с детских лет отличавшийся сильно развитым чувством товарищества, он стремился к тому, чтобы успевали и все его одноклассники. Нередко он заступался за своих товарищей, когда их обижало школьное начальство. «В городском училище,—вспоминал впоследствии Фурманов,—не было случая, чтоб в числе пострадавших за что-либо не было меня... Я как сейчас помню массу неприятных и в то же время «геройских» положений, в которых мне случалось бывать...»¹ За это Фурманова не взлюбил инспектор училища А. В. Городский — типичный «человек в футляре». Особенно же он стал преследовать Фурманова после того, как в костромской газете появилась заметка о том, как Городский вместо учебных занятий заставил учеников перекладывать поленицы дров. Инспектор подозревал, что автором этой заметки был Фурманов, тогда ученик старшего класса.

Находясь в шестиклассном училище, Фурманов с особым увлечением занимался изучением литературы, мно-

¹ Архив Д. А. Фурманова (ИМЛИ), II-62, 1551.

го читал. Благотворное влияние на развитие его литературных вкусов оказал учитель словесности Н. А. Шапин, который преподавал в старших классах училища. Он не был похож на других преподавателей училища — педагогических автоматов. По отзывам сверстников Фурманова, Н. А. Шапин знакомил своих учеников с теорией словесности, с элементами стиховедения, с жизнью и творчеством выдающихся русских писателей. Фурманов относился к нему с большим уважением. Уже в это время будущий писатель познакомился со многими произведениями Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, Никитина, Кольцова, знал «Записки охотника» Тургенева, «Хижину дяди Тома» Бичер-Стоу.

Юный Фурманов очень выразительно читал художественные произведения. На одном из ученических вечеров, где присутствовали и родители, он с большим воодушевлением прочитал поэму Пушкина «Братья-разбойники». Присутствующие слушали его с затаенным дыханием и в заключение наградили дружными аплодисментами.

Вообще духовное развитие Фурманова, начиная с детства, протекало весьма интенсивно. Это подтверждают его дневники, которые он регулярно вел с одиннадцати лет. В них Фурманов записывал не только обычные впечатления дня, но и откликался на политические события, с которыми он знакомился из газет и от старших. Нередко свои мысли он облекал в стихотворную форму.

Следует отметить, что вплоть до последних дней своей жизни Фурманов не прекращал писать стихи на разнообразные темы, причем в этом отношении он особенно активно проявлял себя в ученические и студенческие годы. Однако лишь несколько из его стихотворений было опубликовано в периодической прессе.

По окончании городского училища Фурманов поступил, по настоянию отца, в специальное учебное заведение — Иваново-Вознесенскую торговую школу. Он, однако, тяготился коммерческими науками, преподававшимися в школе, и попрежнему увлекается литературой; его сочинения по литературе всегда были лучшими в классе. «Он был хорошо сложен, красив и силен. Но товарищи любили Митю Фурманова не за внешность, а за его прекрасный характер, отличительными чертами которого были прямота, правдивость и честность. Особенно презирал

Фурманов подхалимство и рабское чиновничество, которые настойчиво воспитывались тогда в торговой школе»¹, — вспоминает товарищ Фурманова.

Во время своего пребывания в торговой школе Фурманов писал стихи, в которых, между прочим, юмористически изображал отдельных преподавателей и учеников.

В бурные дни 1905 года, когда в школу попал сборник революционных песен, Фурманов собирал товарищей, и под его руководством они пели эти песни. В это время Фурманову неоднократно приходилось наблюдать проходящие по улицам города колонны рабочих демонстрантов. Он вместе с товарищами ходил на Талку, где происходили митинги бастующих, слушал там Е. Дунаева, Ф. Афанасьева («Отца»), бывал на собраниях рабочих, происходивших на площади у городской управы. В 1907 году юный Фурманов присутствовал на ивановском вокзале при проводах в столицу рабочего-большевика Н. А. Жиделева, избранного в состав депутатов Государственной думы. Все эти эпизоды, безусловно, не прошли бесследно для духовного развития будущего писателя.

По окончании торговой школы Фурманов едет против воли родителей в Кинешму и поступает в 5-й класс реального училища, где он и находится в течение 1909—1912 годов.

Последние два года он живет в маленьком деревянном домике на Песочной улице (ныне улица Осоавиахима) в семье рабочего Голубева, которая очень нравилась ему за дружный характер, за стремление к культуре в быту.

Годы жизни Фурманова в Кинешме были трудным для него временем: отец ему присылал на все расходы только 20 рублей в месяц. Это вынуждало Фурманова бегать по урокам, а за уроки платили гроши. Однако юный Фурманов не унывал: здесь он был свободен от опеки отца, предоставлен самому себе и мог заниматься тем, к чему лежало сердце. «Теперь душа моя вольна на всю жизнь, — признается он, — здесь я расправлю свои крылья, здесь я спокойно буду заниматься любимой ра-

¹ М. Колосов, Товарищ, «Рабочий край» 15 марта 1951 г., № 52.

ботой, писать, писать. Здесь всё, всё собралось к тому, чтобы шире раскрыть передо мной ворота жизни». Он уже может не бояться, что кто-то помешает ему сочинять стихи или отберет его дневник.

Фурманов давно ждал того момента, когда он может открыть дневник и, не опасаясь, что кто-то сзади подглядит, вылить в поэтических строках свои чувства:

Я ждал тебя... и ты пришел...
Теперь мне есть пред кем открыться,
Мечты заветные излить,
Печаль и радость воплотить
В слова мои... и в них забыться...
Теперь мне есть с кем вспомнить
Свои минувшие деянья,
Есть душу с кем поволновать,
Порадоваться, пострадать,
Понять неясные желанья...¹

Изо дня в день Фурманов, находясь в Кинешме, запечатлевает на бумаге свои наблюдения и мысли, причем, как правило, в стихотворной форме.

Фурманов держится в реальном училище независимо, смело встает на защиту товарищей в тех случаях, когда они незаслуженно оскорблялись администрацией училища, отстаивает право учащихся на человеческое достоинство.

После одного эпизода (Фурманов в ответ на грубый беспричинный окрик преподавателя химии: «Убирайся вон!..» отказался выйти из класса и подговорил товарищей вместе с ним покинуть класс, что возмутило школьное начальство, увидевшее в этом «крамолу») Фурманова временно исключают из училища. Но класс поддержал Фурманова.

«Уж не дадут тебе погибнуть одному, заступятся, если ты им товарищ, а не собака, не предатель. Как славно они меня поддержали, как сочувствовали за геройское поведение»,² — записывает Фурманов в дневник, отмечая этот случай из своей жизни в Кинешме. Как и ранее, Фурманов выступает на ученических вечерах с

¹ Архив Д. А. Фурманова (ИМЛИ), II-62, 1551, стр. 1.

² Там же, стр. 159.

чтением художественных произведений. Под его руководством в училище работает кружок по изучению литературы. «Здесь идут жаркие споры о тургеневских романах, о Льве Толстом, о судьбах русской литературы. В этих спорах находили свое отражение и отзвуки революционной борьбы в стране. В кружке часто произносились имена декабристов, Герцена, Чернышевского, Горького. Кружковцы задумывались над вопросами о социальном неравенстве, о произволе царского самодержавия»¹.

После исключения Фурманова из училища кружок собирается в его маленькой комнатухе. За время своего изгнания юный Фурманов особенно много и серьезно читает. Чтение оставляет глубокий след в его сознании. Он начинает переоценивать многое из того, что раньше ценил, в частности, он стал критически относиться к религии. «Веры у меня нет, не верю я этому неведомому богу, а потому и не молюсь», — отмечает Фурманов в дневнике эту фазу в своем духовном развитии.

Его еще больше тянет к людям, к простому народу. Вечером он идет на берег Волги, к пристани, где постоянно находились грузчики и где к ночи прекращалась работа, и беседует с ними, примостившись у костра. В летние каникулы 1911 года, в самую деревенскую страду, он странствует с братом Шурой по приволжским селениям, знакомится с крестьянами и их жизнью, помогает им в работе.

Фурманов всё более и более задумывается о своем будущем, о том, чем он может себя отметить в общественной жизни. Характерно, что свое будущее уже в это время он связывает с литературной деятельностью.

«Передо мной рисуется моя будущая литературная жизнь... Не такая, правда, грозная и кипучая, как жизнь Белинского, Писарева, Добролюбова, но какая-то плодотворная», — записывает он 6 декабря 1911 года в дневнике. Через полгода после этого он впервые выступает в печати. В московской газете «Русское слово» под псевдонимом «Новий» появилось его стихотворение «Мне грустно осенью холодной», которое было посвящено памяти его любимого учителя Д. Д. Ефремова, преподавателя литературы в Кинешемском реальном училище.

¹ А. Фурманова. Дмитрий Фурманов, Ивгиз, 1941, стр. 8.

Любовь к литературе определила и выбор Фурмановым высшего учебного заведения. Он отвергает мысль пойти учиться в инженерно-технический институт, куда готовились реалисты, а решил поступить в университет на историко-филологический факультет.

«Скоро, очень скоро, так скоро, что даже не верится самому, но должен быть решительный шаг в моей жизни. Столица! Университетская жизнь!.. Я жду, мучительно жду», — записывает он в это время в дневнике.

Чтобы поступить в университет, реалистам нужно было держать экзамен по латинскому языку. Фурманов целое лето посвящает подготовке к экзамену. В сентябре 1912 года, вследствие отсутствия мест на историко-филологическом факультете, он поступает на юридический факультет Московского университета, откуда, однако, через месяц получает возможность перейти на историко-филологический факультет.

Фурманов-студент, перебиваясь рублевыми уроками, живет впроголодь. Однако это его мало тревожит. В большей мере он огорчен тем, что созданное им идеальное представление об университете резко разошлось с действительностью. То было время жестокой политической реакции в России. В тяжелой атмосфере реакции задыхалась и высшая школа. Лучшая, прогрессивная часть профессуры была изгнана из Московского университета. Среди студенчества преобладали карьеристы, далекие от высоких интересов, мечтавшие лишь о тепленьких местечках по окончании университета. Вся эта обстановка и определила тяжелые настроения Фурманова. «На душе тяга... Чувствую свое одиночество, нет друзей, не могу подойти я к ним — серые, безликие они, погрязшие в житейских вопросах. А большие вопросы, которые изгрызли мою душу, их не интересуют», — жалуется он.

Какие же это вопросы? О них Фурманов говорит в своем стихотворении «Три думы»:

Три думы были у меня:
Одна — всё старое разрушить,
Другая — новое создать,
А третья — грех обезоружить...

Фурманов видел, что его думы, его стремления далеки от осуществления.

Однако его не покидает надежда, что тучи всё же не скроют солнца, оно осветит окружающую жизнь. «Кажется, столько во мне этой силы теперь, что все страдания, все муки, все тяжести — всё могу побороть, только чтобы сказать и говорить себе поминутно: я существую в муках, в пытке, но я вижу солнце, я знаю, что надежда на лучшую жизнь меня не обманет. Борьба — значит жить». И Фурманов-студент страстно борется с теми трудностями, которые вставали на его жизненном пути. В своем дневнике он пишет:

Жизнь — красок чудная игра,
Ей нет границ, ей нет предела...
Пойми поэзию борьбы
И счастье вечного стремленья...

Фурманов напряженно работает, много читает, особенно классиков русской литературы и критики, стремясь восполнить то, что не давала ему тогдашняя университетская наука. При этом, что примечательно, задумываясь над своим будущим, он неизменно связывает его с литературным трудом. Но он не переоценивает свои творческие силы, подчеркивая, что «...если уж есть данные расцвести, дать почки, дать плоды,— это прорвется само собой, тому помогут время и знания».

Так писал Фурманов в 1913 году.

Империалистическая война, разразившаяся в 1914 году и огромной тяжестью легшая на плечи трудящихся масс, не дает ему покоя. Фурманов в это время числился на третьем курсе университета, студенты которого были освобождены от воинской службы. Однако Фурманов считает, что не имеет нравственного права быть в стороне от бедствий войны. «Время такое,— писал он матери,— что помогать надо, чем только можешь».

Поэтому, движимый гуманистическими побуждениями, Фурманов решает добровольно отправиться на войну в качестве брата милосердия. «Создалась какая-то хорошая, святая цель и я отдался ей всей душой... Понимаешь всем существом своим, что сделался вдруг хоть и маленьким, но необходимым винтиком в этой огромной машине общественной жизни. На душе постоянная радость, жизнь осветилась высшим смыслом, и теперь нет доступа в мою душу ни тоске, ни печали...» — писал в это время Фурманов своему близкому другу Наташе Соловьевой, работавшей сельской учительницей.

Однако, переезжая в санитарном поезде с фронта на фронт, Фурманов всё более и более убеждается в том, что война эта несет лишь огромные несчастья рабочим и крестьянам, которые являются для царского правительства только «серой скотинкой», пушечным мясом. Он пишет с фронта в столичные газеты проникнутые глубокой правдой стихи и очерки о войне, но из них появились в печати только два очерка: «На Стоходе» и «Братское кладбище», напечатанные в газете «Русское слово». Фурманову пришлось неоднократно видеть, как офицеры издевались над солдатами, били их беспричинно, выдумывая бессмысленные и жестокие наказания. И он всё более и более проникался мыслью, что это бесследно не пройдет, что со дня на день можно ожидать крупных взрывов, больших волнений в армии и в тылу. Он понял также, что его благородные намерения облегчить страдания народных масс, улучшить их положение на фронте не могут быть осуществлены, что его роль в этом отношении крайне ничтожна.

Как и Маяковский, провидевший, что «в терновом венце революций грядет шестнадцатый год», Фурманов предчувствовал, что история движется к какому-то огромному событию, которое принесет народу совсем иную, новую жизнь, и что в этой новой жизни он найдет свое настоящее место.

Пребывание на фронте для него становится далее невыносимым, и он во второй половине 1916 года уезжает из зоны военных действий. «Скорей, скорей в Иваново,— писал в это время Фурманов в дневнике.— Где-то буду я на будущий год? Неужели к тому времени всё уже кончится и наладится мирная, студенческая жизнь? Нет, не верю. Одну бурю сменит другая, и я сам умчусь с ней в этом вихре, водовороте, еще более неудержимом и страстном». Свое предчувствие революции, пробуждения народа-великана Фурманов поэтически выразил в стихотворении, которое и было им прочитано на одном из собраний студентов Иваново-Вознесенского землячества, происходившем в Москве в декабре 1916 года:

Тише. Огромное чудо свершается,
В темном лесу великан пробуждается,
В темном дремучем лесу.
Он еще дремлет под шапкой мохнатую,
Он еще сердцем и мыслью крылатую

Солнца не знает красу.
Видите. В небе заря занимается,
Светлое солнце из мглы поднимается,
Хочет ее осветить;
В заросли хмурые, дебри безродные
Врезать лучи золотые, свободные,
Светом от сна пробудить.
Слышите. По лесу словно шептание,
Это его, великана, дыхание
Шутит, играет листвою.
Слышите звон и биенье неровное —
Это колотится сердце огромное,
Чует восход золотой.
Тише. Проникнитесь думой глубокою.
С мудрой душою и мощью великою
Встанет могучий народ...

Приехав в Иваново, Фурманов сближается с передовыми, сознательными рабочими и в целях поднятия культурного уровня ивановских ткачей организует общеобразовательные рабочие курсы, приглашает на них преподавателей и сам ведет учебные занятия.

На этих курсах,¹ в составе слушателей которых были революционно-настроенные рабочие, помимо общеобразовательной работы, велась и соответствующая политическая пропаганда.

Наступает 1917-й год. Фурманов восторженно встречает февральскую революцию, сбросившую вековой гнет царского самодержавия. Он с головой погружается в кипучую революционную работу: выступает с лекциями и докладами на общественно-политические темы, работает агитатором-пропагандистом. «Особенно по сердцу именно эта последняя работа — работа пропагандистская», — записывает Фурманов в своем дневнике 26 марта 1917 года. Однако ввиду недостаточной политической подготовленности он сразу не может определить свой правильный путь в революции и некоторое время путается в чуждых теориях. «Пламенные настроения при малой политической школе толкнули быть сначала максималистом, дальше анархистом», — пишет Фурманов про себя в автобиографии. Но непосредственная связь с револю-

¹ Они помещались по Демидовской улице (ныне улица Фридриха Энгельса), в доме № 14.

ционной практикой, близость к рабочим массам, активное участие в работе Иваново-Вознесенского Совета рабочих и солдатских депутатов, чтение марксистской литературы помогли Фурманову понять, что только коммунисты являются настоящими революционерами и строителями новой жизни. Ивановские рабочие-коммунисты считали Фурманова своим. Он был выдвинут ими председателем Революционного штаба, созданного при городском Совете рабочих и солдатских депутатов в дни Октябрьского переворота, как только было получено из Москвы сообщение о низложении Временного правительства и переходе власти к Советам. «Пришли наши дни — их мы ждали. Здравствуй, новая жизнь!»¹ — с восторгом говорил Фурманов.

Во время работы в Революционном штабе Фурманов встречается с М. Ф. Фрунзе, которого И. В. Сталин оценил как «...одного из самых чистых, самых честных и самых бесстрашных революционеров нашего времени».² Фрунзе оказал огромное влияние на Фурманова, помог ему изжить остатки чуждых идей и глубоко воспринять марксистско-ленинское мировоззрение.

Свои взгляды, настроения, отношение к современной ему действительности Фурманов ярко запечатлел в выступлениях в печати, на страницах газеты «Рабочий город», в дальнейшем называвшейся «Рабочий край».

Горячий призыв к сплочению сил трудящихся на борьбу против врагов революции властно звучит в стихотворении Фурманова «Клич»:

Смыкайте ряды, поднимайте знамена:
Решительный час настает.
Под грозную песню мучений и стона
Смыкайся, страдалец народ,—
Под красное знамя за вольную волю,
За мир, обновленный в крови,
За новое счастье и новую долю
В чертогах вселенской любви!³

¹ Из автобиографического очерка Д. А. Фурманова «Незабываемые дни». См. Д. А. Фурманов, Соч. в трех томах. Гослитиздат, т. 3, М., 1952, стр. 46.

² И. В. Сталин, Соч., т. 7, стр. 250.

³ «Рабочий город», 22 декабря 1917 г., № 29.

Мысль, что полной свободы и счастья народ-великан может достигнуть лишь путем бесстрашной борьбы с вековыми угнетателями и насильниками, пронизывает и созданную Фурмановым в это время художественную миниатюру — «Легенда об унглах».

В своей статье «Движущая сила рабочего класса» Фурманов выступает как пламенный поборник власти Советов. В другой статье «Провокация» он решительно борется с провокацией и ложью, распространявшимися буржуазными газетами, продолжавшими выходить и в центре, и на местах (в Иваново-Вознесенске — газета «Русский манчестер»).

Работа Фурманова рука об руку с коммунистами и постоянное общение с пролетарскими массами, а также сближение с М. В. Фрунзе явились определяющими факторами его организационного закрепления в рядах Коммунистической партии. 5 июля 1918 года он вступает в Коммунистическую партию. Накануне этого знаменательного дня Фурманов записывает в дневнике следующие, глубоко правдивые строки: «Кем бы я ни назывался — всю революцию я работал в теснейшем контакте с большевиками, вел с ними общую линию и чувствовал тяжесть от того, что, говоря, делая одно — числился, жил где-то в другом месте... Всю революцию я рос политически и, наконец, дорос до ясного сознания своей кровной близости с научным коммунизмом... Теперь прибило к мраморному берегу — скале. На нем построю я свою твердыню-убеждение».

Вскоре Д. А. Фурманова избирают секретарем губернского комитета РКП(б), и он становится одним из руководителей партийной жизни всей Иваново-Вознесенской губернии. Его связь с трудящимися текстильного края еще более возрастает. То и дело Фурманов выступает на фабриках, выезжает в Шую, Тейково, Кинешму, Кохму, Лежнево. Время было тяжелое. «Три четверти нашей страны, — говорил И. В. Сталин, — находились тогда в руках иностранных интервентов».¹ Ивановские фабрики останавливались из-за отсутствия хлопка.

Нужно было поднять дух, зажечь сердца ивановских текстильщиков надеждой на лучшее будущее, повести их на дальнейшую борьбу с врагами революции. И Фурманов

¹ И. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза. Госполитиздат, 1950, стр. 38.

добивался этого, выступая с пламенными речами перед рабочими массами Иванова и других текстильных центров области. Он сам твердо верил в победу революции. «Носится в воздухе дыхание смерти, нашей смерти, нашей гибели,— читаем мы в его дневнике.— Всё против нас: международная злая сила, немецкие победы на западе, голод, недомогание... А все-таки горит, горит в душе, не потухает живая вера в то, что мы победим». Эти же мысли, эти же настроения он выражает в статьях, которые помещает на страницах «Рабочего края».

В 1919 году, когда огненное кольцо контрреволюции всё туже и туже сжимается вокруг молодой республики Советов, рабочий класс нашей страны посылает тысячи лучших своих сынов на фронт гражданской войны, на защиту завоеваний Октября. По призыву вождей советского народа Ленина и Сталина собирают и ивановцы грозные отряды текстильщиков на борьбу с Колчаком. Первый такой отряд повел М. В. Фрунзе в конце января 1919 года. Фурманов горит желанием также немедленно ехать на линию огня, туда, где куется победа Красной Армии над обнаглевшими врагами трудового народа. «Теперь пришел к разрешению вопрос большой важности... Вопрос о Красной Армии...— записывает Фурманов в дневнике.— Мало теперь одной любви к рабочим, мало одного сознания, что у тебя всё самое святое и дорогое в защите угнетенных, обездоленных людей! Надо на деле показать, что ты во всякую минуту с ними и всегда готов бороться за их дело, на служение которому теперь ушло всё то, что есть честного и благородного.... Вчера вдохновенный Фрунзе своими огненными словами укрепил во мне правдивость моих взглядов и стремлений...»

Вскоре после отъезда М. В. Фрунзе, в феврале 1919 года Фурманов, возглавляя второй тысячный отряд добровольцев — ивановских текстильщиков-коммунистов, отправляется на борьбу против Колчака. «Единственно, о чем жалею,— записывает Дмитрий Андреевич в дневнике,— это то, что не буду жить и работать среди рабочей массы, среди наших твердых, терпеливых, всё переносящих пролетариев. Привык, сросся с ними и, отрываясь, чувствую боль... Прощай же, мой город! Не ударим мы в грязь лицом, не опозорим и на фронте твое славное

ния, твое героическое прошлое... Прощай же, прошлое, боевое красивое прошлое! Здравствуй, грядущее, здравствуй, новое, неизведанное, еще более славное, еще более прекрасное!»

Столь же трогательно, но спокойно и уверенно прозвучала его прощальная речь на ивановском вокзале, куда тысячи жен и матерей с малыми ребятами вышли проводить тех, кто уходил на смертную схватку с врагами народа, с врагами революции. Обращаясь к провожавшим, Фурманов говорил:

«...И еще вам одно слово на разлуку: работайте! дружнее работайте! Вы — ткачи и знать про то должны, что чем больше соткете в Иванове, тем будет теплее в уральских, оренбургских снежных степях... Работайте и накрепко запомните, что победа не только в нашем штыке, но еще и в вашем труде. Увидимся ли снова когда? Станем верить, что да. Но если и не будет встречи — что тужить: революция не считает отдельных жертв».¹

Образованный из красных ткачей 220-й Иваново-Вознесенский полк влился в 25-ю дивизию, командиром которой был народный герой гражданской войны В. И. Чапаев. Составляя сердце этой дивизии, 220-й полк вместе со всей дивизией участвовал в горячих боях в районе станции Джаныбек и озера Эльтон, боролся за взятие Бугуруслана, Бугульмы, Белебея, Уфы, Уральска, Гурьева, Лбищенска. Командующий 4-й армией М. В. Фрунзе назначил Фурманова комиссаром Чапаевской дивизии. Своей принципиальностью, ненавистью к врагам, бесстрашием, теплым, сердечным отношением к бойцам Фурманов завоевал доверие и любовь как самого Чапаева, так и рядовых воинов. Много пришлось поработать Фурманову для того, чтобы превратить полупартизанские крестьянские массы, составляющие большинство дивизии, в дисциплинированных бойцов Красной Армии.

Находясь в Чапаевской дивизии, Фурманов продолжал вести свои дневники.

Он вскоре же по прибытии на фронт посылает в редакцию газеты «Рабочий край» первое «Письмо с фронта», за которым последовал ряд корреспонденций и очерков. При помощи их Фурманов поддерживает связь с любимым городом, с ивановскими ткачами, с партийной

¹ Д. А. Фурманов, Соч., указ. изд., т. 1, 1951, стр. 39.

организацией, с товарищами и друзьями. Многие из этих корреспонденций, являвшихся беглыми записями событий, происходивших на Восточном фронте, в дальнейшем путем их художественной обработки и обобщения составили основу замечательного произведения Фурманова — его романа «Чапаев».

15 августа 1919 года М. В. Фрунзе был назначен командующим Туркестанским фронтом, и, согласно его приказу, Д. А. Фурманов отзывается из Чапаевской дивизии в Самару, а затем в Ташкент, на должность начальника политуправления фронта. Поэтому он узнает о «лбищенской драме» — героической смерти Чапаева, находясь далеко от места боевых действий славной дивизии. Глубоко потрясенный происшедшим событием, Фурманов стремится выяснить подробности гибели как Чапаева, так и его нового комиссара — тоже ивановца П. С. Батурина. Выяснив, он считает своим долгом через печать рассказать землякам об этом событии: в «Рабочем крае» появляется его статья «Как погибли товарищи Чапаев и Батурин».¹ В ней автор детально знакомит читателей с обстоятельствами смерти народного героя, той тяжелой драмы, «которую никогда-никогда не забыть».

Находясь в Туркестане, Фурманову, как и другим партийным работникам, пришлось практически осуществлять большие и сложные задачи Советской власти на Востоке, намеченные В. И. Лениным и И. В. Сталиным. «Мы не сомневаемся, — писал И. В. Сталин в статье, помещенной на страницах «Правды», — что наши самоотверженные партийно-советские работники, вынесшие на своих плечах всю тяжесть пролетарской революции и войны с империализмом, сумеют с честью выполнить и эту, возложенную на них историей, задачу».²

В марте 1920 года Фурманова назначают в Семиречье (Казахстан) в качестве уполномоченного Реввоенсовета Туркестанского фронта. Здесь ему пришлось показать особую стойкость и проявить умелую революционную тактику, организуя красные войска в грозной обстановке кулацкого восстания, осложненного национальными противоречиями. Обо всем этом Фурманов впоследствии живо и ярко рассказал в своем автобиографическом произведении — романе «Мятеж».

¹ «Рабочий край», 30 октября 1919 года, № 246.

² И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 239.

Затем во второй половине 1920 года Дмитрий Андреевич откомандировывается на Кубань в распоряжение 9-й армии, находившейся в Краснодаре. В качестве военного комиссара экспедиционного корпуса он участвует в смелой десантной операции в тылу белых, в результате которой были разгромлены войска контрреволюционного генерала Улагая, угрожавшие Кубани. В бою отважный комиссар был контужен. За блестящее выполнение боевого задания командования он награждается орденом Красного Знамени. Фурманов вскоре же после операции знакомит с нею ивановцев в очерке «В тылу белых», напечатанном в «Рабочем крае». В дальнейшем этот очерк был переработан им в рассказ под названием «Красный десант».

В 1921 году Фурманов отзывается в распоряжение Кавказского фронта, а затем направляется в Москву. Его неудержимо влечет в столицу. «Так куда же, куда я хочу? Куда, куда: в Москву! — записывает 20 мая Фурманов в дневнике. — В нее, красную столицу, в нее, белокаменную и алую, гордую и благородную, великую страдальицу и героиню, голодную, измученную, но героическую и вечно бьющую ключами жизни — Москву. Я хочу туда, откуда мчатся по миру самые глубокие и верные мысли; откуда разносятся по миру зовущие лозунги, где гудит набат и гулом своим будит весь пролетарский мир... Я хочу быть возле дорогого учителя, чьи слова запали мне в сердце еще в 1917 году. Я хочу ехать к тем самым рабочим, которые покрыли себя неувядаемой славой в Октябрьские дни».

Переехав в Москву, Фурманов целиком отдается литературной работе, за которую берется со всей энергией и страстью.

Он работает редактором Высшего военно-редакционного совета и Государственного издательства, сотрудничает в журналах и газетах, в том числе и в ивановской газете «Рабочий край», куда посылает статьи вплоть до конца 1925 года. В 1923 году вышел в свет роман «Чапаев», а в 1925 году роман «Мятеж» — наиболее крупные произведения Д. А. Фурманова. Одновременно он пишет ряд очерков и рассказов, подготавливает материалы для задуманных им произведений большого масштаба — романов «Таманцы» и «Писатели».

Следует отметить, что Фурманов в литературе никог-

да не держался обособленно, не был писателем-одиночкой, а чувствовал себя активным участником общего литературного дела, осуществляемого живыми силами Советской страны. Настаивая на том, что «каждая организация пролетарских писателей должна стремиться к объединению вокруг себя всех сродных организаций, мелких групп, литкружков, литколлегий, отдельных литераторов и т. д., в то же время категорически и резко отмежевываясь от объединений и лиц, чуждых или враждебных устремлениям пролетарских писателей»,¹ Фурманов сыграл большую роль в сплочении молодых советских писателей, в определении их идейно-творческого пути.

Будучи избран в 1924 году секретарем Московской ассоциации пролетарских писателей, Фурманов страстно призывает последних «равняться на партию» и настойчиво борется за претворение в жизнь политики Коммунистической партии в области художественной литературы. Этого он решительно требует и в своем докладе на чрезвычайной конференции Российской ассоциации пролетарских писателей, происходившей в феврале—марте 1926 года, полагая, что писатель может считаться пролетарским лишь в том случае, когда он «является выразителем и организатором мыслей и чувств рабочего класса и его устремлений в сторону коммунизма».¹

Напряженная общественно-литературная деятельность и лихорадочная творческая работа не могли не отозваться на состоянии здоровья Д. А. Фурманова.

Заболев в это время тяжелой формой гриппа, к которому присоединилось воспаление мозга (менингит), он 15 марта 1926 года скончался, не дожив и до 35 лет.

Последние слова его были: «...Я еще не всё успел сказать, не всё сделал. Мне еще так много нужно сделать...».

Действительно, Фурманов как писатель сделал только первые шаги, сказал только первые слова. «Для меня нет сомнения,— подчеркнул великий художник слова А. М. Горький,— что в лице Фурманова потерян человек, который быстро завоевал бы себе почетное место в нашей литературе».

Двигаясь вперед и выше, он из орлёнка, как назвал его Горький, вырос бы в настоящего орла, достиг бы еще большей высоты в искусстве.

¹ Архив Д. А. Фурманова (ИМЛИ), П-62. 1810.

Но и то, что им сделано, является замечательным вкладом в сокровищницу советской литературы и обеспечило ему бессмертный памятник, к которому проложена широкая «народная тропа».

Дмитрий Фурманов — художник революции. Его литературная деятельность развернулась в тот момент, когда наша страна вступила в полосу культурного подъема и когда перед советской литературой Коммунистической партией была выдвинута задача создания художественных произведений, рассчитанных на широкие массы читателей из рабочего класса и крестьянства, произведений идейно высоких и совершенных по своей форме, доступной миллионам. К этому времени относится работа великого пролетарского писателя А. М. Горького над такими гениальными произведениями, как романы «Дело Артамоновых» и «Жизнь Клима Самгина», выходят в свет его «Мои университеты» и другие произведения, развертывается творчество лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи Владимира Маяковского, достигает своего расцвета и приобретает широкую известность литературная деятельность Демьяна Бедного, готовятся свои крупнейшие произведения А. Серафимович («Железный поток») и Ф. Гладков («Цемент»), А. Фадеев и М. Шолохов вступают в ряды активных деятелей советской литературы. Видное место в ней занимает и Д. Фурманов. Он одним из первых выразил в советской литературе горячее ощущение революционной грозы, воплотил в ней мысли о глубоких сдвигах, происшедших в нашей стране, создал художественные произведения, в которых подлинным героем выступает народ, трудящиеся массы.

Значимость писателя, художника, творца, как правильно подчеркнул А. Серафимович в статье, посвященной Фурманову, — не столько в размерах его дарования в данный момент, сколько в размерах его роста, в способности его к этому росту. Этой способностью Фурманов обладал в очень большой степени.

Подобно многим выдающимся представителям русской литературы XIX века, а также основоположнику искусства социалистического реализма А. М. Горькому,

Фурманов в литературе шел широкой дорогой: он проявил себя и как беллетрист, и как писатель-публицист, и как литературный критик. И во всех этих видах литературной деятельности Фурманов показал свою способность к росту, к движению вперед.

К художественному творчеству он подходил с чувством большой ответственности. Продолжая лучшие традиции русской классической литературы и восприняв основные положения эстетических взглядов А. М. Горького, Фурманов оценивал литературные произведения прежде всего с точки зрения их общественного значения. «Писать надо то,— говорил он,— что служит, непременно прямо или косвенно служит движению вперед».¹ С другой стороны, Фурманов совершенно отчетливо понимал особенность литературы, как одного из видов искусства, настаивая на необходимости сочетания глубокой идейности произведений с высоким художественным мастерством. Он говорил, что писать надо «...так, чтобы это действовало в отношении художественном: подымало, будило, родило новое».² При этом доходчивость, доступность художественной формы широкому кругу читателей Фурмановым признается одним из неперемных условий литературного произведения. «Простота в искусстве — не низшая, а высшая ступень,— заявляет он.— Пиши, чтоб понимали».

Выдвигая эти положения как главные, определяющие ценность произведений художественной литературы, Фурманов одновременно подчеркивает обязательность для писателей активно участвовать в современной им общественно-политической жизни, страстно бороться за претворение в ней нового, устремленного в будущее. Теперь эпоха борьбы, а не отдыха, указывал он, борьбы за новое, свободное общество. Если стремишься к нему, то не ограничивайся словами, а делай нужное дело.

Предъявляя эти требования к другим, Фурманов сам подавал пример их безусловного выполнения. Он приходит на литературную арену с еще не остывшей винтовкой в руках, овеянный героикой гражданской войны, и чувствует себя здесь так же, как на поле брани, считая литературу одним из «участков общего фронта классовой борьбы».

¹ Д. А. Фурманов, Соч., указ. изд., т. 3, 1952, стр. 206.

² Там же, стр. 207.

Литературно-художественное наследие Д. А. Фурманова нельзя ограничивать, как это нередко делают, только его романами «Чапаев» и «Мятеж». Перу Фурманова принадлежит, помимо главных его произведений, также ряд художественных очерков и рассказов. Часть из них в свое время была опубликована в сборнике «Путь борьбы». Особого внимания заслуживает рассказ Фурманова «Штарк», навеянный смертью В. И. Ленина, а также ряд рассказов и очерков («Талка», «В восемнадцатом году», «Маруся Рябинина», «Красный десант» и другие), которые вошли в третий том нового издания его сочинений (1952). Большое впечатление оставляет у читателей рассказ «По каменному грунту», впервые опубликованный в газете «Рабочий край» в 1921 году, — маленькое по размеру, но очень значительное по своему идейно-художественному звучанию произведение. В нем автор запечатлел глубоко драматический эпизод гражданской войны на юге России. Рассказ этот, очевидно, должен был явиться основным стержнем задуманного писателем большого произведения — романа «Таманцы».

Следует также отметить указанную нами «Легенду об унглах».

В последние годы своей жизни Фурманов, горячо любивший детей, пишет для юного поколения советских людей специальные произведения («Морские берега» и другие).

Все эти произведения, а равно и многие, еще не опубликованные его литературные материалы должны быть учтены, когда мы говорим о наследии Фурманова в области художественного творчества. Но вместе с тем мы должны подчеркнуть, что «Чапаев» и «Мятеж» являются наиболее зрелыми и значительными художественными созданиями Фурманова, в которых его литературное дарование раскрылось наиболее глубоко и ярко. С ними Фурманов связывал свое подлинное вступление в литературную жизнь. «Прошлое — подготовка», — утверждал он.

Фурманов был решительным сторонником реалистического искусства. «На литературу, — писал он в статье «Завядавший букет», — мы привыкли смотреть как на отражение жизни». ¹ Однако Фурманов был бесконечно далек

¹ Д. А. Фурманов, Соч., указ. изд., т. 3, 1952, стр. 244.

от буржуазно-объективистского понимания реализма, от натурализма, бесстрастно фотографирующего действительность. «В литературных произведениях,— говорил он,— за словами и образами мы привыкли видеть идеи и настроения, которые волновали творцов, а вместе с ними и общество, их породившее, воспитавшее и питающее своими соками». Отсюда то глубокое внимание, которое уделял Фурманов идейной направленности произведения. Так, в своем отзыве о романе А. Серафимовича «Железный поток» он утверждал: «Художественная правда заключается в том, чтобы без утайки рассказывать всё необходимое, но рассказывать правильно, то есть под определенным углом зрения».¹

Эти принципы Фурманов неукоснительно и претворял в практике своего художественного творчества, в том числе и в романах «Чапаев» и «Мятеж». Он отталкивался от живой жизни, от конкретной действительности, когда создавал свои художественные произведения, но отражал изображаемые события и людей, их участников, под определенным углом зрения, который помогла ему выработать Коммунистическая партия.

Первенствующую роль в его творчестве играло непосредственное изучение жизни. Результаты этого изучения зафиксированы в его дневнике и записных книжках, которые Фурманов вел постоянно и в любой обстановке. Но он считал, что одних личных наблюдений недостаточно для освещения значительных жизненных явлений и событий большого масштаба. Так, в предисловии к «Чапаеву» Фурманов сообщал, что при создании этого произведения он пользовался не только материалами своей записной книжки и оставшимися на руках документами, но и газетными статьями, беседами с товарищами по Чапаевской дивизии и т. п. В дневнике писатель отмечает: «Читаю про Чапаева много — материала — горы». Однако Фурманов не увлекается протоколированием фактов действительности, а как подлинный художник-реалист, тщательно отбирает из собранного материала только то, что нужно было для осуществления авторского замысла, для отражения типических явлений и обстоятельств. «Происходит борьба с материалом: что использовать, что оставить?» — указывает Фурманов. При этом

¹ Д. А. Фурманов, Соч., указ. изд., т. 3, 1952, стр. 252.

он, по собственному признанию, не претендует на полностью изложения событий, на их точную последовательность, строгость дат, мест, имен, а хочет дать лишь зарисовку нового, «родившегося той порой и для той поры характерного». В процессе создания «Чапаева» Фурманову пришлось, так сказать, «защищаться» от напавшего на него материала. Он вынужден был, употребляя выражение, примененное им к Чапаеву, «словно конь степной сам себя на узде крепить», заниматься особой сортировкой собранного материала, что неизбежно обостряло в писателе способности художника-организатора. «На отдельных листочках делаю заметки; то героев перечисляю, то положения-картинки, то темы отмечаю, на которые следует там, в повести, дать диалоги...» — отмечает Фурманов в дневнике, останавливаясь на этом периоде своей работы над «Чапаевым».

Но наряду с приведенными строками, в которых Фурманов говорит о технике работы над романом, мы в дневнике одновременно встречаем и слова, в которых выражается творческий восторг писателя («увлечен», «поглощен», «полон трепета»). «В творчестве четыре момента, говорил кто-то, кажется Дессуар:

1. Восторженный порыв.
2. Момент концепции и прояснения.
3. Черновой набросок.
4. Отделка начисто».

«Если это так, — знакомит Фурманов со своей творческой лабораторией, — я — во втором пункте, так сказать, завяз в концепции.

Встаю — думаю про Чапаева, ложусь — всё о нем же, сижу, хожу, лежу, — каждую минуту, если не занят срочным, другим, только про него, про него...

Поглощен. Но всё еще полон трепета. Наметил главы и к ним подшиваю к каждой соответственный материал, группирую его, припоминаю, собираю заново!¹

Следует отметить, что так переживать процесс работы и строить литературное произведение может лишь тот писатель, который механически не отгораживает «творчество» от составляющих его элементов, от фундамента, на котором утверждается создание искусства. Здесь, применяя слова А. М. Горького, сказанные о про-

¹ Д. А. Фурманов, Соп., указ. изд., т. 3, стр. 232.

изведениях народного искусства, «гармонически сочетались рацию и интуицию, мысль и чувство», что «возможно лишь при непосредственном участии создателя в творческой работе действительности, в борьбе за обновление жизни»¹.

Переходим к рассмотрению идейно-художественного содержания романа Фурманова «Чапаев». В нем отражен незабываемый тысяча девятьсот девятнадцатый год. Положение молодой Советской республики в этом году было особенно тяжелым. Победив Германию и Австрию, государства Антанты решили бросить крупные военные силы против Советской страны. Интервенты объявили блокаду России. С этой целью ими были перехвачены все морские и иные пути сообщения Советской Республики с внешним миром, в результате чего наша страна оказалась окруженной неприятельскими силами почти со всех сторон. С наступлением весны враги собирались взять в огненное кольцо все основные жизненные центры Республики. «Главный удар, — указывал И. В. Сталин, — должен был нанести Колчак, с которым Деникин надеялся соединиться в Саратове для совместного наступления на Москву с востока»².

Нужно было сокрушить врагов.

Коммунистическая партия и Советское правительство мобилизовали на это все силы трудящихся. Решающую роль в борьбе с врагами сыграл рабочий класс «...если за 2 года Советской власти мы победили весь мир, — указывал В. И. Ленин, — то только благодаря больше всего героизму рабочих»³. В первых рядах, наряду с московскими и питерскими пролетариями, стояли иваново-вознесенские рабочие — коммунисты и беспартийные. Они героически проявили себя на всех фронтах.

Выступая в 1919 году перед слушателями Свердловского университета, отправлявшимися на Южный фронт, В. И. Ленин говорил им: «Сегодня я видел товарищей иваново-вознесенских рабочих, которые сняли до половины всего числа ответственных партийных работников для отправки на фронт. Мне рассказывал сегодня один из них, с каким энтузиазмом их провожали десятки ты-

¹ М. Горький, О литературе, Статьи и речи, М., 1937, стр. 450.

² И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 282.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 464.

сяч беспартийных рабочих и как подошел к ним один старик, беспартийный, и сказал: «Не беспокойтесь, уезжайте, ваше место там, а мы здесь за вас справимся». Вот когда среди беспартийных рабочих возникает такое настроение, когда беспартийные массы, не разбирающиеся еще полностью в политических вопросах, видят, что мы лучших представителей пролетариата и крестьянства отправляем на фронт, где они берут на себя самые трудные, самые ответственные и тяжелые обязанности, и где им придется в первых рядах понести больше всего жертв и погибнуть в отчаянных боях,— число наших сторонников среди неразвитых беспартийных рабочих и крестьян вырастает вдесятеро, и с войсками колебавшимися, ослабевшими, усталыми происходят настоящие чудеса».¹

Роман Фурманова «Чапаев» и значителен прежде всего тем, что в нем мы находим глубокое выражение ленинской точки зрения на ведущие силы социалистической революции, открывшей новую эру в истории человечества. В романе автор сумел правдиво и ярко показать авангардную роль выдержанных, прошедших суровую школу освободительной борьбы иваново-вознесенских текстильщиков, которые вместе с московскими и питерскими рабочими, по словам В. И. Ленина, «перенесли за эти два года (гражданской войны — В. Б.) столько, сколько никогда не переносил никто другой в борьбе на красных фронтах».² При этом Фурманов необычайно убедительно раскрыл огромную руководящую роль коммунистов на полях гражданской войны.

Отсюда значение романа «Чапаев» не только историко-познавательное, но и идейно-воспитательное. Он, действительно, является прекрасным учебником жизни.

В центре этого произведения стоит яркий образ легендарного Чапая, грозы белогвардейцев, выдающегося полководца, выдвинутого бедняцко-средняцкими массами поволжского крестьянства.

Образ Чапаева, этого «героя-самородка»³, писателем раскрывается не сразу. В начале книги о Чапаеве только говорят, но он сам еще не появляется. Говорят о нем

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 63.

² Там же, стр. 465.

³ Определение, данное в «Истории ВКП(б), Краткий курс», 1952, стр. 234.

как о необычайном герое: «Одним словом — герой... На дно его, кажись, десять раз видишь, а всё охота посмотреть, такой, брат, человек... Сказал — и будто радость тебе делается новая». В воображении читателя вырисовывается «сказочная фигура Чапаева, степного атамана».

Однако, следуя принципам социалистического реализма, Фурманов не останавливается на подчеркивании только положительных черт своего героя, его храбрости, преданности революции, готовности отдать за нее жизнь до последней капли крови. Он рисует Чапаева не «прилизанным», не «лакированным», а «с мелочами, с грехами, со всей человеческой требухой», — как говорит Фурманов.

В самом портрете Чапаева, «обыкновенного человека, сухощавого, среднего роста, небольшой силы, с тонкими, почти женскими руками», нарисованном Фурмановым, выявляется реалистическая манера писателя. Он отмечает склонность Чапаева к хвастовству, наличие у него неизжитых религиозных предрассудков, проявление самодурства. Последнее выразилось, например, в эпизоде с ветеринарами, которым Чапаев предложил проэкзаменовать мужичка-коновала и выдать ему свидетельство о том, что он может быть ветеринарным врачом. Чапаев «всё еще дышит жарко партизанщиной, он недоверчиво относится к центру, к штабам, в которых, по его мнению, засели чуть ли не одни царские генералы, продающие народ врагу».

В политическом отношении он был слабо развит: «Программы коммунистов не знал нисколечко, а в партии числился вот уже целый год».

С другой стороны, Чапаев предстает перед читателями как блестящий полководец, как выдающийся стратег и тактик на полях гражданской войны. Легко и свободно разбирался он в сложной и изменчивой обстановке фронта, руководя ответственными военными операциями, отчетливо представляя каждую деталь будущих сражений. Много положительных черт отмечает Фурманов в Чапаеве. «Можно было в восторг притти от чапаевской предусмотрительности и точности выкладок», — говорит он. «Способность учитывать малейшие обстоятельства — его особенная, характерная черта... Всё, решительно всё прикидывал и выверял Чапаев, делал сра-

зу три-четыре предложения и каждое обосновывал суммой наличных, сопутствующих и предшествующих ему фактов и обстоятельств». Сметливость Чапаева позволяет ему быстро улавливать недостатки планов, составляемых даже квалифицированными военными специалистами. «По части умения разбираться в обстановке у него был талант бесспорный, и тут с ним обычно никто и не состязался: как Чапаев сказал, так тому и быть».

Необычайно колоритно изображен Чапаев на поле сражения (глава «Сломихинский бой»). Кратко, деловито и властно отдает он на лету приказания, ловит ответы командиров и мчится с одного фланга на другой. И когда «чаще, крепче и злей» становится оружейный огонь, когда «сухим, колючим треском» отвечают пулеметы, когда «дух мрет от мысли, что смерть так близка», Чапаев воодушевляет бойцов и одним своим видом вселяет уверенность в победу над врагом. «Возбужденный, с горящими глазами мечется Чапаев из конца в конец. Шлет гонцов то к пулеметам, то к снарядам, то к командиру полка, то снова скачет сам, и видит бойцы, как мелькает повсюду его худенькая фигурка. Вот подлетел кавалерист, что-то быстро-быстро ему сказал.

— Где? На левом фланге? — вскинулся Чапаев.

— На левом...

— Много?

— Так точно...

— Пулеметы на месте?

— Всё в порядке... Послали за подмогой...

И он скачет туда, на левый фланг, где грозно сдвинулась опасность. Казаки несутся лавой... Уж близко, видно скачущих коней... Подлетел Чапай к командиру батальона.

— Ни с места! Всем в цепи... залпом огонь!

— Так точно...

И он пронесся по рядам припавших к земле бойцов.

— Не робей, не робей, ребята! Не вставать... подпустить — и огонь по команде... Всем на месте... Огонь по команде!!!

Крепкое слово так нужно бойцам в эти последние, роковые мгновения! Они спокойны... Они слышат, они видят, что Чапаев с ними. И верят, что не будет беды...»¹

¹ Д. А. Фурманов, Соч., указ, изд., т. 1, 1951, стр. 109—110.

Чапаева характеризует неиссякаемый оптимизм, вера в победу правого дела. «Верить надо, ребята, што дело хорошо пойдет, это главней всего»,— говорит он. Эти черты Чапаева влекли к нему бойцов, вдохновляли их на подвиги, на героические дела. Простота Чапаева, умение слиться с рядовой массой бойцов в минуты отдыха, когда он распевает с товарищами свои любимые песни или охватывает вприсядку под гармошку в присутствии тысячной толпы,— всё это привлекало к Чапаеву, позволяло ему «держатъ в руках коллективную душу огромной массы и заставлятъ ее мыслить и чувствовать так, как мыслил и чувствовал сам».

Так изображая Чапаева и стремясь быть близким к действительности, Фурманов, однако, не впадал в простое фотографическое воспроизведение ее. Строго следуя принципам реализма, он подчеркнул в образе своего героя основное, существенное, то, что «было разбросано по другим индивидуальностям его соратников, по другим характерам». В результате Фурманову удалось создать глубоко обобщающий и в то же время конкретный образ народного героя, тип нового человека нашей революционной эпохи.

«типично не только то, что наиболее часто встречается, но то, что с наибольшей полнотой и заостренностью выражает сущность данной социальной силы»,— говорил товарищ Г. М. Маленков на XIX съезде партии.

Фурманов с большой художественной силой и заостренностью сумел выразить сущность той социальной силы, представителем которой являлся Чапаев. Образ Чапаева дается автором не статически, а в его эволюции. Чапаев — и это вполне закономерно — отличался большими возможностями духовного роста, развития. Он способен был преодолевать ту отсталость и известную анархичность, которая у него наблюдалась. Сознавая недостаточность своего культурного уровня, Чапаев говорил: «Эх, кабы мне да побольше образоваться — тут по-другому голова б работать стала». Он любил читать, «жадно хватывался за всякое новое слово», «охотно, любовно шел навстречу живым мыслям». То новое положение, которое он — в дореволюционное время унижаемый всеми простой человек: подпасок, плотник, «подручный» в лавке, солдат — занял в обстановке по-октябрьской действительности, разбудило в нем чувство

собственного достоинства, научило его ценить жизнь, с большей силой полюбить ее. Чапаев говорит, что раньше думал «убьют, аль не убьют, не всё мне одно?», а теперь «мнение о себе развивается такое, что не клопы, а человек настоящий, и хочется жить по-настоящему, как следует...» Но эту же жизнь, которую он научился ценить, он отдает целиком, без раздумья, без колебаний, на дело защиты социалистической родины, революции, во имя светлого будущего.

«Сила и значение реалистического искусства состоит в том, что оно может и должно выявлять и раскрывать высокие душевные качества и типичные положительные черты характера рядового человека, создавать его яркий художественный образ...» — подчеркнул товарищ Г. М. Маленков в докладе на XIX съезде партии.

Таким именно является образ Чапаева, созданный Фурмановым. Выражая многие положительные черты русского характера, Чапаев, однако, автором не приподнят над народом, а является его олицетворением, он плоть от плоти и кровь от крови простых советских людей, проходивших великую школу в борьбе за социализм.

В образе другого героя произведения, комиссара Чапаевской дивизии Федора Клычкова, Фурманов показывает руководство пролетариата и Коммунистической партии крестьянскими массами. Под воздействием этого руководства их выступления, носившие стихийный характер, вливаются в русло организованного революционного движения. «Чапаев — герой, — рассуждал Федор с собою. — Он олицетворяет собою всё неуправляемое, стихийное, гневное и протестующее, что за долгое время накопилось в крестьянской среде». Выросший в рабочем центре — Иваново-Вознесенске, привыкший видеть организованную борьбу, Клычков, — в образе которого нашли отражение черты духовного облика самого автора — Фурманова, — с подозрительностью относится к этой стихийной партизанщине. «Но стихия... чорт ее знает, куда она может обернуться!.. А в этой вот чапаевской партизанской удали, ой, как много в ней опасного!» — думал Федор. Своей задачей Клычков и поставил взять эту стихию под свое влияние, подчинить ее идейному руководству партии. К выполнению этой серьезной задачи Федор подходит очень продуманно, понимая, что

сначала надо завоевать авторитет, зарекомендовать себя храбрым воином, а уж потом можно будет взять Чапаева в «духовный плен». С большим тактом, осторожно и умело, стараясь не задеть самолюбие Чапаева, оказывает Клычков на него свое воспитательное воздействие. Беседы умного, политически развитого комиссара с комдивом оказались весьма плодотворными. Федор отмечает, что Чапаев «совсем по-новому стал рассуждать», «многого он еще не понимал, многого не переваривал, но уже ко многому разумному и светлому тянулся сознательно, не только инстинктивно». Вызвав в Чапаеве стремление к занятиям, разбудив интерес к культуре, Клычков разъясняет ему политические вопросы, рассказывает об управлении Красной Армией, о науке, о технике.

Чапаев под умелым воздействием комиссара оттачивает и линию своего поведения. Те перемены, которые происходили с командиром, оказывают положительное влияние и на рядовых бойцов.

С другой стороны, воспитывая Чапаева идейно-политически, Клычков в то же время учится у него военному искусству, использует его богатейший опыт в этом отношении. Не будучи военным специалистом, он вначале проявляет в боевой обстановке известное чувство страха, но затем, равняясь на Чапаева, преодолевает этот недостаток. «Оглянувшись на эти минувшие шесть месяцев,— читаем в романе,— и сам Клычков теперь не узнавал себя — так он вырос, так окреп духовно, так закалился в испытаниях, так просто и уверенно стал подходить к разрешению всевозможных вопросов, которые ему до фронта казались безмерно трудными». Таким образом происходит взаимное обогащение, крепнет союз рабочих и крестьян, что и определило победу трудящихся на фронте гражданской войны.

Федор Клычков, как и Чапаев, представляет собою образ глубоко типический, ибо в нем проявились характерные черты молодого, крепкого в идейно-политическом отношении руководителя-коммуниста, выражена сущность той социальной среды, которая формировала его сознание. Особое значение его в том, что это — образ глубоко положительный, достойный быть примером и предметом подражания для советских людей.

Следует отметить, что оба главных героя романа

даются не оторванно от той массы, свойства которой как бы сосредоточены в их психологии. Фурманов в отдельных сценах очень рельефно изобразил облик чапаевцев. Вот как, например, предстают они перед Клычковым в одну из первых встреч: «Через две минуты Федор видел, как один из гостей развалился у него на неубранной постели, вздернул ноги вверх по стене, закурил и пепел встряхивал сбоку, нацеливаясь непременно попасть на чемоданчик Клычкова, стоявший возле постели. Другой привалился к «туалетному» слабенькому столу, и тот хрустнул, надломился, покачнулся набок. Кто-то рукояткой револьвера выдавил стекло, кто-то овчинным грязным и вонючим тулупом накрыл лежавший на столе хлеб, и когда его стали потом есть — воняло омерзительно».¹

Такой рисуется эта анархически настроенная полупартизанская масса, отождествляющая крестьянскую стихию, на фоне которой изображается и ее вожак — Чапаев.

За Клычковым же выступают представители рабочего класса и, прежде всего, отряд иваново-вознесенских ткачей, с которыми Федор приезжает на фронт. Для характеристики «ткачей-большевиков, — толковых, строгих к себе ребят» показательное поведение их в пути от Иваново-Вознесенска до места боев: они проводят большую агитационную и разъяснительную работу среди населения и в то же время учатся, читают, зная, что «надо уметь войну вести не только штыком, но и умным, свежим словом, здоровенной головой, знаньем, умением разом всё понимать и другому так сказать, как надо».² Влившись в Чапаевскую дивизию, иваново-вознесенские рабочие оказали огромное организующее влияние, сыграли большую роль в поднятии политической сознательности и укреплении дисциплины среди преобладавшей в дивизии сырой, полупартизанской массы.

Сочетая портреты основных героев с массовыми характеристиками, Фурманов в целом дает замечательно правдивое и яркое изображение Красной Армии того периода. С большой теплотой писатель рассказывает о подвигах воинов революции: «По горам, по узким тропам, бродом переходя встречные реки, — мосты непри-

¹ Д. А. Фурманов, Соч., указ. изд., т. 1, 1951, стр. 80.

² Там же, стр. 42—44.

тель взрывал, отступая,— и в дождь, и в грязь, по утренней росе и в вечерних туманах, день сытые, два голодные, раздетые и обутые скверно, с натертыми ногами, с болезнями, часто раненые, не оставляя строя, шли победоносно они от селения к селению,— неустойчивые, непобедимые, терпеливые ко всему, гордые и твердые в сопротивлении, отважно смелые и страшные в натиске, настойчивые в преследовании. Сражались героями, умирали как красные рыцари, попадали в плен и мучениками гибли под пыткой и истязаниями!»¹ Так силен был героический дух Красной Армии, которая была верна и предана до конца своему народу, за что и любил ее и поддерживал советский народ, как свою родную армию.

«Книга «Чапаев»,— писал А. В. Луначарский,— представляет собою один из ярких успехов в нашей после-революционной беллетристике. Начав ее читать, от нее нельзя оторваться. Из нее выходишь обогащенным и точными и важными знаниями относительно внешних и внутренних черт нашей гражданской войны, и новым чувством растущего в груди читателя революционного энтузиазма».

Это же нужно сказать и про другое крупнейшее произведение Фурманова — его роман «Мятеж».

Прекрасным эпиграфом к этому роману Фурманова могут быть взяты слова из его статьи «Сознательные герои», напечатанной в «Рабочем крае» в 1919 году. В ней писатель подчеркивает, что героизм коммунистов вытекает с неизбежностью из их глубокого убеждения в правоте своего дела. «Они тверды и мужественны, пламенны и решительны. Они стойки и спокойны, ибо сознательно вступили в борьбу. Один такой сознательный боец дороже сотни, хотя и удалых, но бессознательных храбрецов».²

Сила романа «Мятеж» прежде всего и заключается в утверждении огромной роли коммунистической сознательности.

«Мятеж» — это кусок революционной борьбы, подлинный кусок с мясом, с кровью, рассказанный просто, искренне, честно, правдиво и во многих местах чрезвы-

¹ Д. А. Фурманов, Соч., указ. изд., т. 1, 1951, стр. 197.

² Д. А. Фурманов, Соч., указ. изд., т. 3, 1952, стр. 190.

чайно художественно»,¹ — писал А. Серафимович об этом романе. Действие романа относится к 1920 году и разворачивается в Средней Азии, в Туркестане, в сложной обстановке Семиреченской области, только что освобожденной от белогвардейских банд агентов английского империализма — генералов Анненкова, Дутова и Щербакова, бежавших в Китай. «Владычество белых оставило по себе ужасный след», — писал Фурманов из Семиреченской области, волею партии будучи назначен уполномоченным Туркестанского фронта в город Верный (Алма-Ата): «С внешней стороны всё как будто обстоит благополучно, а на самом деле атмосфера довольно сгущенная». Работа Фурманова в Семиречье оказалась очень трудной и сложной, причем самым значительным и большим, как писал Фурманов, здесь являлся национальный вопрос. Враги Советской власти, увидев в Фурманове стойкого коммуниста, последовательно проводившего правильную национальную политику, обвинили его якобы в притеснении мусульман и спровоцировали контрреволюционный мятеж. Фурманов проявил исключительное самообладание и, рискуя жизнью, сумел найти общий язык с обманутой контрреволюционерами массой и тем самым одержать победу над врагами народа. Вот эти-то события, одной из центральных фигур которых был сам Фурманов, и получили художественное воплощение в романе «Мятеж», составив основу его сюжета.

«Нам размышлять о смерти некогда, мы взяли в свои руки жизнь и перестраиваем ее», — писал великий художник слова Максим Горький. Люди, «взявшие в руки жизнь», теряют страх смерти: она воспринимается ими как естественная необходимость, когда она связана с борьбой за дело партии, за дело революции, за дело народа. Это новое отношение к смерти с предельной четкостью выразил Фурманов в своем романе. Семь дней длился мятеж в сложной, путаной, «грозной обстановке» далекого Семиречья. Эти дни были днями великого испытания мужества, выдержки и стойкости горстки коммунистов, призванных во имя дела революции подавить мятеж и находившихся на волосок от смерти.

Но героизм их проявлялся не только в смелости и самоотверженности.

¹ А. С. Серафимович, Соч., Гослитиздат, 1939, стр. 458.

«Смелость и отвага — это только одна сторона героизма, — подчеркнул И. В. Сталин в одном из своих выступлений. — Другая сторона — не менее важная — это умение. Смелость, говорят, города берет. Но это только тогда, когда смелость, отвага, готовность к риску сочетаются с отличными знаниями».¹ Вот эта двусторонняя сущность подлинного героизма и нашла глубокое и яркое выражение в поведении положительных героев романа и, в первую очередь, главного героя произведения.

Следует отметить, что Фурманов проявил необычайный художественный такт, рисуя своего главного героя. Последний рассматривается им как бы со стороны, нигде нарочито не выдвигается на передний план, не заслоняет других действующих лиц и, в связи с этим, воспринимается читателями и как конкретная личность, прообразом которой является автор романа, и — в еще большей степени — как определенный социальный тип, отражающий характерные черты героев нашего времени. В очерке «У китайской стены» Фурманов писал: «Мы побеждаем, как и всюду, не только силою оружия, но и, главным образом, могуществом своей идеи».

Главный герой романа «Мятеж» и предстает перед читателями, прежде всего, как носитель большой идеи, которая озаряет его жизненный путь, согревает его душу, определяет его поведение в окружающей действительности. В образе этого героя органически сочетаются горячее чувство и трезвый рассудок.

Окруженный мятежниками и озабоченный не мыслью о самосохранении, а интересами дела революции, он, выступая на митинге в крепости, трезво осмысливает создающуюся обстановку, стремясь добиться положительно-результата без пролития крови.

«Поднялся я, встал в рост, окинул взором взволнованную рябь голов, проскочил по близким лицам, — чужие они, злые, зловещие... Как ее взять в руки, мятежную толпу? Как из этого официального доклада построить агитационную речь, которая нам сослужила бы службу?»

Поставив перед собою этот вопрос и, трезво оценив обстановку, герой произведения так отвечает:

¹ И. В. Сталин, Выступление на приеме Героев Советского Союза Чкалова, Байдукова, Белякова в Кремле. «Правда» от 14 августа 1936 г.

«Прежде всего — перед лицом мятежного собрания надо выйти, как сильному... твердо и не сдаваясь в основном.

А второе — не выпускать ни на одно мгновение изпод пытливого взора всю толпу, разом ее наблюдая со всех сторон и во всех проявлениях: говорить — говори, но и слушай чутко разные выкрики, возгласы одобрения или недовольства, моментально учти, отражают ли они мнение большинства или только беспомощные попытки одиночек... А как только учтешь, поймешь — будь в действии гибок, как пантера, чуток, как мышь.

Если нарастает, вот она, близится, гроза, чуешь ты ее жаркое близкое дыханье, — зажми крепко сердце, жалом мысли прокладывай путь — не по широкой дороге битвы, а окольными чуть приметными тропками мелких схваток, ловких поворотов, неожиданных скачков, глубоких, острых повреждений, иди — как над ревущими волнами ходят по зыбкому, дрожащему мостику, остерегайся, озирайся, стремись видеть враз кругом: пусть видит голова, пусть видит сердце, весь организм пусть видит и понимает, потому что кратки эти переходные мгновенья и в краткости — смертельно опасны. Кто их не понимает, кто в них не владыка — тот гибнет неизбежно».¹

Таким образом героя романа характеризует исключительное самообладание, способность разобраться в сложной обстановке и направить все силы своей души, разума и чувства на то, чтобы обеспечить победу делу революции. Это и составляет подлинную сущность характера коммуниста, которого отличают высокая мораль, непоколебимая вера в правоту своего дела, твердость и выдержка, пролетарский гуманизм, умение смотреть в минуту опасности смерти прямо в глаза, способность умирать агитационно. Главный герой романа в момент, когда ему пришлось столкнуться лицом к лицу с мятежной толпой, так советует самому себе:

«...Когда не помогают никакие меры и средства, всё испытано, всё отведено, и всё — безуспешно, — сойди с трибуны, с бочки, с ящика, всё равно с чего, сойди так же смело, как вошел сюда. Если быть концу — значит, надо его взять таким, как лучше нельзя. Погибая под

¹ Д. А. Фурманов, Соч., указ. изд., т. 2, 1951, стр. 262—263.

кулаками и прикладами, помирай агитационно! Так умри, чтобы и от смерти твоей была польза».¹

Можно без преувеличения сказать, что в художественной литературе трудно найти образ, который по силе революционного пафоса, по высоте идейного звучания мог бы быть поставлен на один уровень с образом главного героя романа Фурманова «Мятеж»! Огромное эмоциональное воздействие его на читателей объясняется и тем, что, взяв этот образ из живой действительности, Фурманов не впал в фотографичность, а дает образ героя как жизненный тип, хотя и наделенный исключительными чертами, но верный, глубоко правдивый. Подчеркивая это, как большой плюс Фурманова-художника, А. Серафимович писал: «Выдумку всякий дурак сумеет обобщить,— живую жизнь сумеет синтезировать только истинное художественное творчество».²

В произведениях Фурманова крепко сплелись в единое целое большое жизненное содержание, высокая идея и незаурядное художественное мастерство.

Писатель-боец, Фурманов был не только тесно связан с современной ему революционной действительностью — он принимал в ней самое живейшее участие, как один из активных борцов со старым миром на фронтах гражданской войны. Отсюда глубоко выраженная партийность его творчества. Каждая строка произведений Фурманова согрета горячим внутренним огнем, но одновременно освещена и ярким прожектором марксистского мировоззрения. «Самая героическая действительность, самые хаотические впечатления,— говорит А. В. Луначарский,— не заставляют его заблудиться, не заставляют его сдать на милость действительности. Нет,— он доминирует над этой действительностью и от времени до времени взглядывает на марксистский компас, с которым не разлучается,— и никакая романтика никогда не заставляет его опьянеть, трезвый холодок продолжает жить в его мозгу, когда сердце его пламенеет».³

Фурманов был взыскательным художником. Он указывал, что «мастерство писательское образуется не от

¹ Д. А. Фурманов, Соч., указ. изд., т. 2, 1951, стр. 266.

² А. С. Серафимович, Соч., указ. изд., стр. 458.

³ А. В. Луначарский, Статья «Фурманов» в ежемесячнике «30 дней» за 1926 г., № 4, стр. 6.

одного природного дарования»¹ и надо его совершенствовать, «расширять и углублять содержание и работать над новой, синтетической формой».¹

Сам Фурманов, не удовлетворяясь достигнутым, неустанно работал над художественной отделкой своих сочинений. Это особенно заметно на примере его любимого детища — романа «Чапаев». Прислушиваясь к отзывам прессы, к указаниям великого учителя советских писателей А. М. Горького, Фурманов еще и еще раз продумывает композицию произведения, тщательно шлифует авторскую речь и язык персонажей, обогащает роман новым материалом. Так, если при втором издании «Чапаева» (1923) писатель внес в текст книги лишь незначительные поправки, то в третьем издании (1925) мы видим уже большие изменения: помимо стилистической отделки произведения, автор исключает из текста всё лишнее, развивает образы и действие романа, делает более выразительными отдельные картины художественно воссоздаваемых им событий, как, например, Сломихинского боя, эпизодов освобождения Уральска и т. п. После третьего издания «Чапаева» писатель внес в его текст еще более 50 существенных поправок и дополнений. В результате работы над текстом главный образ романа — Чапаев — постепенно освобождается от всего случайного, узко-биографического, приобретает в большей степени черты собирательные, обобщенные, характерные для типа народного героя гражданской войны. То же нужно сказать и про образ Федора Клычкова.

В процессе создания романа «Мятеж» Фурманов также проявил большую художественную чуткость, создавая на основе своих дневников, записей и документов, отраживших описываемые события, яркую панораму жизни, целую галерею типических, надолго запоминающихся образов. Это и определило огромное идейно-художественное воздействие романа на читателей.

«...Я читал «Мятеж», — вспоминает А. С. Серафимович. — Я читал всю ночь напролет, не в силах оторваться, перечитывал отдельные куски, потом долго ходил, потом опять перечитывал. И я не знал, хорошо это написано или плохо, потому что не было передо мной книги, не было комнаты, — я был в Туркестане, среди его

¹ Д. А. Фурманов, Соч., указ. изд., т. 3, 1952, стр. 242, 216.

гор, среди его населения, типов, обычаев, лиц; среди товарищей по военной работе, среди мятежников; среди революционной работы.

Да, это — художник. Художник, вдруг выросший передо мною и заслонивший многих».¹

**

Фурманов был не только беллетристом, но и страстным писателем-публицистом, живо откликавшимся в центральной и местной прессе на современные ему политические темы. Его статьи, стилистически всегда тщательно отшлифованные, характеризует партийность, тонкий, с марксистско-ленинских позиций, анализ внутреннего положения советской страны и международной обстановки, политическая дальнзоркость и пламенная вера в торжество дела коммунизма. Вот почему эти статьи до сих пор не утратили своей свежести и читаются с большим внутренним волнением: они накалены горячим дыханием борьбы двух миров, от них тянутся нити к нашей современности.

В своих статьях, помещенных в газете «Рабочий край» и других периодических изданиях в тяжелые годы гражданской войны, писатель мобилизует массы на преодоление испытаний, обрушившихся на Советскую республику, превратившуюся в военный лагерь.

В статье «Цель испытаний», помещенной в «Рабочем крае» 14 марта 1918 года, то есть в тот период, когда значительная часть нашей страны находилась в руках иностранных интервентов и положение Советской Республики было особенно напряженным, Фурманов писал:

«Революция встала на грань. Пораженная, она будет низвергнута в черную бездну. Победившая, она вырвется на широкий и светлый простор, помчится гордо и смело по взволнованному морю, разбудит спящих, ободрит восставших, увлечет за собою робко идущих по новому тернистому пути».

Оглядываясь на пройденный Великой Октябрьской социалистической революцией путь, Фурманов отмечает, что «уже всюду началась созидательная работа — творчество самих трудящихся масс». «Но окончательная

¹ А. С. Серафимович, Соч., указ. изд., стр. 458.

победа социалистической революции в России встревожила всемирную буржуазию, боящуюся этой победы, как знамения близкой победы трудящихся масс». Полчища империалистов охватывают огненным кольцом страну Советов.

«Вот положение. В нем трагизм и величие последней решительной схватки. Эту схватку завершит победа или смерть — третьего выхода не дано».

Фурманов заканчивает эту статью, как всегда, мужественными строками, выражающими твердую уверенность в торжестве правого дела: «Мы так же высоко держим красные распушенные знамена и верим в близкую окончательную победу».

Большой интерес представляет статья Фурманова «Женщины и дети Парижской Коммуны», помещенная в «Рабочем крае» в связи с 47-й годовщиной Коммуны.

В этой статье он пишет: «Парижская Коммуна пала. Но светлый ее образ живет в душе и зовет к себе взволнованную, обеспокоенную мысль. В этом образе четко и ясно запечатлелись живые контуры грядущих революций. На уроках Парижской Коммуны мы научились творить и направлять революционное дело».

Фурманов совершенно правильно утверждает, что «Парижская Коммуна по замыслам и беспримерному героизму трудящихся масс является прообразом нашей глубокой социальной революции».¹

Являясь до 25 августа 1919 года комиссаром прославленной Чапаевской дивизии, входившей в состав 4-й армии Восточного фронта, Фурманов посылает в редакции ивановской и самарской газет с места боевых операций ряд статей. В них он, живо рисуя героическую борьбу Красной Армии с белоказачеством, с Колчаком, дает тонкий политический анализ положения и глубокую оценку социальных сил, участвующих в борьбе.

«В полках у нас настроение крепкое, большинство красноармейцев — добровольцы, поднявшиеся лавиной на защиту Советской власти, — писал Фурманов в одной из первых статей, посланных в «Рабочий край». — Политических работников красноармейцы здесь любят и уважают, но не за то любят, что они хорошие агитаторы, а за то, что они в бою всегда с ними... Недавно мы взяли

¹ «Рабочий край», 20 марта 1918 г., № 12.

станицу Сломихинскую, откуда выбили двойную силу казаков. Мы все были в цепи и вместе с красноармейцами вошли в станицу. Это действует лучше всяких митингов».¹ Разбираясь в причинах этой победы, Фурманов отмечает, что «великое побеждает», подчеркивая тем самым огромную роль того дела, за которое боролась Красная Армия.

Позднее (в 1922 году) в черновике предисловия к одной книге, посвященной событиям гражданской войны, Фурманов эту мысль выражает в более развернутом виде: «Против нас были и талантливые командиры и храбро сражавшиеся войска (своего рода «геройство») и выносливость белых, их настойчивость — Красная Армия имела перед собой не сброд и не военный кисель, а организованного, стойкого, сильного, отважного, обеспеченного всем необходимым классового врага. Потому она и геройская — Красная Армия — что такого врага, а все-таки повалила». Фурманов объясняет это тем, что существовала резкая «разница между пролетарским героизмом и шкурным «героизмом» наших врагов, граничащим с отчаянием и ненавистью к новому».²

Данное положение Фурманов подтверждает в статьях «Уфа и Уральск» и «Сознательные герои». В первой из этих статей Фурманов указывает, что уральские белоказаки представляли «спянную, крепкую массу совершенно зажиточных, часто очень богатых «представителей этого сословия, и воспринимали» претворение казака-эксплуататора в казака-трудолика... как покушение на казацкую волю и самостоятельность»³. В статье «Сознательные герои» Фурманов делится своими мыслями о героизме бойцов Красной Армии. Среди них особое место занимают коммунисты, которые, находясь всегда впереди, в боях завоевали симпатию красноармейцев. Они — «герои настоящие, светлые, сознательные... Они идут и умирают не из удали, не по горячке, не из жажды славы: они гибнут за идею»⁴.

Таким образом, статьи Фурманова, откликнувшиеся на события гражданской войны, отличаются глубиной и по-

¹ «Рабочий край», 5 апреля 1919 г., № 76.

² Архив Д. А. Фурманова (ИМЛИ), II-62, 781.

³ «Рабочий край», 9 августа, 1919 г., № 177.

⁴ Там же, 4 декабря 1919 г., № 275.

литической прозорливостью. Писатель-публицист прекрасно учитывает в этих событиях, в организации анти-советских сил роль международных империалистических хищников. «Вспомните, как мы голодали, были разуты, раздеты и все-таки держались, шли вперед. Белым было легче: их всем снабжала богатая заграница»¹, — писал Фурманов в указанном выше предисловии.

В своих статьях, посланных в «Рабочий край» в 1920 году с Туркестанского фронта («В стране хлопка», «В Семиреченской области», «На Китайской границе»), Фурманов, говоря о двусмысленном поведении правительств сопредельных с Туркестаном стран, отмечает, что «всюду, разумеется, орудует ловкая рука английско-го империалиста»: «Английский империалистический лев, почуяв грозную опасность, затревожился, оскалил зубы, выпустив хищные когти». Фурманов отмечает, что правящие круги капиталистического Запада пытаются задуть разгорающееся революционное движение на Востоке, но эти попытки тщетны: «Восток горит, весь горит, и близко время, когда он и колонии превратятся в свободную страну...»².

В наше время, когда великий Китай превратился в свободную страну, когда народы колониальных и зависимых стран развернули гигантскую самоотверженную борьбу за свое освобождение от империалистических хищников, эти слова писателя-коммуниста звучат особенно свежо и значительно.

В другой статье, «В тенетах лжи» (1921), Фурманов разоблачает звериную сущность англо-американского империализма, накинувшего петлю на Германию после победы над нею в первой мировой войне.

«Эти миллиарды золота, уйма народного добра, которое надо выплатить победившим хищникам, — отмечает Фурманов, — всё это бесконечно истощает и без того истощенное, надорванное войною хозяйство страны. Недаром последние недели в Германии идут непрерывные волнения, недаром вся германская пресса буквально поглощена этим трагическим вопросом о тяжелой контрибуции Антанте и недаром, наконец, эта самая Антанта

¹ Архив Д. А. Фурманова (ИМЛИ), II-62, 781.

² Д. А. Фурманов, Соч., указ. изд., т. 3, 1952, стр. 191.

оккупирует целые области побежденной, но не спокойной и протестующей Германии»¹.

Констатируя, что между капиталистическими странами-победительницами в деле грабежа наблюдается полная согласованность, Фурманов, глубоко проникая в сущность империализма, утверждает. «Но этой согласованности нет при дележе, и каждый из грабителей зорко наблюдает за другим, чтобы тот не оторвал лишнего куска. В то же время все они робко посматривают на Тихоокеанское побережье, где вот-вот может разыгаться новая мировая драма... Эта запутанность в мировой обстановке решительно не дает возможности смелым на словах грабителям приступить к каким-либо смелым действиям, ибо они отлично понимают, как назрело рабочее движение, как может оно отозваться на всякое активное действие мировой буржуазии»².

Нельзя не отметить и в данных словах Фурманова-публициста его большой политической прозорливости. Эти слова приобретают в настоящее время особый смысл и значительность в свете высказываний И. В. Сталина в работе «Экономические проблемы социализма в СССР» и в речи на XIX съезде партии о сущности современной империалистической буржуазии.

В статье «Мечты и дела» Фурманов едко высмеивает «русских за границей», контрреволюционеров-эмигрантов, представляющих поразительную «смесь одежд и лиц, племен, наречий, состояний»: здесь и открытые монархисты, думающие о восстановлении в России самодержавия, и социал-предатели разных мастей, идущие за монархистами «петушком-петушком». Всё это — наемники международного капитала. Они «мечтают», продолжая навязывать истории свои мысли, планы и надежды, уже потерпевшие полное фиаско... «Не дремлет враг. Не оставляет свои надежды, хотя и глупые, пустые, обреченные на верную гибель. Зорко следит Советская Россия за всеми концами враждебного мира и каждому врагу готовит свою расплату. В то же время крепнут наши силы, мчится по миру наше победоносное учение»³.

¹ Д. А. Фурманов. Соч., указ. изд., т. 3, 1952, стр. 197.

² Там же, стр. 198.

³ «Рабочий край», 15 июня 1921 г., № 129.

Это утверждение Фурманов ярко иллюстрирует в своей статье «На международной конференции коммунистов».

«...Море голов — и сверху и внизу. Отовсюду смотрят вдохновенные женские глаза. Их зажгли огневые речи, что несутся с красной трибуны. Оттуда зовут пролетарскую женщину к борьбе и к борьбе не только за освобождение труженицы-женщины, мученицы-матери, а за освобождение трудового человечества».

С таким душевным подъемом начинает писатель-публицист эту статью, в которой передает свои впечатления от 2-й Международной конференции коммунистов, происходившей в Москве.

Такие собрания женщин-тружениц, по мнению автора, особенно живо и непосредственно носят в себе октябрьские мотивы, настроения свежести, горячей радости и глубокой веры.

«...Когда вы слышите здесь, по коридорам, и четкую речь англичанки, и певучую французскую мелодию, игривую, торопливую грузинскую речь, когда вы видите и темносмуглые, и желтые, и белые лица, вас охватывают несказанная радость и глубокая уверенность в победе. Если уж нам удалось так широко разрыть капиталистический мир, если нам удалось разбудить пока всё еще отсталых, робких женщин, — значит победа за нами»¹.

Таким образом Фурманов утверждает, что на современном историческом этапе все дороги ведут к великой освободительной борьбе за конечные идеалы трудящихся, к коммунизму.

Подчеркивая ведущую роль Коммунистической партии в развитии русского и мирового освободительного движения, Фурманов заявляет, что «наша партия всегда была научно-ортодоксальна, во все эпохи равнялась по живой, конкретной обстановке, и в этом причина ее успехов»². Писатель-публицист отмечает крепчайшую связь Коммунистической партии с пролетариатом, с трудящимися массами, указывая в наброске своего отзыва (от 14 июня 1924 года) на книгу В. М. Молотова «Партия и ленинский призыв», что «рабочий ленинскую пар-

¹ «Рабочий край», 16 июня 1921 г., № 130.

² Архив Д. А. Фурманова (ИМЛИ), II-62, 736.

тию большевиков считает своей и, поставив 200 тысяч своих лучших представителей, тем самым доказал, насколько сознательно участвует он в борьбе за новый коммунистический строй»¹.

**

В литературном наследии Фурманова особое место занимают его многочисленные высказывания по вопросам искусства, критические оценки течений, имевших место в современной ему литературе, а также отдельных писателей. Они представляют большую ценность, так как взятые в целом раскрывают сущность литературно-эстетических взглядов выдающегося советского писателя, во многом сохранивших свою актуальность и высокое звучание до наших дней.

В основе взглядов Фурманова на литературу лежит принцип партийности. Рассматривая искусство как отражение жизни и устанавливая в этом его огромное познавательное значение, Фурманов настаивает на «необходимом соответствии искусства основным тенденциям жизни». Только при соблюдении этого условия искусство сумеет оправдать свое высокое назначение. «Основной тенденцией нашего исторического периода, — указывает Фурманов, — является борьба с неправдами старого мира. В это понятие борьбы вмещается необъятное содержание, которое и должно послужить источником художественного творчества. Эта центральная тенденция эпохи — борьба — должна пронизывать все художественные произведения, — только тогда они могут иметь какую-либо ценность как произведения общественно-необходимые и только тогда они будут представлять собою не балагурство и самоуслаждение, а поистине ценные и общественно полезные произведения»².

Однако процесс отражения жизни, как учил В. И. Ленин, «не есть простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт»³. Отсюда и литература, особыми, специфическими средствами отражающая жизнь, — не простое зеркало, а зеркало живое: в литературных произведениях выражается отношение автора к воспро-

¹ Архив Д. А. Фурманова (ИМЛИ), П-62, 785.

² Д. А. Фурманов, Соч., указ. изд., т. 3, 1952, стр. 245.

³ В. И. Ленин, Философические тетради, М., 1934, стр. 336.

изводимой действительности, а следовательно, его классовое сознание, его идейно-политические позиции. «Кому хочет служить наша литература? Это главное», — указывает Фурманов, тем самым утверждая мысль об идейно-политической направленности художественных произведений. Он настаивает на необходимости деятелям литературы сознательно подходить к явлениям жизни, что, в свою очередь, выдвигает настоятельное требование к писателю — выковать определенное мировоззрение. «Довольно политической безграмотности литераторов!» — заявляет Фурманов: «Стойте ближе к РКП!»¹ Литературное произведение, выражающее принцип партийности в области искусства, должно отличаться боевым тоном, жизнеутверждающим настроением, пламенной верой в победу нового в окружающей действительности. «От литературных произведений, — говорит писатель-коммунист, — мы привыкли ждать и бодрых призывов и смелых дерзаний, ярких надежд и веры, веры, веры в победу!»² Эти черты боевого искусства он видит в произведениях великих классиков русской литературы, революционных демократов и А. М. Горького, творчество которых было устремлено вперед, помогало движению общества от настоящего к будущему. «Поэзия Некрасова настраивала на боевой лад — в этом ее заслуга», — говорит Фурманов. «Пусть душно и тесно было прежде, — пишет он в статье «Завядший букет» (1922), — пусть живые образы Щедрина, Чернышевского, Успенского, Горького были одинокими (а еще более одинокими и гонимыми были песни пролетарских поэтов). Но там была идея, чувство, стремление и глубокая вера. Эти идеи, чувство и образы помогали общественному движению, дополняли его, питали живительной влагой. Они сыграли огромную прогрессивную роль как художественные силуэты по пути раскрепощения труда и человеческой личности». И, как бы обобщая свои мысли о том, что должно собою представлять произведение искусства, нужное советскому обществу, Фурманов заявляет: «Родства с жизнью, дополнения к ней, соответствия ее требованиям и общим тенденциям мы вправе требовать от каждого значительного художественного произведения»³.

¹ Д. А. Фурманов, Соч., указ. изд., т. 3, 1952 стр. 216.

² Там же, стр. 244.

³ Д. А. Фурманов, Соч., указ. изд., т. 3, 1952, стр. 244—245.

Так определяет писатель задачи советской литературы, по существу формулируя в приведенных выше высказываниях основные принципы искусства социалистического реализма, искусства, отражающего глубоко и ярко типические явления в жизни, ее тенденции.

Исходя из этих требований, Фурманов дает суровую, но справедливую оценку различным течениям формалистического искусства, которые, по его словам, представляют не что иное, как «завядший букет»: «Оторванность от живой жизни, отчужденность старых школ и течений от борьбы ведет их совершенно естественно туда же, куда и породившее их общество,— в могилу».

Писатель отмечает, что в его время еще не определилось, не встало прочно на ноги новое, боевое искусство революционного пролетариата, но чувствуется уже в нем могучая сила, укрепляющая его на месте погибающих течений и школ изживающего себя формалистического искусства. Приветствуя это новое искусство, Фурманов внимательно останавливается на тех задачах, которые стоят перед его представителями.

Фурманов считает (и совершенно правильно!), что одним из неперенных условий художественного творчества является наличие у пишущего литературного дарования. «Этот род деятельности,— утверждает он,— не может успешно развиваться одной натугой, одной усидчивостью»¹. Но для создания значительного художественного произведения требуются и другие условия. «А умный, образованный ты должен быть человек. Хорошо это писателю. Даже обязательно»². Писателю нужно упорно трудиться, развивая содержание своего произведения и совершенствуя его форму. «Прежде чем не овладеешь материалом, не берись. Легкая болтовня твоя никому не нужна (да и тебя роняет она), лучше обожди, подкуй себя и тогда — вдарь». Для этого писателю следует глубоко изучать жизнь. «Каждый порядочный художник,— говорит Фурманов,— непременно причастен к общегосударственной жизни, понимает ее, ею интересуется, следит за нею, даже часто активно в ней участвует своими собственными силами, знаниями, опытом»³.

¹ Д. А. Фурманов, Соч., указ. изд., т. 3, 1952, стр. 243.

² Д. А. Фурманов, Из дневника писателя, ОГИЗ. «Молодая гвардия», 1934, стр. 87.

³ Д. А. Фурманов, Соч., указ. изд., т. 3, 1952, стр. 205.

Указывая, что «со своим временем надо чувствовать сраченность и следовать, не отставая — шаг в шаг», — Фурманов колоссальное значение для глубокого проникновения в сущность его придает изучению классической литературы, отразившей прошлое, в котором заложены «корни» настоящего. «Изучать со дна, а не с поверхности, — говорит Фурманов, — рационально, ибо, пробравшись на дно и определив там все скрытые силы, во всяком случае быстрее и точнее определишь все явления, происходящие на поверхности, то есть современное, видимое, то, чем живет эпоха, чем живу вместе с нею и сам». Развивая эту мысль, Фурманов заявляет: «Ясное дело, что нюансы-то современности и надо постичь возможно скорее, раз только хочешь идти в ногу со временем, а не уцепившись ему за долгий хвост. Но нюансы эти будут поняты и чувствуемы по-настоящему лишь при том условии, что корни их будут известны и поняты тоже по-настоящему. Верхоглядство выхода здесь не дает»¹.

Фурманов считает, что задачей советских писателей является создать «эпические произведения вровень эпохе».

Такие произведения, по его мнению, могут быть созданы лишь значительными художниками слова, которыми можно стать при условии, если писатели, во-первых, будут «учиться ленинизму — глубокому и верному пониманию жизни и человеческих отношений» и, во-вторых, будут «много читать, особенно высочайших мастеров слова, больших художников», изучать «те образцы русского языка, которые унаследовали мы от первоклассных мастеров».

Следует отметить, что эти указания выдающегося советского писателя сохранили в полной мере свою силу и в наши дни.

В целом сочинения Фурманова, запечатленные в них образы, выраженные в них мысли продолжают жить и творить большое, нужное нашему народу дело, помогают строить прекрасное здание коммунизма.

**

Произведения выдающегося советского писателя издавались большими тиражами как в центре, так и на местах: так, например, роман «Чапаев» печатался 125 раз

¹ Д. А. Фурманов, Соч., указ. изд., т. 3, 1952, стр. 217.

и был выпущен на 34 языках в количестве, достигающем почти 3 миллиона экземпляров, «Мятеж» переиздавался 15 раз и переведен на языки десяти народностей Советского Союза и т. д. В 1927—1928 годах Госиздат выпустил собрание сочинений Д. А. Фурманова в 5 томах, в 1936 году Гослитиздат напечатал трехтомник его сочинений. Последнее, особенно тщательно отредактированное собрание сочинений (в 3 томах), выпущено Государственным издательством художественной литературы в 1951—1952 годах. Однако эти издания далеко не в полной степени охватывают литературное наследие Фурманова, в частности, не отражают раннее его творчество, его стихотворения, публицистические статьи, драматургические опыты, дневниковые записи и письма, что представляет несомненный интерес и что следует довести до широкого круга читателей, расширив собрание сочинений замечательного советского писателя.

Е. САХАРОВА

Е. Ф. ВИХРЕВ

Ефим Вихрев принадлежал к тому поколению советской молодежи, которое закалялось в огне гражданской войны. Вся его жизнь, все его интересы неразрывно связаны с комсомолом, с Коммунистической партией.

Ефим Федорович Вихрев родился в г. Шуе, Ивановской области, в 1901 году.

В первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции он в числе первых комсомольцев организует шуйскую молодежь в комсомол. Семнадцатилетний юноша, член укома комсомола, ходит по селам и деревням Шуйского уезда и горячо агитирует крестьянскую молодежь за советскую власть.

В семье Вихревых привыкли к тому, что сына по целым дням не бывает дома: общественная работа для него была превыше всего. И когда осенью 1919 года из Иванова пришла телеграмма о мобилизации тридцати процентов коммунистов и комсомольцев на фронт, Ефим Вихрев, будучи членом мобилизационной тройки, первым внес в список добровольцев свою фамилию. Дома он сказал только: «Ухожу на фронт».

В Москве состоялась незабываемая встреча с вождем Коммунистической партии. Владимир Ильич Ленин напутствовал ивановцев, отправлявшихся на фронт. Ефим Вихрев запечатлел эту встречу в своем рассказе «Годы».

«В полночь, перед кремлевской стеной — хранительницей дорогих революционных имен, на том месте, где стоит сейчас мавзолей, — молчаливо остановились три сотни человек. Лица трех сотен человек были худы и хмуры, взгляды — сосредоточены и суровы...

Три сотни человек молчаливо выстроились в шеренгу

перед могилами павших борцов и, дрожа скорее от волнения, чем от холода, запели похоронный марш...

Три сотни человек были испытанные ивановские большевики... Всего за несколько дней до этой ночи они со всех уездов съехались в Иваново и собрались в бывшем доме текстильного короля — в губернском комитете партии. Наскоро они получают обмундирование, наскоро учатся держать винтовку, а немногим остающимся товарищам наказывают управлять губернией. Трогательные оркестры прощальных митингов, веселые шествия по непролазным грязям ивановских улиц, сердечные речи напутствующих ткачих — и три сотни человек поющим эшелонам мчатся к Москве.

Приехав в столицу, они попадают в Дом союзов, в Голубой зал. Тут им говорят, что через полчаса к ним приедет Ленин. Они занимают места и ждут. Но многим не терпится. Вот комсомолец лет восемнадцати в непомерно длинной шинели. Он громко зовет своих друзей спуститься вниз, к подъезду, чтобы встретить вождя.

Несколько ребят бегут за ним. Они стремительно прыгают по ступенькам лестницы. На середине лестницы разбежавшийся комсомолец в длинной шинели нечаянно задевает плечом человека в черном пальто и в шапке, тихо поднимающегося навстречу. Комсомолец пробегает еще несколько ступенек, потом останавливается и смотрит назад, на человека, которого он так неосторожно толкнул... И вдруг комсомолец шепчет своим ребятам: «Ленин» и поворачивает всю ватагу назад.

Три сотни человек, р коплеща, образуют узкий коридор — от дверей до трибуны... Через минуту Ленин стоит уже на трибуне, но рукоплескания не дают ему говорить. Зато как тихо стало в зале, когда он произнес первые негромкие слова.

Так вот он какой — наш Ильич!..

— Центральный Комитет партии, — говорит Ленин, — командирует всех вас в девятую армию... Вы должны поднять боеспособность ее... Ивановские большевики всегда были в первых рядах революции, недаром среди них вырастают такие организаторы и герои, как Фрунзе-Михайлов...

Вождь кончил свою напутственную речь, и триста человек, взволнованные, обступили его. Митинг перешел в дружескую беседу... Владимир Ильич хочет всё время

следить за жизнью и работой ивановцев в армии, он хочет переписываться с ними...

Триста человек провожают Ильича до автомобиля. Ильич пожимает им на прощанье руки.

Ночью они отправились по безлюдным улицам спящей столицы и по дороге остановились у кремлевской стены, на том месте, где стоит сейчас мавзолей.

Спев похоронный марш перед могилами павших борцов, они перешли Каменный мост и очутились у Павелецкого-Саратовского вокзала...

Потом они разместились по теплушкам, и на рассвете Отряд особого назначения покинул Москву...

Ефим Федорович Вихрев навсегда запомнил эту встречу с вождем и увековечил ее не только в прозе, но и в стихах. Стихи он очень любил, знал их наизусть великое множество и свои душевные движения, чувства и мысли облекал в поэтические строчки. Встречу с В. И. Лениным он описал в стихотворении «В Голубом зале», которое посвятил «Иваново-Вознесенской гвардии РКП(б)»:

...не забудет ни один
слов драгоценных в мгле годин,
которыми взбудрил нас Ленин.

Отряд иваново-вознесенцев сражался на Кубани. Об этих днях Ефим Вихрев рассказал читателям в своих стихах:

...Мы летели через столетия
По равнинам, буграм, снегам,
Неумытые, неодетые,
К неизведанным берегам...

На фронте Ефим Вихрев работает в политотделе армии. Он — секретарь радиотелеграфа, а затем — секретарь редакции фронтовой газеты «Красноармеец». В огне гражданской войны куется воля и характер комсомольца Вихрева, и там, на фронте, он вступает в ряды Коммунистической партии. Рассказы «Дыня» и «Освобождение раба» — это страницы из жизни писателя-коммуниста.

Но вот Деникин разгромлен, Кубань очищена от белогвардейцев. С увлечением отдается Вихрев любимой газетной работе. Вместе с фронтовыми друзьями он организует в Краснодаре областную кубанскую газету «Красное знамя» и работает в ней сначала секретарем, а затем заместителем редактора. Всей душой отдаваясь

любимому делу, он находит время не только писать, но и учиться и за два года кончает в Краснодаре рабфак.

В боевой шинели и солдатских обмотках осенью 1922 года приезжает Ефим Федорович с Кубани на родину. В редакции областной газеты «Рабочий край» он сразу становится одним из самых деятельных работников. У него за плечами фронтовой и литературный опыт — ему поручают заведовать отделом «Рабочая жизнь». Здесь-то он проявил весь свой организаторский талант: установил тесную связь с фабриками, с рабочими. Он любовно и терпеливо растит рабкоровский актив, создавая на предприятиях рабкоровские кружки.

В редакции часто собираются начинающие авторы, и с ними Вихрев ведет долгие и увлекательные беседы. На страницах областной газеты всё чаще и чаще появляются новые имена из актива рабкоров.

В это время Ефим Федорович хотел продолжать свое образование и с этой целью поступил в Политехнический институт. Но кипучая общественная и газетная работа оторвала его от учебы, и он целиком отдался литературному творчеству. Жил он вместе с братом в доме губкома партии, в комнате для приезжающих. Обстановка была самая скромная.

Так прошло три года. В 1925 году старые литературные друзья приглашают Ефима Федоровича в Москву, и он переезжает туда жить и работать.

С этого времени начинается новая полоса в его жизни: он быстро растет творчески, его голос крепнет. В Москве он работает секретарем редакции журнала «Город и деревня», а затем секретарем издательства «Недра».

Летом 1925 года Ефим Федорович приехал к родным в Шую. Радостно было свидание с родными в маленьком домике на Бутырской улице. Ради этой встречи приехала из Палеха сестра Ефима Федоровича, и не одна, а с подругой. Молодежь принялась читать и обсуждать стихи, зашел разговор об искусстве. Ефим Федорович жестоко поспорил из-за стихов с подругой сестры, Лизой. А через две недели он объявил своим родным: «Мы с Лизой решили пожениться!»

Именно в эти же дни произошло одно событие, которое дало определенное направление жизненному и литературному пути Вихрева.

В гости к Вихревым приехал родственник Лизы, палешанин. Не вступая в общий разговор, он внимательно всматривался в картины, висевшие на стенах. Это были работы Ефима Федоровича. И вдруг палешанин заговорил. Он высказал верные суждения о композиции картин, о красочности изображения. Ефим Федорович заинтересовался: «Откуда вы всё это знаете?» — «Мы тоже компануем разные сюжеты», — скромно ответил гость. Это был художник Иван Иванович Зубков.

У Ефима Федоровича загорелось желание посмотреть на работы палехских художников.

И вот он в старинном селе Палех, ходит из дома в дом, любуется палехскими рисунками.

— Да ведь это таланты, народные таланты! — восклицает он, без конца вглядываясь в роспись палехских миниатюр.

Ефима Федоровича познакомили с знаменитым мастером — Иваном Ивановичем Голиковым. Работы этого художника были исключительны по тонкости, красочности и изобразительности рисунка. У Ефима Федоровича мелькнула мысль: а что, если попросить его сделать иллюстрацию к своему стихотворению. И он дает ему стихотворение «Курган», в котором повествуется о нашем печенеге и половце, а затем о подвигах Красной Армии.

Знаменитый мастер изобразил на маленькой коробочке из папье-маше события из нескольких эпох. Ефим Федорович не может оторвать глаз от чудесного рисунка, не растает с коробочкой.

В редакции газеты «Рабочий край» он показал ее редактору. Тот был поражен искусством палешан и предложил Вихреву тут же в редакции написать очерк о палехском искусстве.

Так появился очерк Вихрева о палехской миниатюре «Курган».

«...Передо мной — непокоримая музыка красок», — пишет Вихрев. Яркими, образными словами он описывает это произведение искусства:

«В степи стоит курган — охряный, с прозеленью, разбросами кустиков. Мимо кургана проходят века. На вершине его — печенег с лицом цвета желтой глины, в развевающемся, как пламя, киноварном одеянии, вздыбил своего голубого коня. Его злая и ловкая фигура, величи-

ной с муху, грациозная фигура его коня, скрестившего свои легчайшие передние ноги — отчетливы на глубоком черном фоне. Печенег видит на горизонте костры варяжского становья. Лицо печенег, равное крупинке, искажено злобой. Он коварно повертывает коня... и вот — сражение под курганом, в левой части шкатулочной крышки — войска печенегов сцепились вплотную с варяжскими дружинниками. Блещут серебряные стрелы, копья, щиты, булавы, золотятся чешуйчатые шеломы и брони. Бой в разгаре. Вот уж один за одним падают всадники. Вот молодой варяг на огненном коне врывается в самую кипень боя...

...Я смотрю в правый нижний угол шкатулочной крышки: красноармеец умирает под курганом. И странно: он в таком же кафтане, как и печенег на огненном коне. Только зеленый шлем своим микроскопическим пятилучьем говорит о нашем недавнем, пережитом. У красноармейца мученическое лицо, но удивительно новы его алые шаровары с витиеватыми золотыми расшивками. Красноармеец сейчас умрет. Но вот уже идет справа его Красная Армия, Первая Конная, георгии-победоносцы — на фантастических танцующих конях, у которых струйчато серебрятся гривы. Змеятся в воздухе узкие кумачевые знамена, поблескивает драгоценная амуниция, сабли унизаны кованым серебром.

Первый конь, конь комбрига, бакановый, изысканно приподнял правую переднюю ногу. Я смотрю на него и вспоминаю почему-то:

Жеребец подымет ногу,
Опустит другую,
Словно пробует дорогу —
Дорогу степную.¹

...На 120 квадратных сантиметрах я вижу три грандиозных эпохи.

...В углу миниатюры маленькие черные буквы, которые втрое мельче самого мелкого газетного шрифта: «И. Голиков, село Палех, 1926 г.»

Е. Ф. Вихрев глубоко понимал произведения палехских художников. В своих очерках он раскрывал всю талантливость, глубину и содержательность работ художников села-академии.

¹ Э. Багрицкий, Дума про Опанаса.

С тех пор Ефим Вихрев всей душой полюбил палехское искусство, стал внимательно изучать его. Его очерки о художниках Палеха печатались в журналах «Октябрь», «Новый мир», «Красная новь», «Красная нива», «Наши достижения».

В 1930 году издательством «Недра» была издана книга «Палех», в которой автором были собраны все его очерки о Палехе. Получив эту книгу в Сорренто, А. М. Горький прислал Е. Вихреву письмо, в котором дал о ней восторженный отзыв.

Книга состояла из очерков, объединенных одним названием: «Цветы есть видоизмененные листья», и четырех рассказов: «Верность», «Жданка», «Ножницы» и «Бедный гений». В них изображены быт и творчество палешан.

Очерки Вихрева ознакомили широкую читательскую аудиторию с историей развития палехского искусства. Сам писатель говорит об этом: «История Палеха — изумительная картина, выпукло и убедительно рисующая грандиозный процесс перековки воли, сознания и психологии людей, мастеров-художников, совершивших гигантский скачок от Палеха дореволюционного, Палеха иконописцев, к Палеху советскому, завоевавшему своим мастерством признание всего мира».

О дореволюционном быте палехских иконописцев хорошо рассказал А. М. Горький в повести «В людях». Роспись икон — это ремесленничество, при котором все операции расчленены: один пишет одеяния святых (платничник, доличник), другой — лица (личник) и т. д. Все эти операции повторяются тысячекратно, поэтому художник не горит творческим огнем, а всё делает спокойно, размеренно и точно. Это не творчество, а ремесло.

Но вот грянула революция и перевернула весь быт палешан. Иконы оказались не нужны. А душа художников рвется к чему-то новому, неизведанному, что близко к жизни, ставшей такой необычной.

Палехские художники перешли на роспись миниатюр. Иван Иванович Голиков увидел в Москве в Кустарном музее федоскинские лаки-коробочки, шкатулки, расписанные яркими красками. У него мелькнула мысль — попробовать свои силы на папье-маше. Для этого нужно было сырье. Заведующий музеем, узнав, что перед ним палехские «богомазы», отказал им в сырье и не стал с ними даже разговаривать.

Нашли старую фотографическую ванночку из папье-маше, обрезали края, и на дне ванночки написал Голиков одним только золотом и серебром чудесную композицию, где причудливо переплетались звери и птицы. Работа Голикова изумила музейных работников. Эта первая работа Голикова из папье-маше и сейчас хранится в одном из музеев Москвы.

Так зародился новый вид искусства — оригинального, яркого, самобытного.

«Неимоверно труден был переход к росписи папье-маше, — пишет Е. Вихрев. — От иконописи, от ликов святых, от богородиц и ангелов к «светским» темам — к хороводам, тройкам, фольклору, к темам из Пушкина, Лермонтова, Горького, и, наконец, к советским темам — коллективным, массовым, к темам о пионерах, Красной Армии, индустрии социализма — большой и трудный переход, связанный с коренной ломкой всего старого мирозерцания».

В этом трудном переходе, утверждает Е. Вихрев, палешанам помогла сама жизнь. «Именно красота народного творчества, сила и мощь человеческих чувств народа... были сокровищницей, откуда черпали палешане свои силы».

В книге с большой любовью описаны художники Палеха, творческая манера каждого из них, особенности их характеров. Ефим Вихрев дал яркие портретные характеристики таких народных талантов, как Иван Голиков, Иван Баканов, Иван Маркичев, Николай Зиновьев, Дмитрий Буторин и других мастеров палехского искусства. Среди художников Палеха автор различает три поколения: первое поколение — это старые мастера, такие, как Аристарх Дыдыкин, Иван Голиков, Иван Баканов, Иван Маркичев, которые создали каждый свою самостоятельную школу, особое направление в искусстве. Второе поколение — это их ученики, члены артели палехских художников — Николай Париллов, Николай Зиновьев и другие. И наконец, третье поколение — это «отрочество и юношество артели», по выражению Е. Вихрева.

В книге даны поэтические характеристики художников Палеха. Иван Баканов — это «поэт неомраченного мира», по мнению автора. «Всё его творчество — это как бы мечта о счастливой жизни человечества, лишенной вражды и войн, мечта, которую наш век превращает в дей-

ствие». Пять пудрениц И. Баканова, выставленные в Западной торговой палате в дни XVI партийного съезда, расписаны на тему о коллективизации. Рисунки на них связаны общей трудовой темой — посев и обработка льна.

Другой талантливый художник, Иван Голиков, является полной противоположностью Баканову. Это «мастер битвы, поэт стремительных стихий, движения и неукротимый». Излюбленный образ Голикова — это стремительно мчащийся всадник. Знаменитые голиковские тройки «не просто мчатся — они преодолевают снежные вихри и бури». Таковы композиции «Бесы» на мотив пушкинского стихотворения, где Пушкин мчится в кибитке сквозь метели и бесовский хоровод, «Митинг Стеньки Разина» и другие. В книге Ивану Голикову посвящена отдельная глава, рисующая нам портрет художника и раскрывающая отчасти его творческую лабораторию.

И. И. Голиков был основателем «Палехской артели древней живописи». Страшно бедствуя со своей большой семьей, он не бросал любимого дела и создавал шедевры искусства. Это ему издательство «Академия» поручило иллюстрировать текст «Слова о полку Игореве», это он написал кисточкой от руки весь текст «Слова» и создал красочные иллюстрации к этому древнему памятнику искусства.

Вихрев с воодушевлением описывает сцену свидания Голикова с А. М. Горьким, во время которой великий писатель-гуманист был потрясен силой искусства палехского художника.

Иван Вакуров — художник светлой грусти. Лучшая его миниатюра — «Хуторок». Старинные мотивы и образы нужны художнику для того, чтобы оттенить его лирическое настроение — светлую грусть.

Художник Николай Зиновьев — великолепный портретист и философ. Расписанный им письменный прибор из 13 предметов показывает историю земли от ее происхождения до нашего времени. «Вся история земли сводится к социализму» — вот основная идея этой художественной вещи.

Ефим Вихрев любит простоту и скромностью художественных работ двух друзей — Ивана Маркичева и Дмитрия Буторина. Эта художественная простота по-

добна музыке пушкинских стихов, которые с таким совершенством иллюстрируют палехские художники.

Автор книги «Палех» вскрывает народность дарований палешан, их тесную связь с массами, глубокое проникновение в природу, исключительную поэтичность и реалистичность изображения жизни.

Очерки Е. Вихрева о Палехе заинтересовали нашу общественность. До этого о Палехе искусствоведы писали академические статьи, но так живо и ярко, как Е. Ф. Вихрев, о них никто еще не писал. Очерки Вихрева перепечатал один парижский журнал. Творчеством палешан, по рассказам А. М. Горького, заинтересовался Ромэн Роллан — и в село-академию стали приезжать иностранные гости. Они воочию убеждались в талантливости палехских художников.

В своих взволнованных, ярких очерках Е. Вихрев рассказал читателям о том, как изделия палехских мастеров завоевывали призы и награды на заграничных выставках, как прежние богомазы перешли от образов к образам, как они превратили «уголь в алмаз».

Книга «Палех» имела большой успех и переиздавалась еще раз с подзаголовком «Вторая композиция». В эту вторую композицию, наряду со старыми, вошли новые очерки «Под знаком возрождения».

Второе издание книги «Палех» было оформлено палешанином Аристархом Дыдыкиным.

Следующая книга — «Палешане» была задумана и выполнена Ефимом Вихревым по совету А. М. Горького. Она состоит из записей самих палехских художников — Ивана Васильевича Маркичева, Ивана Петровича Вакурова, Ивана Ивановича Голикова, Ивана Васильевича Баканова (соцветия Иванов, — по выражению Е. Вихрева), Николая Михайловича Зиновьева, Аристарха Дыдыкина и других знаменитых палехских художников. Большого труда стоило Ефиму Вихреву обработать эти записи литературно, чтобы сохранить стиль и образность речи каждого. Но он справился с этой задачей, и книга получила горячее одобрение А. М. Горького.

В течение всей своей жизни писатель Вихрев поддерживает с Палехом самую тесную связь. Он помогает палешанам в создании музея, мысль об открытии которого принадлежала А. М. Горькому. Он принимает участие в ходатайстве перед исполкомом областного Совета

о прокладке шоссейной дороги от Шуи до Палеха, заботится о процветании Палехской артели художников.

В декабре 1934 года по совету А. М. Горького Ефим Вихрев организует бригаду московских поэтов и писателей для выпуска специального номера журнала «Наши достижения», посвященного народному искусству. Во время поездки в Палех он тяжело заболел и 5 января 1935 года умер.

Журнал вышел после его смерти. В нем была помещена статья А. М. Горького «Об искусстве», очерки Е. Вихрева «Палех, село-академия» и «Неведомая Хохлома», а также другие материалы о народном искусстве (уральском художественном литье, вологодских кружевницах и др.).

В очерке «Неведомая Хохлома» Е. Вихрев правдиво рассказал о том, как в селе Хохломе создаются расписанные по дереву предметы домашнего обихода. По его определению «Палех и Хохлома — конечные выражения двух соседствующих краев» (коробочки из папье-маше и расписная деревянная чашка).

Известно, что Ефим Федорович очень интересовался искусными изделиями златоустовских мастеров. Он ездил на Урал, был в Златоусте и впечатления от поездки выразил в стихах, которые были напечатаны в одном из журналов того времени.

Но Палех он знал и любил больше всего. Он признавался:

«За гранью Палеха юность. Я готовился к Палеху двенадцать лет. Я искал его всю жизнь, хотя он находился совсем рядом — в тридцати верстах от города Шуи, где я рос и юношествовал. Чтобы найти его, мне потребовалось отмахать тысячи верст, пройти сквозь гул гражданских битв, виснуть на буферах, с винтовкой в руках появляться в квартирах буржуазии. Вместе с моей страной я мчался к будущему... И, пройдя сквозь все испытания юности, на грани ее, я нашел эту чудесную страну тонконогих коней, серебряных облаков, древесной грусти».

Следующая книга Е. Вихрева «Освобождение раба» как бы продолжает собой книгу «Палех». В символическом с одноименным названием сборника рассказе повествуется о том, как бригада коммунистов — Уварыч, Настя и Вихрев — реквизирует имущество у буржуазии в 20-х

годах на Кубани. В одной из раскрытых квартир они видят скульптуру Микель-Анджело «Скованный раб».

«...Поздно ночью мы перевозили на грузовиках имущество,— пишет автор.— Мы увозили «Скованного раба». Он поднимался выше всех вещей. Над ним ревели осенние ветры двадцатого года.

Вокруг его мраморной головы мерцали звезды далеких сфер.

Подвижной моторный пьедестал уносил его в наше грядущее к прекрасному созвездию Геркулеса».

«Грядущее»,— это светлое будущее социализма, искусство освобожденного народа, в которое глубоко верил Е. Вихрев.

Некоторые другие рассказы этого сборника знакомят нас с эпизодами детства писателя. Такова «Повесть о нерадивом ученике». В основу рассказа положены переживания школьника, который написал первое стихотворение.

В другом рассказе этого сборника «Ножницы» перед нами раскрывается трагедия талантливого самоучки Капитона Воробьева, умеющего тонко и художественно вырезать ножницами картинки из бумаги. Известный художник, заинтересовавшись талантом самоучки, составил из его рисунков три больших альбома и хлопотал ему пенсию от государства, но Капитон Воробьев покончил с собой, не дождавшись результатов этих хлопот.

О другом таком загубленном таланте Е. Вихрев поведал нам в рассказе «Бедный гений». Судьба безродного крестьянина Капитона Воробьева и непризнанного поэта Александра Егоровича Балденкова — одинаково трагична. Гибель этих талантливых людей со всей убедительностью подтверждает ленинские слова о народных талантах, которые миллионами мял, душил и давил капитализм.

Для Ефима Вихрева, вышедшего тоже из народа, характерно стремление раскрыть перед читателями всё богатство и глубину талантов, таящихся в толще народных масс.

В последние годы своей жизни Ефим Вихрев написал книгу «Родники». «Это самое лучшее из всего, что написано мной»,— говорил он об этой книге. «Родники» — это рассказы и очерки автобиографического характера. В коротеньких новеллах писатель раскрывает свой внутренний мир, свое восприятие мира, окружающей жизни.

Ефим Вихрев рос творчески, художественное мастерство его всё более и более совершенствовалось.

Для исследователей литературного наследства Ефима Вихрева представляет интерес не только проза писателя, но и стихи. Ефим Федорович откликался поэтическими строками на всякое событие жизни, взволновавшее его.

В стихотворении «Слово» он пишет:

Я рад тому, что родился поэтом,
Что с первых лет я слово оценил.
Стихами я здоровался с рассветом,
Прощался с днем стихами. В песнях жил...
Подрос и понял: пламенное слово —
От человека к человеку — нить.
Всё, что здесь есть прекрасного, живого,
Всё словом спаяно, всё будет словом жить...

На тяжчайшую утрату для всего советского народа — смерть Владимира Ильича Ленина, Ефим Федорович откликнулся глубоко прочувствованным стихотворением «Венок сонетов на дорогую могилу». Оно глубоко по содержанию и интересно по своей форме.

«Венок сонетов» состоит из пятнадцати стихотворений, которые действительно являются «венком», так как последняя строка каждого из них служит началом следующего, а последнее пятнадцатое стихотворение включает в себе все начальные строчки остальных стихов. Вот оно:

Венки в руках натруженных несем,
Сплетенные из лучших иммортелей.
Густым ковром перегрустивших елей
Устелем путь к тебе, Предсовнарком.
Так не грустили больше ни о ком,
Так ни о ком поныне не скорбели.
К твоей могиле — нашей колыбели
Мы поколения с пеньем приведем.
И новые венки на гроб возложат.
Бесценным будет каждый уголок,
Где клекотал бодрящих слов поток,
Слов ленинских, которых нет дороже.
На гроб родной я возлагаю тоже
Свой скромный, свой простой венок.

В других стихах Е. Ф. Вихрев воспевает труд ткачей.

Жизнь Е. Ф. Вихрева оборвалась рано. Много замыслов и планов он не успел осуществить. Но и то, что он нам оставил, дорого советским читателям, так как во всех его произведениях чувствуется большая любовь к жизни, к людям.

Задушевным, веселым и жизнерадостным запомнился писатель-коммунист Ефим Федорович Вихрев всем, кому довелось его знать. Имя его хорошо известно в Ивановской области. В честь его названа одна из улиц города Шуи, где до сих пор живут родители писателя.

В селе Палех стоит скромный памятник над могилой писателя с надписью из пушкинских стихов:

В темной могиле почил художников друг
и советник.

Как бы он обнял тебя, как бы гордился тобой!

В Палехском музее искусств хранится коробочка из папье-маше, которую по просьбе Вихрева на сюжет его стихотворения «Курган» расписал заслуженный деятель искусств Иван Голиков. Создание самого Палехского музея тесно связано с именем писателя Ефима Вихрева, который, по словам его друга поэта Д. Н. Семеновского, «открыл миру село-академию Палех, как некую неизвестную страну»...

Д. СЕМЕНОВСКИЙ

СЕРАФИМ ОГУРЦОВ

В большую прокуренную комнату редакции «Рабочего края» вошел скромно одетый юноша. Теплые карие глаза на круглом лице светились доверчиво и ласково.

Гость оказался начинающим поэтом Серафимом Огурцовым. Он принес стихи. Были они еще не совсем самостоятельны, но яркие, цветисты и определенно талантливы. Стихи Огурцова выгодно выделялись из потока стихов других начинающих авторов, — того потока, который ежедневно приносила в «Рабочий край» почта.

С этого дня Огурцов вступил в содружество поэтов, объединившихся вокруг ивановской газеты. То было в суровую пору гражданской войны, борьбы с разрухой и голодом. Но стихи были нужны, как и всегда. «Рабочий край» печатал их охотно и много. Кроме того, они выходили отдельными сборниками. Непременным участником этих сборников, сотрудником «Рабочего края» стал и Огурцов. Было ему в то время лет пятнадцать.

Серафим Иванович Огурцов родился в 1904 году в г. Суздале. Его родители — выходцы из деревенской бедноты. Первые впечатления детства были нерадостны. Впоследствии поэт писал в стихотворении, посвященном брату Дмитрию:

Сердце твое — не мое ли?
Кровь в наших жилах одна.
Помнишь: о светлой доле
Плакала наша весна?
Помнишь Суздаль зеленый
И монастырскую хмурь?..

В возрасте трех лет мальчик потерял отца. Мать с детьми переехала в Иваново-Вознесенск. Она зарабаты-

вала на жизнь шитьем. Дети приучались «к делу». Маленький Серафим работал в булочной и пакетной мастерской. Потом он стал ходить в городское четырехклассное училище. Писать стихи начал еще будучи школьником. Учитель Н. А. Шапин, которому двенадцатилетний поэт показал свои стихотворные опыты, сразу почувствовал в мальчике незаурядное дарование и стал его первым критиком и советчиком.

Серафим Огурцов рос быстро.

В 1919 году он вступает в комсомол и становится усердным посетителем «Клуба подростков». В реквизированном особняке фабриканта Полушина, где собиралась молодежь ивановских рабочих районов, Серафим с жаром читает свои стихи. Он пишет и ставит на клубной сцене свои пьесы. С. Огурцов — зачинатель и редактор первых в Иванове комсомольских газет «Юный спартак» и «Юный текстильщик». В то же время он хлопочет об издании литературно-художественного журнала «Коробейник». Издает первую книжку стихов. Книжка была тоненькая, стихи по форме еще слабы, но свежи, радостны по своему тону.

Вооруженный опытом газетной работы, Серафим Огурцов в 1922 году переезжает в Москву и работает секретарем комсомольского журнала «Юный коммунист». Поселившись в литературной квартире-коммуне на Воздвиженке, он сблизается с А. Жаровым, А. Безыменским и другими комсомольскими поэтами. Дружба с ними повышает общее развитие Серафима, помогает и его поэтическому росту. Огурцов поступает учиться в организованный Валерием Брюсовым литературный институт. Следует отметить, что Брюсов принял его в институт без экзамена за стихотворение «Базарный день», напечатанное в приложении к «Рабочей газете». Позднее, когда Огурцов жил в Иванове, Валерий Яковлевич через студентов-ивановцев, приезжавших на каникулы в родной город, посылал Серафиму «поклоны». Другие московские писатели, с которыми познакомился Огурцов, тоже почувствовали его богатую одаренность. Стихи поэта начали появляться в столичных журналах.

На лето Серафим приехал в Иваново. Он много пишет. Стараются откликаться стихами на общественные события. Стремится окунуться в самую гущу жизни. Его можно увидеть и на рабочем митинге, и на красноармей-

ском празднике, и на юбилейном чествовании общественного работника. И везде Серафим торопливо набрасывает карандашом только что родившиеся строчки и звонко выкрикивает свои импровизации, свои стихотворные лозунги.

Его голова полна творческих планов.

Он пишет пьесу «Стенька Разин». Хочет поставить ее не в театре, а под голубым весенним небом на реке Уводи. В загородном парке, излюбленном месте отдыха ивановских рабочих, стучат топоры плотников, сооружающих какие-то деревянные башни и скамьи для зрителей. Художник Самыгин, сидящий человек с молодой душой, увлеченный затеей Серафима, готовит декорации. Один из артистов местного театра разучивает монолог Разина. Монолог достоин пера Василия Каменского, да чуть ли и не взят из его поэмы о Разине.

Красочный образ атамана волжской вольницы не раз привлекал внимание художников и писателей. Революция снова вызвала интерес к личности Степана Разина. Некоторые поэты, в том числе и Василий Каменский, пытались сопоставить бунтарско-стихийное восстание Разина с революционными событиями нашего времени. Конечно, это было глубоким заблуждением. Позднее И. В. Сталин в беседе с немецким писателем Э. Людвигом, оценивая значение крестьянских восстаний, сказал: «Отдельные крестьянские восстания даже в том случае, если они не являются такими «разбойными» и неорганизованными, как у Степана Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями».¹ Такого правильного понимания исторической роли Разина не было у поэта Василия Каменского. Не было его и у Серафима Огурцова. Но могло случиться и так, что Огурцов, всматриваясь в образ Степана Разина, в конце концов почувствовал ошибочность своего замысла.

Как бы то ни было, афиши на заборах возвещают о предстоящем спектакле. Но перед спектаклем автор куда-то исчезает. Его ищут и не находят. Для спектакля есть почти всё: Уводь, расписные струги, деревянные

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 13, стр. 112—113.

башни, скамьи. Нехватает лишь одного — пьесы. Ее Серафим так и не закончил. Постановку пришлось отменить.

Этот забавный эпизод живо изображен Ефимом Вихревым в рассказе «Стенька Разин на Уводи».

Чувствовалась в Серафиме большая душевная теплота. Была у него способность быстро и легко сходитьсь с людьми, опрокидывая разделяющие их перегородки. И смотришь — редактор «Рабочего края» Владимир Николаевич Павлов, старый коммунист-краснознаменец, для него уже — «Володя», а рассыльная Варвара Ивановна, женщина пожилая и степенная, без гнева отзывается на огурцовское обращение: «Варечка». И со всеми он — на «ты». И всех оделяет семечками из кармана, папиросами, печеньем из бумажного свертка:

— Бери больше — я аванс получил!..

И стихи и весь человеческий облик Огурцова сделали его имя широко известным. Кажется, Серафима Огурцова знали все: и рабфаковцы, и мальчишки, продавцы семечек, и крестьяне на базаре, и рабочие на фабриках. И когда он выступал со стихами в фабричном клубе, публика требовала:

— Серафим! «Пожарную кишку!»

И поэт читал популярное произведение. В стихотворении изображается деревенское собрание по вопросу о покупке пожарной машины. Собрание бурное. Звонит колокольчик председателя. В прениях участвуют дядя Иван, Митрофан Силин, коммунарка Акулина.

Серафим читал диалог на разные голоса, — то он говорил за Митрофана, то изображал Акулину, — и слушатели шумно одобряли его выступление.

И вот эту солнечную, веселую молодость омрачили тени неизлечимой болезни. Произошло изменение каких-то клеточек мозга, случилось что-то такое, чего нельзя было поправить средствами медицины. Признаки сонной болезни становились заметнее, грознее. Серафим засыпал походя: в редакции, в вагоне, на улице.

Болезнь огорвала Огурцова от учебы, от Москвы.

Поэту начала изменять способность речи, и когда он читал стихи, нередко чтение обрывалось на полуслове. Кажется, Серафим знал, что вылечиться нельзя, но едва ли кто-нибудь слышал от него хоть одну жалобу.

Он мужественно сопротивлялся страшной болезни.

На его лице попрежнему светилась широкая улыбка.

Попрежнему он писал свои ликующе-радостные стихи и злободневные частушки — как Серафим Огурцов и как Херувим Редькин (его псевдоним для сатирических стихов). И даже играл в футбол.

Помню прозрачный осенний день, густосинее небо, желтые березы. По двору, позолоченному теплым солнцем, летает большой черный мяч, со звоном ударяясь о твердую землю и подскакивая кверху. Играют комсомольцы, молодые сотрудники «Рабочего края». Тут же и Серафим. Волоча парализованную ногу, он пытается бегать вместе с другими. Но движения его — связанные, замедленные, словно он борется с невидимым врагом.

В те дни один писатель сказал об Огурцове:

— Замечательна эта его неистребимая жизнестойкость. Другой на месте Серафима ходил бы темный, как ночь, а он весь светится смехом, пишет солнечные стихи...

В газетах печатались стихи и очерки Огурцова, в витринах книжного магазина появлялись его новые сборники. Но болезнь поэта всё усиливалась. Он уже не мог ходить без посторонней помощи. В санаторий в Сочи его повезла мать. Курорт не помог Огурцову. Последние три-четыре года своей жизни поэт уже не выходил из дому.

Но и прикованный болезнью к постели, Серафим Огурцов продолжал работать. В этом он походил на другого писателя-комсомольца, на Николая Островского. Старушка в ситцевом платочке, мать Серафима, приносила в Ивановское отделение Союза советских писателей стихи сына. Крупные буквы неровных карандашных строк говорили о строительстве новой жизни, о радости труда, о Сталине. Но стихи уже не удавались больному поэту. Серафим умер в больнице 3 августа 1934 года.

За его гробом шли писатели, товарищи по газете и комсомолу, рабочие. Был ясный летний день. И в речах, прозвучавших над свежей могилой поэта, говорилось о его дружбе к людям и о его солнечной любви к жизни, запечатлевшейся в стихах.

**
*

В ранней пьесе Серафима Огурцова «Победная песня» изображен уличный музыкант, слепой скрипач Андрейка. Его талантливая музыка звучит горем и

тоской. Она и не могла быть другой: слишком горька была жизнь народа. Старый кузнец Агафон и его помощник Васютка воспринимают музыку слепого скрипача по-разному. Старик восхищается искусством музыканта, на Васютку же его игра наводит уныние:

«— А я не люблю печальных песен,— говорит он: — И что печалиться?... Пожалуй, печалься, что толку-то...

— Ты это правду,— соглашается Агафон:— Но только и без этого нельзя. Кто уныл бывает, а кто весел. Всякому своя песня по душе...»

Но вот начинается революция. Друзья Андрейки, рабочие, идут на баррикады сражаться за новую лучшую долю. Гремят выстрелы, звучат революционные песни — и Андрейкина музыка становится иной. Автор пишет:

«Андрейка берет скрипку и начинает играть, но в песне его скрипки не слышно прежней тоскующей мелодии, новые победные звуки рождает скрипка, звуки, зовущие в высоту, в лучезарные дали, на борьбу».

Песня Андрейки становится победной песней революции.

Пьеса Огурцова была напечатана в 1921 году, когда автору было 17 лет. В образах пьесы молодой поэт выразил свое понимание роли искусства, свой взгляд на задачи поэзии.

Искусство должно быть тесно связано с действительностью, должно расти из нее.

Новое время несет с собой новые песни, не похожие на старые. Поэзия рабочего народа, ставшего хозяином жизни, не может не быть светлой и бодрой, как песня победы.

Победной песней является и творчество Серафима Огурцова. Оно торжествует над тяжелой болезнью поэта. Его стихи звучат оптимизмом, радостью.

Серафим Огурцов влюблен в жизнь, в ее краски, звуки, запахи. Его лирика чужда печали, уныния. Он восклицает:

Я люблю эту жизнь! Так люблю!

Эта жизнь — необъятная радость.

(«Заревые улыбки люблю»)

И повторяет в другом месте:

Люблю я жизни вечное движенье,

Люблю ее стремительный полет.

(«Жизнь»)

Там, где у других — грусть, у Огурцова — радость
жизнеутверждения:

Вижу: осень на березах косит
Золотой и запоздалый лист.
Плачь в полях, тоскующая осень,—
Всё равно я радостью цветист.

(«Осень»)

Он показывает жизнь в расцвете, в раскрытии ее творческих сил. Любимые глаголы Огурцова: «цвести», «зреть», «спеть». Он пишет о том, как «день цветет в хмельном угаре», «зреет ситец цветочным узором», «в сердце зреет радостный огонь», «радость сплет негаснущим светом», «в зеленых далах золотом зрели зори». Его манит всё яркое, нарядное. Поэт описывает катанье на карусели, веселое новоселье, радость деревенской молодайки, которая сшила себе новое платье. Ему нравится изображать праздничные гулянки, когда,

Как мак, цветут, алеют сарафаны,
Горят задором девичьи глаза.

(«Гульбище»)

Даже летний вечер кажется ему захмелевшим парнем с гармоникой:

И бродит пьяный вечер по полянам,
Гармошку солнца вскинув за плечо.

(«Гармонист»)

Но еще больше привлекает поэта тема труда. Она придает его стихам глубину, идейное звучание. Веселый, беззаботный гармонист взрослеет, становится серьезнее.

Сердце С. Огурцова с теми, кто трудится в фабричных корпусах, творя новую жизнь. «Весны цветочной посланница», продавщица цветов, в его стихотворении несет фиалки «из духмянных полей» в город, чтобы продать их «на звонкой панели, у фабричных железных ворот, тем, чьи взоры в поля не смотрели», но кто любит и цветы, и солнце, и весну.

А весна с ее обещаниями и зовами входит и в фабричные корпуса. Солнце, которое «над звонливой каруселью золотом цвело», заглядывает и в окна фабрики. У ткачихи Насти «солнце к станку лучится», а на заводе, где работает комсомолец Гришутка,

Каждая гайка поет
Разливами ленинских песен.

(«Ленинский допризывник»)

И Настя и Гришутка светятся радостью новой жизни. Муж Насти «пал за Коммуну в девятнадцатом году», но у нее растет сын, и Настя чувствует себя крепко связанной с жизнью:

— Эх, ведь в жизни-то
Сколько счастья,
Никакого в ней горя нет,—
Так сказала веселая Настя
В тридцать зеленых лет.

А счастье Настя видит в работе и борьбе за новое. Чтобы работать еще лучше, она вступает в партию («Ткачиха Настя»).

У девятнадцатилетнего Гришутки «глаза весны веселей», потому что

Комсомол и завод
Ему всего милее.

Заводской коллектив принял и воспитал подростка Егора, рано осиротевшего, испытывавшего много горя. Теперь Егор — «ленинский пионер». У него «на шее платок аленький — милый цвет», а «в пазухе солнца кусок» («Егорка — ленинский пионер»).

Новая жизнь молодит и стариков. Старая фабричная работница Авдотья Егорьевна, прожившая трудный век, не хуже молодых чувствует радость «великих перемен:

Такая простая. Платочек ситцевый.
В глазах — незабудковый цвет.
Но юностью, юностью литься ей
На склоне седых лет.

Сравнивая свое тяжелое прошлое с радостным настоящим, Авдотья Егорьевна говорит:

Вспомнишь только —
Слезы,
Жуть.
А теперь-то, теперь-то,
Родные,
Не о чем мне тужить.
Хочется, милые, ноне мне
По-новому жить.
Думать о новом
Не поздно ведь,

Хоть и много
На плечах
Лет,—
Жисть-то ведь — соки медовые,
Жисть-то — маковый цвет.

Поэт прибавляет:

О чем ей плакать,
О чем грустить,
Если новое
Солнцем спеет?
Знаю:
На ее пути
Иная жизнь голубеет.

Только один раз пришлось заплакать старой работнице: в день, когда она узнала о смерти В. И. Ленина:

Помер, помер, болезный радетель,
Лучше б нас в могилу, седых!..

Ленин для нее — самый близкий, самый дорогой человек:

Говорила Авдотья Егорьевна:
— Ильича-то! Не знать-то как?
Раз рассеял он горькое горе мне,
Мрак.
Человек был — просто золото,
Каждое сердце умел согреть,—
Как же, как же такого-то
Мне
Не жалеть!

Авдотья Егорьевна заявляет: «Хочу коммунисткой быть!».

Собрание единогласно принимает ее в партию («Авдотья Егорьевна»).

Серафим Огурцов умеет почувствовать и тепло передать переживания работницы, которую фабрика посылает на курорт. Несмотря на отдельные недостатки, стихотворение «Весна в корпусах» у Огурцова — одно из лучших.

Приводим его с некоторыми сокращениями:

Я сегодня заметил тайком,
Что в глазах у ткачихи написано:
Загрустила она за станком
О приморской весне кипарисовой.
Черноморский ей грезится путь,

Стал ей корпус взволнованный тесен.
Надрывается Марьяна грудь
Под машинные всполохи песен...
Будет отдых в краю голубом,
Где цветные горят побережья,
Где звенят кипарисовым днем
Сбереженные в сердце надежды.
Я сегодня заметил тайком
То, что в сердце ткачихи написано:
Вспоминает она за станком
О приморской весне кипарисовой...
Улыбается ярко она
И кричит в гул машинный соседу:
— Наступает и наша весна!
На курорт я весной поеду! —
Марья, Марья, понятно ль тебе:
Всё твое — и дворцы и палаты,
Всё, что добыто в трудной борьбе,
Что руками победными взято!

Поэт работает над стихами о молодом ивановском ткаче-китайце Ли, который нашел в Советской стране вторую родину. Ли всем сердцем принял учение Ленина. Он знает, что

Неумным ветром революций
Нынче взвихрен солнечный Китай...

И рвется принять участие в освобождении китайского народа от гнета эксплуататоров и поработителей.

Стихотворение Огурцова «Ли» относится к первым песням советских поэтов о революционном, пробуждающемся Китае. Через всё стихотворение проходит мысль о братстве двух великих народов — советского и китайского. Эта мысль выражена поэтически. И над Советской страной и над Китаем сияет одно и то же солнце, китайский народ стремится к тому же свету, который озаряет и нашу Родину.

На небо, солнцем налитое,
Смотрел темноволосый Ли.
Я видел: радостной мечтою
Глаза китайца зацвели.

Ли говорит поэту:

— Ты знаешь, знойному Китаю
Ведь то же солнце шлет лучи.

...В моей стране под звон оков
Тому же солнцу плещут руки!

(«Ли»)

Огурцов поет о борьбе нового со старым, отживающим, воспевает родной комсомол.

В стихотворении «Мать и сын» он рисует разлад между несознательной старушкой-матерью и сыном-комсомольцем. Старушка никак не может понять, что это случилось с ее Мишуткой:

Всё-то книжки, ячейки какие-то,
Всё-то думы о том да о сём.
— Жисть — грит — старая в пух разбита,
Мы — грит — новую жизнь несем.

Свое озлобление против старого мира Мишутка переносит даже на домашний самовар, как на символ мещанской застойной жизни. И когда старушка спрашивает сына, вернувшегося ночью с комсомольского собрания:

Самоварчик, родной, не взогреть ли? —

он сурово отвечает:

Матка, матка! Не чаем сыт.
Самовар — это новому петля,
Самовар — это старый быт...
Ты пред спасом сгибаешь колени,
А я новым, новым расцвел.
Мне отец —
Ленин,
Мать —
Комсомол!

В стихотворении «Братан», обращаясь к брату — комсомольцу Дмитрию, поэт говорит о счастье быть комсомольцем, расцветать под солнцем обновленной жизни, учиться:

Жизнь твоя солнцем дышит,
С ней ты слился и расцвел...
Юностью сердце зреет,
В думах родной рабфак,
А на груди алеет
ҚИМ-а веселый знак.

Стихи Огурцова далеко неравноценны. В них отразились влияния других поэтов, отразились некоторые, не-

критически принятые, ложные литературные теории, теперь отжившие и забытые, но когда-то сбивавшие с толку молодых поэтов. Были теории, провозглашавшие во имя новаторства ломку языка, придумывание новых слов и т. д.

Немало таких искусственных слов и в стихах Огурцова: «цвель», «цветень», «весень», «березный», «звонливый», «певный», «утровый» и т. п.

Попадают целые фразы, которые нужно разгадывать, как ребусы. Трудно понять что-нибудь из таких, например, строк:

Ночь голубая пенит
Бельмами звезд — горит...

Дешевым оригинальничаньем отзывается двустипие:

И цветет огонь гармоник
В тишь кудлатого села.

Такие строки, а их немало, портят даже лучшие стихи Огурцова.

С другой стороны, его стихам присуща яркая живописность, в них есть движение, динамика, порой рассыпаны блёстки юмора, мелькают неожиданные сравнения, свежие рифмы. Поэт любит народные песни и удачно вводит их в свои стихи.

Если в первом сборнике Серафима Огурцова «Крылья зорь» слышны отзвуки стихов Бальмонта и других поэтов, то в дальнейшем он становится самостоятельнее. Потребность говорить по-новому, по-своему вызывалась тем, что стихи Огурцова теперь шли не от литературных образцов, а от жизни, от личного опыта, от непосредственных впечатлений. Поэта вдохновляет такая тема, как постройка самолета имени Фрунзе, и он пишет стихотворение «Стальной памятник». Стихотворением «Десять» он откликается на выпуск Ивановским Политехническим институтом первых десяти инженеров. Когда после смерти В. И. Ленина началось массовое вступление трудящихся в партию, был издан сборник стихов С. Огурцова «Ленинский призыв».

Болезнь не позволила Огурцову создать что-нибудь значительное. Его литературное наследие невелико. Кроме уже упоминавшегося драматического этюда в двух действиях «Победная песня» (Иваново-Вознесенское губернское отделение Госиздата, 1921), при жизни поэта

были изданы следующие сборники стихов: «Крылья зорь» (издание автора, Иваново-Вознесенск, 1922), «Ленинский призыв» (изд. «Основа», Иваново-Вознесенск, 1924), «Обнова» (изд. «Основа», Иваново-Вознесенск, 1926), «Весна в корпусах», «Карусель» (в последний сборник вошли также стихи А. Жарова). Стихотворения С. Огурцова «Авдотья Егорьевна» и «Весна в корпусах» перепечатаны в литературно-художественном сборнике «30 лет» (Ивгиз, 1947). Злободневные и шуточные стихотворения Огурцова рассыпаны по страницам газет и журналов.

В газете «Рабочий край» (1928 год) Огурцов напечатал несколько очерков под заглавием «Рассказы дедушки Софрона об ивановской старине».

Прошлое Ивановского края не раз привлекало внимание поэта. Ему хотелось написать роман о революционных событиях 1905 года в Иваново-Вознесенске. Этот замысел не осуществился.

В списке книг С. Огурцова, помещенном на обложке сборника «Крылья зорь», названа четырехактная драма для деревенского театра «Разбитый талант» (с пометкой: «готовится»), но судьба этого произведения неизвестна.

Серафим Огурцов оставил прочную и хорошую память о себе как человек и как поэт-комсомолец. Он был одним из первых поэтов, начавших разрабатывать тему комсомола, выражая в стихах благородные стремления и чувства передовой советской молодежи. Он отлично понимал организующую силу художественного слова и своими жизнеутверждающими стихами участвовал в великом созидательном труде советского народа.

Л. КУДРИН

ПОЭТ-ВОИН

Тебя я знаю: жизнь свою
Врагу ты дешево не отдал.
Товарищам пример ты подал,
Как нужно умирать в бою.

Вряд ли думал поэт о том, что эти строки станут автобиографическими. В 1942 году, когда он работал над поэмой-пьесой «Партизанка Таня», эти стихи он посвятил своему старшему брату, погибшему на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками.

Ивановские писатели хорошо помнят своего собрата по перу, поэта Владимира Кудрина — увлекающегося, порывистого, страстного. Тяжело сознавать, что он безвременно ушел из жизни, полный сил и горячих творческих стремлений.

Владимир Яковлевич Кудрин родился в 1908 году в селе Тезине, Вичугского района, Ивановской области, в семье фабричного служащего.

Детство мальчика было нелегким. Когда ему минуло десять лет, наша семья поселилась на родине отца — в селе Парском, Родниковского района, и здесь, в тяжелые годы гражданской войны, пришлось немало перенести лишений. Наряду с этим, живописная сельская обстановка, труд на полях и увлекательные игры с крестьянскими детьми — всё это пробуждало любовь к природе и к товарищам — спутникам детства.

Володя с детских лет отличался склонностью к мечтательности. Образы героев русских народных сказок и былин волновали мальчика, возбуждая его воображение. Часто среди своих сверстников он пересказывал сказки, обогащая их новыми подробностями, повинуюсь полёту своей фантазии.

Мальчик часами просиживал на высоком берегу реки Парши, любуясь её широким омутом и красивым отражением старой мельницы, утопающей в густых зарослях ивняка. Он любил, выйдя в поле, лечь на душистую кашку клевера и подолгу смотреть в синее, бездонное небо, наблюдая, как меняются причудливые очертания облаков. Высоко-высоко в небесной синеве с клёкотом проплывает треугольник журавлей, и Володя мысленно летит с ними. Внизу мелькают поля, леса, города, селенья, горы, озера, реки, моря бескрайной, необъятной, прекрасной земли — такой, какую рисовал он в своём воображении, слушая в классе увлекательные рассказы старого учителя сельской школы.

В тихом селе, среди полей и лесов в душе впечатлительного мальчика впервые проснулось непреодолимое желание увидеть мир во всём его многообразии и начали слагаться первые робкие поэтические строки, возникнуть первые неясные образы.

Весной 1923 года наша семья переехала на жительство в город Иваново, и здесь постепенно развился и окреп голос поэта. Первые лирические стихи и романтические поэмы, написанные Владимиром Кудриным, относятся к 1927 году.

В то время особенно велика была тяга к поэзии молодежи из рабочих и крестьянских масс, которой советская власть предоставила широчайшие возможности приобщения к культуре. Всюду создавались творческие кружки, где обсуждались произведения молодых начинающих авторов. При редакции местной газеты «Рабочий край» были организованы литературные кружки «Атака» и «Встречи», на собраниях которых всегда можно было увидеть Владимира Кудрина и его друзей.

Эти кружки сыграли большую роль в литературном развитии и поэтическом росте юноши. Он прошел путь от увлечения символической поэзией Блока и Брюсова до революционной романтики Горького и боевых стихов Маяковского. Вместе с тем Владимир с огромным интересом читал непревзойдённые образцы эпоса, какими являются «Илиада» и «Одиссея» Гомера, «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели и «Песнь о Гайавате» Лонгфелло.

Не забывал он и современных поэтов, следил за новинками, был в курсе основных литературных вопросов.

На собраниях литературных кружков Кудрин сблизился с ивановскими писателями, что также способствовало формированию его, как поэта. От лирики юношеских лет молодой поэт начал переходить к стихам на общественно-политические темы. Всё чаще в его творчестве звучали общественные мотивы, всё резче намечался отход от индивидуалистических настроений.

Первые его стихи появились в печати в начале 30-х годов. Тогда можно было встретить имя никому неизвестного поэта на страницах местных газет и в издававшемся при областном отделении Союза советских писателей литературно-художественном журнале «Звено». Позднее он регулярно печатался в «Ивановском альманахе».

Закончив в 1928 году среднюю школу, Владимир, в связи с неожиданной смертью отца, вынужден был поступить на работу. Только в 1937 году ему удалось продолжить учебу. Наконец-то сбылась его заветная мечта — он поступил на литературный факультет Ивановского педагогического института и весь отдался учебе.

Товарищи по институту знали Владимира как одного из лучших студентов. Он любил живое, острое слово, а его ответы на экзаменах восхищали профессоров и преподавателей. Часто на лекциях по литературе, когда подводился итог творчества того или иного писателя, студенты просили Кудрина прочесть стихи, зная, что он писал о Пушкине, Лермонтове, Маяковском. И Владимир, взойдя на кафедру, вдохновенно читал, всё более разгораясь. Перед слушателями проходили подлые, ничтожные убийцы Пушкина, и особенно величественным становился светлый облик гениального поэта, чьё поэтическое слово звучит на языках всех народов нашей великой Родины:

...Далек тот день,
Когда тунгус был диким,
Когда в степях
Бесправен был калмык,—
Растет страна
В содружестве великом,
И знает Пушкина
«Всяк сущий в ней язык»

Особенно врезались в память его стихи о В. В. Маяковском. Когда он читал их, перед нами ясно вырисовывалась могучая фигура поэта-революционера, идейного борца за новую прекрасную жизнь.

Гранит на гранит
Громоздя слова,
Уступами строк
Поднимаясь на кручи,
Он высоко
Маяком вставал,
В нашей поэзии —
Самый лучший.
...Поэт ненавидел
Елейный покой,
Рифмой хлестал
По душонкам куриным.
Каждой кровинкой,
Каждой строкой
Был он
Советской земли
Гражданином,
А сердце какое
Имел поэт!
Сердце такое
Стучит веками!
Он в ногу шагал
По дороге лет
С Лениным,
Сталиным,
С большевиками.

Владимир Кудрин известен как автор ряда стихов на детские темы. Еще в 1935 году в журнале «Звено» появились его стихи «Трамвай», рассказывавшие о строительстве трамвая в родном городе, а позднее, вместе со своим другом поэтом Михаилом Дудиным, он работал над детской книжкой «Весёлый двор», которая была издана в 1940 году.

Шли годы. Учёба в институте подходила к концу. В перспективе была жизнь, наполненная творчеством. Много замыслов лелеял поэт, мечтая осуществить их. Но неожиданно грянула война.

В воскресенье 22 июня 1941 года у Кудрина собрались друзья. Накануне был успешно сдан очередной экзамен. Осталось сдать две дисциплины и получить диплом. Был яркий, безмятежный летний день. Молодые люди шутили, смеялись, вспоминая детали вчерашнего экзамена, и собирались приняться за подготовку к следующему.

И вдруг по радио на весь мир прозвучал голос Вячеслава Михайловича Молотова: «Граждане и граждане Советского Союза! Сегодня, в 4 часа утра... без объявления войны, германские войска напали на нашу страну...»

Молодые люди стояли у репродуктора в каком-то оцепенении. Каждому было ясно, что отныне он принадлежит не себе, а Отчизне, народу, что у всех советских людей теперь может быть только одна цель — защита Родины от смертельного врага. Молча, сосредоточенно слушали они речь товарища Молотова. Мысленно рисовались ужасные картины разрушений, невероятных лишений и трудностей, связанных с войной.

Но по мере того, как всё твёрже и твёрже звучал голос по радио, вырастала уверенность в грядущей победе над тёмными силами фашизма. «Наше дело правое. Враг будет разбит! Победа будет за нами!» — отчеканивая каждое слово, пророчески закончил свою речь товарищ Молотов.

Война всколыхнула всю страну. Люди стали работать упорнее, настойчивее, отдавая все свои силы на оборону. Поднялась невиданная волна патриотизма советских людей, безграничной любви к социалистическому отечеству и жгучей ненависти к наглым захватчикам, посягнувшим на нашу честь и свободу.

Поэзия Кудрина обогатилась новым содержанием — темами страстного призыва к борьбе, глубокой веры в торжество нашего правого дела. Уже в первые дни войны он пишет стихи «Победная песня», которые были опубликованы в газете «Рабочий край». В них были выражены пламенное чувство патриотизма и твёрдая уверенность в том, что коварный враг будет сметён могучей волной народного гнева:

Над родиной, в небе высоком,
На запад летит самолет,

И юноша — сталинский сокол —
Победную песню поет:

Припев: Поднимем над родиной
Красное знамя,
Рожденное в пламени битв.
За правое дело!
Победа за нами!
Враг будет разбит!

Уходят тяжелые танки
Сражаться на вражьей земле.
Летят боевые тачанки,
И песня несется во мгле.

(Припев)

Буравят Балтийские воды
Винты боевых кораблей.
Победная песня свободы
Гремит всё сильнее и сильнее.

(Припев)

С гигантов-заводов и пашен
Идет в ополчение народ,
И силу несметную нашу
Стальной воевода ведет.

(Припев)

Поднимем над родиной
Красное знамя,
Рожденное в пламени битв.
За правое дело!
Победа за нами!
Враг будет разбит!

Двое братьев поэта и многие друзья с первых дней войны встали в ряды защитников Родины. Владимир тоже рвался на фронт, несколько раз подавал заявления в райвоенкомат, настаивая на том, чтобы его немедленно направили в Действующую армию.

— Придёт время — поедете, — ответили в военкомате. — А пока работайте. Сейчас и в тылу люди нужны.

И Владимир работал не покладая рук. Он написал много стихов на военные темы, а в 1942 году задумал создать пьесу в стихах о юной партизанке Зое Космодемьянской. Героический образ простой советской девушки-комсомолки, показавшей всему миру, на что способен русский человек ради спасения своей Отчизны,

глубоко волновал поэта. С жаром взялся он за эту тему: перечитал всё, что было написано о Зое, послал письмо матери героини в Москву, откуда получил подробную характеристику девушки, и только после этого приступил к работе.

Полгода писал Кудрин поэму-пьесу «Партизанка Таня». Всю свою любовь к героине-комсомолке, к родной стране, к великому русскому народу, всё свое мастерство вложил он в это произведение. Недаром на областном литературном конкурсе эта пьеса была тогда удостоена премии. Мать героини, которой Владимир послал экземпляр пьесы, ответила теплым письмом, выражая свое восхищение и искреннюю благодарность автору. Она подчеркнула, что поэтом очень верно уловлены основные черты характера Зои и правдиво раскрыт ее образ, что пьеса оставляет сильное, волнующее впечатление.

В сентябре 1942 года сбывается мечта Кудрина: в составе редакции он едет на Сталинградский фронт. Там в дни грозных, несмолкающих битв отчетливо звучал голос поэта. В ряде фронтовых газет появлялись его стихи — призывные, полные любви к героическим защитникам Сталинграда и гневные, бичующие — направленные против врага. Тогда, вдохновляя бойцов на защиту родной земли, он страстно призывал их к стойкости:

Города и станицы в огне,
В наши села врывается враг.
Как расскажешь об этом жене,
Если ты отступил хоть на шаг?
Дома сын твой иль маленький брат
Выйдут встретить тебя за овраг...
Как ты выдержишь взгляды ребят,
Если ты отступил хоть на шаг?
Ну, а нет ни жены, ни детей,
Значит, где-то любимый очаг...
Как ответишь невесте своей,
Если ты отступил хоть на шаг?
Ты вернешься в родные края,
Но позора не смоешь никак...
И согнет тебя совесть твоя,
Если ты отступил хоть на шаг.
Немец топчет сады и поля,

В злобе черной беснуется гад,
Пахнет кровью родная земля...
Друг мой! Брат мой! Ни шагу назад!
В этот час на тебя и меня
Наши семьи с надеждой глядят.
Нам ли в битвах страшиться огня! —
Друг мой! Брат мой! Ни шагу назад!
Твердо стой за отчизну свою,
Отомсти же за дом свой и сад!
Если надо, умрем мы в бою...
Друг мой! Брат мой! Ни шагу назад!

Но вот наступил великий перелом. Наши войска разгромили окруженную под Сталинградом группировку противника и погнали его на запад. В боях на Дону и на Миусе советские бойцы были свидетелями зверств фашистских банд. Гитлеровские головорезы жгли селения, грабили, насиловали, резали советских людей, издевались над безоружным мирным населением.

Советский офицер, коммунист, поэт ненавидел фашистов, посягнувших на честь, свободу и независимость нашего народа, и обрушил на них всю силу своего поэтического таланта. В каждом номере армейской газеты появлялись его едкие, бичующие врага сатирические стихи под псевдонимом Фома Протиркин, которые особенно любили солдаты. На тексты Кудрина фронтовые друзья-композиторы писали музыку; боевые марши «Путь к победе» и «Марш бойцов-мариупольцев» знали все в дивизии, где он служил.

Поэт твердо верил в победу. В суровые дни фронтовых испытаний он не падал духом, и его стихи дышали оптимизмом; даже там, на передовой линии фронта, он чувствовал, что за ним лежит светлый мир, который не омрачится больше ужасами войны. Ночью, сидя в землянке, поэт заносил свои мысли в записную книжку:

Мне часто день казался слишком серым,
Когда я писем ждал издавека...
Как только засыпали офицеры,
Садился я при свете камелька...
Мой взгляд скользил по краю тусклой банки,
От света в тень и дальше — за порог...
И тесный мир моей сырой землянки
Вдруг становился светел и широк.

Весна 1944 года наступила внезапно. Войска 1-го

Украинского фронта, в составе которых был Кудрин, освободив древний Киев, быстро продвигались на запад, очищая от врага правобережную Украину. Было ясно — фашистский зверь смертельно ранен. Советский народ с радостью следил за успешным продвижением своих героических сынов, и Владимир Кудрин в этом наступательном порыве видел воскрешение милой сердцу Отчизны:

Бурые пятна в снегу, быстро тающем.
Звезды проталин. Потоки весенние...
В этом стремлении, всё нарастающем,
Родина, вижу твое воскрешение!

Он видел, что с каждым днем, с каждым шагом на запад приближается радостный день долгожданной победы и возвращения к семье, к мирному труду, к творчеству на благо расцветающей Родины. Сильным чувством проникнуты его стихи, посвященные жене:

В эту темную ночь
Я на запад иду у границы.
И чем дальше пройду,
Тем всё ближе и ближе к тебе...
Ты, наверно, не спишь,
И слезинка дрожит на ресницах:
Всё тревожишься ты
О солдатской тяжелой судьбе.
Не грусти и не плачь!
Я дорогу найду с автоматом,
А немножко спустя,
Поднимусь на родное крыльцо...
Ты увидишь тогда
Опаленного в битвах солдата,
И потоками слез
Обольется от счастья лицо.

Но этому не суждено было сбыться...

24 марта 1944 года в селе Мигалевцы, Винницкой области, отбивая яростные контратаки противника, корреспондент дивизионной газеты, лейтенант Владимир Кудрин пал смертью героя. Он отстреливался до тех пор, пока вражеская пуля не сразила его и не перестало биться сердце офицера и коммуниста.

...В середине села, в саду, на берегу широкого светлого пруда, под густым развесистым деревом насыпан

невысокий холм. Здесь покоится прах поэта-воина, с честью выполнившего свой долг перед горячо любимой Родиной. Он сознавал всё величие подвига, совершаемого советскими героями на поле брани. Патриотическим пафосом, высокой гражданственностью насыщены строки, написанные поэтом незадолго до смерти:

...О наших сраженьях
Припомнят потомки,
И гордо блеснут их глаза.
И скажут потомки:
«За правое дело
Умели они умереть!»
Ведь русская слава
Веками гремела,
И вечно той славе греметь!

Поэтическое наследие Владимира Кудрина невелико. Его лучшие произведения были собраны родными, и уже после смерти поэта, в 1946 году, увидел свет небольшой сборник под скромным названием «Стихи», выпущенный Ивановским областным издательством. Два его раздела — «Лирика» и «Дорогами великого наступления» раскрывают облик автора как человека с большим сердцем и сильными чувствами.

В одном из своих последних стихов поэт писал:

Бесследно я из жизни не уйду:
Я в чутком сердце отзвуки найду.

Прочувствованные, искренние стихи Владимира Кудрина несомненно найдут отклик в сердце каждого советского человека, которому попадет в руки небольшой сборник безвременно погибшего поэта.

Г. ГОРБУНОВ

ТАЛАНТЛИВЫЙ ПЕВЕЦ МОРЯ

Переживи внезапный холод,
Полгода замуж не спеши,
А я останусь вечно молод
Там, в тайниках твоей души.
А если сын родится скоро,
Ему одна стезя и цель,
Ему одна дорога — море,
Моя могила и купель.

Алексей Лебедев

В тяжелую годину Великой Отечественной войны, когда кровавый фашистский сапог топтал советскую землю, когда бронированные полчища врага рвались к Москве, блокировали Ленинград, — в самоотверженной схватке с оккупантами погиб смертью храбрых наш поэт-земляк Алексей Лебедев. Он — штурман подводной лодки — погиб в ответственной операции, защищая морские подступы к городу Ленина.

В предисловии к книге стихов А. Лебедева «Морская сила», изданном в 1945 году Ивановским областным государственным издательством, один из выдающихся поэтов нашей страны Николай Тихонов писал:

«Мне странно думать, что нет больше веселого, крепкого, краснощекого лейтенанта Алексея Лебедева, что он никогда больше не войдет в комнату с трубкой в зубах, не щелкнет с морской лихостью каблуками и не будет со сдержанной страстностью говорить о стихах...

Он любил море. Он ушел от нас в море, и море не возвратило его. Нам осталась только память о нем, память о талантливом поэте, сказавшем только первое

свое слово, память о верном товарище и прекрасном бойце, преданном сыне Родины... До слез жаль его!».

Алексей Лебедев страстно любил жизнь, радовался созидательному труду, и во имя жизни и созидательного труда советских людей он отдал свою жизнь, защищая честь и независимость нашей великой державы.

Алексей Алексеевич Лебедев родился в 1912 году, в городе Суздале, в семье служащего. Его детство и юность прошли на Волге, в Костроме, где он учился в средней школе. Лебедев рос физически крепким человеком. Он был пытливым и любознательным, зачитывался книгами, интересуясь то математикой, то физикой, то художественной литературой. В нем гармонично сочетались жажда к знаниям и стремление к физическому развитию. Он подолгу сидел на высоком берегу Волги, пристально всматриваясь в приближающиеся пароходы, или спускался к реке и тренировался в плавании. Еще мальчиком Алексей строил затейливые кораблики и пускал их по лужам, а вскоре он всерьез начал совершенствовать технику плавания, готовясь стать моряком.

В 1927 году семья Лебедевых переехала в Иваново. Здесь Алексей продолжал свое образование. Автору, этой статьи довелось учиться вместе с Лебедевым в средней школе в течение нескольких лет, а позднее встречаться или переписываться с ним. В памяти навсегда сохранился образ этого обаятельного человека.

Есть люди, которые в своем общении с окружающими не стараются блеснуть остротами, не торопятся высказать свое мнение, не красны речами, а именно их-то и хочется слушать, быть ближе с ними и делиться своими переживаниями. К таким людям и принадлежал Алексей Лебедев.

Когда в школе организовался литературный кружок и с десяток начинающих поэтов и прозаиков стали еженедельно после уроков собираться и спорить по поводу только что написанных рукописей, Алексей Лебедев, каждый раз посещавший этот кружок, как правило, не выступал с пространной критикой, а лишь ограничивался отдельными репликами или краткими замечаниями. Но эти реплики и замечания были продуманы, убед-

тельны и нередко поворачивали ход споров совсем в другом направлении.

Речь Лебедева была отрывисто-четкая, он говорил просто и держался просто, и всё это — его речь, его коренастая фигура, дышащая здоровьем, возбуждали в нас большие симпатии к товарищу, мечтавшему стать моряком. Мы не знали тогда, пишет он стихи или нет. Мы принимали его в кружке как человека, только интересующегося литературой. Но прошли года — и он стал поэтом.

Мы не могли не чувствовать, как тонко и глубоко А. Лебедев понимает литературу. Однако в те годы нам было хорошо известно одно самое страстное желание А. Лебедева — быть моряком. Эту страсть он не скрывал, наоборот, больше всего в кругу друзей говорил о море. Он ходил в различные организации и настойчиво добивался, чтобы его послали учиться в Военно-морское училище.

После окончания девяти классов средней школы А. Лебедев поступил учиться в Ивановский строительный техникум. Будучи комсомольцем, он проявил здесь себя хорошим общественником, имел незаурядные успехи в учебе. Но мечта о поступлении в морское училище становилась всё более сильной, и в 1933 году он с нескрываемым чувством радости едет в Ленинград и поступает курсантом в Военно-морское ордена Ленина Краснознаменное училище имени Фрунзе.

В училище он приехал с блестящей характеристикой, выданной ему комсомольской организацией строительного техникума. В характеристике, в частности, говорилось, что А. Лебедев работал секретарем комсомольской ячейки, заведовал агитационно-массовым сектором многотиражной газеты, руководил кружком по марксистско-ленинскому образованию, выступал с лекциями в деревне. В заключение характеристики говорилось: «Бюро комитета ВЛКСМ отмечает, что тов. Лебедев всегда добросовестно и по-большевистски относился к общественной работе, являлся премированным ударником по учебе, и рекомендует его в Военно-морскую школу, как одного из наиболее выдержанных, политически стойких и проверенных на общественной работе комсомольцев».

Настойчиво овладевая науками, А. Лебедев принимает деятельное участие в печатной газете Военно-мор-

ского училища — «Фрунзовец», являясь членом ее редакционной коллегии. Он организует при газете литературный кружок, печатает свои стихи, воспевающие море и зовущие советских моряков к высокому мастерству, бдительности и к повышению идейно-политического уровня знаний.

Чем больше А. Лебедев входил в самую гущу жизни моряков, тем сильнее кристаллизовался его поэтический талант, тем ярче обнаруживалось его литературное дарование. Тема моря целиком захватывает поэта. Раньше он лишь пламенно мечтал о флоте, теперь, став моряком, он говорит:

Превыше мелочных забот,
Над горестями небольшими
Встает немеркнувшее имя,
В котором жизнь и сердце,—

ФЛОТ!

Поэт выделяет слово «флот», ибо для него — это не просто декларация. Газета «Фрунзовец» охотно предоставляет свои страницы талантливым стихам А. Лебедева.

Поэт-моряк — он одним из первых подал рапорт о добровольном участии в Действующем флоте. Возвратившись в Военно-морское училище, он в новогоднем номере (1940 год) газеты «Фрунзовец» опубликовал стихи под общим заголовком «Миноносец «Ленин», в которых рассказывал о своем участии в финской кампании. В этом же номере газеты была опубликована статья «Наш поэт». Ее подписали четыре курсанта училища.

«Перед Лебедевым,— писали они,— большая поэтическая дорога, и мы гордимся тем, что расцвет творчества курсанта Алексея Лебедева начался в стенах нашего училища.

В наступающем 1940 году мы желаем нашему другу по оружию еще более совершенствоваться как в искусстве овладения боевым оружием и революционной теорией, так и высотами поэзии, славящей нашу Родину...»

Кроме стихов, в номере «Фрунзовца» было опубликовано выступление А. Лебедева — «Заветная мечта», в котором поэт заявил:

«В 1940 году я рассчитываю, прежде всего, окончить училище с возможно лучшими показателями в учебно-

боевой и политической подготовке и стать лейтенантом Красного Флота. По линии творческой — выпустить вторую книжку стихов — «Лирика моря»... Собираюсь написать задуманную мною поэму «Флагман»...

Основная тема в моей жизни и моего творчества та же, что и у сотен моих товарищей: владеть вверенным нам оружием, быть беззаветно преданным партии и с именем Сталина громить врага везде, где прикажет Родина».

Из Военно-морского училища имени Фрунзе А. Лебедев вышел командиром рулевого управления подводной лодки. Не прошло и года с тех пор, как он окончил училище, — грянула невиданная в истории человечества вторая мировая война. Гитлеровские орды внезапно напали на советскую страну, мобилизовав для этого технику ограбленных ими европейских государств.

С первых дней Великой Отечественной войны А. Лебедев стал штурманом подводной лодки. В те грозные дни, улучив свободную минуту, он продолжал писать стихи, призывающие к защите социалистической Родины. Жгучей ненавистью к врагам дышат и строчки его писем, которые он присылал в родной город Иваново матери, товарищам юности. Он выражал в них несокрушимую веру в победу советского народа, заверял, что ради этой победы не пожалеет своей жизни.

Вот несколько выдержек из его писем к матери, характеризующих настроения и переживания поэта, когда он вышел в море штурманом подводной лодки защищать великий город Ленина. Горячо любя этот город, он писал матери 23 августа 1941 года следующее:

«Город так прекрасен, что к нему чувствуешь любовь, как к живому человеку; не отдадим Ленинград этой сволочи, мама, не отдадим ни за что. И сколько раз я вспоминал эти слова: «А о Петре ведайте, не дорога ему жизнь, была бы счастлива Россия». И будет по сему, моя мама.

Пусть с рекою крови лучших сыновей и моя капля в общем потоке, но победим мы!»

Отправляясь в очередной поход на подводной лодке 29 сентября 1941 года, поэт-моряк писал матери:

«Милая мама, друг мой любезный, как мне тяжело идти сейчас туда, где кровь и огонь, но это надо сделать, чтобы добиться победы и права на жизнь».

Какие замечательные строчки! А. Лебедев прекрасно сознавал, что Великая Отечественная война шла ради спасения свободы и независимости величайшей страны мира, народы которой никогда и ни при каких условиях не откажутся от своего, добытого кровью, права строить коммунизм. А. Лебедев глубоко понимал то, что «бой идет не ради славы — ради жизни на земле», что только самоотверженная борьба с фашистами вернет родине счастье мирного труда.

В своих последних письмах к матери, характеризующих А. Лебедева как чуткого и любящего сына, он говорил о неизбежном разгроме гитлеровских бандитов. Он с горечью и болью писал о том, как враги разрушают плоды созидательного труда, памятники многовековой культуры нашего народа.

В одном из своих последних писем, 29 октября 1941 года, он писал:

«Дорогая и милая моя мама!

Когда ты получишь это письмо, я буду далеко в море. Уходим далеко и не смущайся, если даже до половины декабря не будешь иметь обо мне известий. Не закрываю глаза на то, что поход серьезный и не лишен опасностей, но надеюсь, что всё будет в порядке.

Дописываю это письмо во время очередной воздушной тревоги, дней пять-шесть налетов не было, а сейчас гады опять летают и бомбят. Вглядываюсь в город, особо прекрасный в своей трагической красоте; сейчас в милую осеннюю пору особенно чувствуешь, как хороша жизнь, как кратковременна она, как бессмысленно уничтожение на войне всего лучшего, что вырастило и сделало человечество.

И вместе с тем выход только один: драться, драться и драться, только огнем, только сталью, только тремя жизнями за жизнь можно сломить орды этой дегенеративной и безумной жестокой сволочи, идущей на нас. На этом стою. Не говорю «прощай», светлая моя мама, сто раз целую милые твои руки, серебряные волосы, глаза и губы.

Ничто еще не потеряно, если надежды не покидают сердца и руки держат оружие».

В то же время он говорил в своих стихах о готовности отдать свою жизнь за счастье и свободу Родины:

И если пенные объятья
Нас захлестнут в урочный час
И ты в конверте за печатью
Получишь весточку о нас,—
Не плачь, мы жили жизнью смелой,
Умели храбро воевать.
Ты на штабной бумаге белой
Об этом можешь прочитать.

Из последнего письма к матери, посланного накануне своей гибели, видно, что А. Лебедев ни на одно мгновение не сожалел о том, что избрал профессию моряка-подводника.

«И теперь вот,— писал он,— накануне самого серьезного из походов, сделанных мной, я не раскаиваюсь в том, что выбрал себе военно-морскую профессию, она отвечала моему характеру, и, повидимому, какую-то роль сыграл голос неизвестных мне поколений с твоей стороны, презиравших опасность и спокойно смотревших на риск. Твердо верю, что мы победим».

А. Лебедев бесконечно любил свою профессию моряка, для него море — «могила и купель». Он мечтал, чтобы и его потомки рождались, жили и умирали на море.

Море звало его, сулило ему широкие просторы, давало ему истинное наслаждение жизни.

Жизнь и труд в море озарялись для поэта тем, что он — советский моряк, воспитанный Коммунистической партией.

В стихотворении «Выбор профессии» он заявил:

Идем над глубинами в дали,
Всех мелей минуя пески,
Не нам ли навстречу всплывали
Туманные материки?
И там, где пролив Лаперуза,
И там, где балтийский прибой,—
Военные флаги Союза
Высоко летят над тобой.

Есть писатели, которые написали по количеству произведений не так уж много, а между тем их литературное наследство имеет самостоятельное значение, оно впадает в литературный океан речкой, имеющей свое светлое имя.

Однажды Л. Н. Толстой, давая оценку одному из русских поэтов, образно выразился так, что он, этот литератор, хотя и маленький, но пьет из своей рюмочки. Лев Толстой этим дал понять, что значение писателя не в том, сколько он написал, а в том, как и что им написано, насколько тот или иной литератор оригинален.

Литературное наследство Алексея Лебедева исчисляется всего лишь несколькими небольшими сборниками стихотворений, но вместе с тем оно имеет свое самостоятельное художественное значение.

А. Лебедев умер совсем молодым, в расцвете творческих сил. Он многое обещал. Об этом говорят его стихи. Вчитываясь в них, лишний раз убеждаешься в силе и оригинальности таланта молодого поэта.

А. Лебедев — поэт одной темы, темы моря. Об этом говорят сами заголовки его стихотворений: «Создатель флота», «Балтийские моряки», «Разговор на баке», «Я хочу сказать о мореходах», «Мы из Кронштадта», «Осень на флоте», «Держать корабль на курсе», «Весна на флоте», «Одежда моряка», «Авральяная-морская», «На вахте», «Мы пойдем с тобою в море» и т. д.

Поэт разрабатывает тему моря и флота с самых различных сторон, освещая и большие проблемные вопросы, и бытовые детали жизни моряков.

Даже в том случае, когда своим стихам А. Лебедев не дает заглавий, непосредственно выражающих тему моря (например, «Янтарь», «Прощанье», «Сухое и синее утро марта», «Тост» и др.), он неизменно рассказывает о море, о флоте. Мечтая о счастье и свободе всех народов, поэт поднимает тост

За силу подъемных кранов,
За сталь и бетон берегов,
За волны пяти океанов
Под килями наших судов!

Краткую, но верную характеристику особенностей поэзии А. Лебедева дал рецензент на его книгу стихов «Морская сила»¹.

«На какой странице ни откроешь книгу Алексея Лебедева — везде море. Море здесь — не фон, не пейзаж... Это лирическая стихия Лебедева, душа его поэзии...

¹ «Литературная газета», 1945, № 26.

Всё, о чем Лебедев ни говорит, так или иначе причастно к морю. Если это города мира, то предпочтены всем прочим — портовые. Если речь идет о том, какую профессию должен выбрать юноша, то, конечно же, всех лучше — морскую... Если дается осенний пейзаж, то он предстает перед нами, как «Осень на флоте». А возлюбленная — это не вообще девушка, а подруга моряка...

Споры о преимуществе одной системы стихосложения перед другой, одних тем перед другими становятся ненужными и тщетными, когда перед нами предстает истинный поэт, подлинный поэтический характер. Вы чувствуете, что тут имеются не только более удачные и менее удачные строки. Здесь нечто большее и существенное даже в своем несовершенстве: здесь лирическая запись души гордой или застенчивой, или той и другой одновременно».

Море стало источником поэтического творчества А. Лебедева, но любовь его к поэзии, в свою очередь, заставляла поэта еще сильнее срастаться с профессией моряка.

Стихи из-под пера выходили искренними, волнующими читателей. Популярность стихов А. Лебедева росла довольно быстро. Достаточно было появиться его произведениям в печати (а печататься он начал с 1934 года), как в адрес поэта начали поступать одобрительные письма читателей с самых различных концов страны.

Молодой талант А. Лебедева заметил Н. Тихонов и отечески помогал его творческому росту. При встречах с автором этой статьи А. Лебедев всегда подчеркивал чуткое отношение к нему со стороны одного из крупнейших мастеров советской поэзии.

Первая книжка стихов А. Лебедева под названием «Кронштадт» вышла в Ленинграде в 1939 году в государственном издательстве художественной литературы. В связи с выходом этой книжки поэт писал в газете «Фрунзовец»:

«В 1939 году я получил возможность выпустить первую книжку стихов «Кронштадт», в которую вошли мои стихи периода 1934—1939 годов. Это важное для меня событие совпало с принятием меня в члены Союза советских писателей».

Вторая книжка стихов поэта-моряка вышла в том же издательстве в 1940 году под названием «Лирика

моря». Уже после смерти поэта были изданы три сборника его стихотворений: «Огненный вымпел» (Военно-морское издательство, Ленинград, 1942), «Морская сила» (Ивановское областное издательство, 1945) и «Родному флоту» (Военно-морское издательство, Москва, 1950).

Эти три посмертных сборника стихотворений включали в себя или часть новых стихов, не напечатанных при жизни поэта, или представляли собой перепечатку ранее опубликованных стихотворений, как, например, сборник «Родному флоту».

Переиздание стихов А. Лебедева говорит, прежде всего, о том, что советские читатели и в особенности читатели-моряки знают и любят поэта, вдохновенно слагавшего стихи о море, о флоте.

Когда писатель сосредоточивает свое творческое внимание на одной теме, неизбежна опасность повторения одних и тех же образов, сравнений. Ничего подобного читатель не найдет в стихах А. Лебедева: каждый раз поэт ищет и находит что-то новое, свежее, раскрывает еще невоспетые стороны жизни советских моряков.

Поэзия А. Лебедева глубоко патриотична. С какой любовью и волнением говорит он о великом Сталине, о социалистической Родине, о советских людях, олицетворяющих собой всё самое лучшее и передовое, что есть на свете!

В стихотворении «Условия победы» поэт, ставя вопрос о том: «Что же нужно для победы на море?», с жаром отвечает:

Это — смелость в час суровой жизни,

Это — волю, что всего сильней,

Это — сердце, верное отчизне

И не изменяющее ей.

В поэзии А. Лебедева видно героическое начало, о котором замечательно сказал Н. Тихонов: «Героическое начало, присущее его стихам, впитал он вместе с воздухом советской Родины — самой молодой и героической страны на свете. Трудности его не пугали. Избранная им морская профессия и особенно трудная его специальность только подчеркивали еще более его прекрасное нравственное здоровье, выдержку и упорство... Автор вступал не только в мир стихотворцев, но и в такой

огромный, вечный и прекрасный мир, где слова: море, волны, шторм, корабль, Родина, битва, подвиг — слова большие и вместительные — звучали настоящей жизнью, требовали всего человека... Таким образом, гражданин становился воином, воин — поэтом. В этом сочетании у Лебедева была большая правда. Активный поэт, он любил поэзию силы, действия, стремительности, дерзания».

Немалое место в поэзии А. Лебедева занимают стихи, призывающие моряков к освоению морской профессии, к совершенному владению оружием, к бдительности.

Он шел в море ради охраны и спокойствия наших государственных границ, он знал, что это связано с опасностью для его жизни. Но поэт был готов на любой подвиг, только бы не висела над матерью-родиной смертельная опасность. К этому он призывает и всех моряков.

А Лебедев пишет стихи о самых конкретных задачах, буквально вытекающих из Устава морской службы. Но это, однако, не являлось простым стихотворным переложением отдельных параграфов Устава. Каждое такое произведение шло из глубины его сердца и являло образец подлинной поэзии.

История русской поэзии знает немало поэтов, писавших поучительные стихи о том, как надо себя вести в тех или иных случаях. Эти стихи, при всем желании поэтов говорить о конкретных делах, несли на себе печать отвлеченности, схематичности. Так случалось потому, что поэты вставали над читателем, шли не от жизни, а от условных представлений об этой жизни. Поэтому их поучительная поэзия была холодна и надуманна.

Наоборот, в тех случаях, когда писатели, призывая или поучая, сами являлись для читателей примером поведения, — их произведения получали живой отклик в сердцах людей, служили призывом к выполнению своего патриотического долга.

К таким поэтам принадлежал А. Лебедев. Если взять его стихи «Часовому», «Сигнальщики» и ряд других, где поэт говорит о самых конкретных делах морской службы, то нетрудно увидеть, как и в этих стихах всё подчинено единому патриотическому долгу перед

Родиной. Приведем для примера целиком небольшое стихотворение «Часовому»:

Глухая ночь ползет с залива,—
Проверь винтовку на посту,
Крутого берега извивы
И сердца собственного стук.
Проверь винтовку и патроны
И зорко вглядывайся в тьму,
Не подползают ли шпионы
Беззвучно к складу твоему.
Тогда, не видный в маскировке,
В завесе полной темноты,
Горячим голосом винтовки
Заговори с врагами ты.
Но прежде свиста первой пули
Нажми индуктор на столбе,
Сигналь тревогу в карауле
И требуй помощи себе.
Еще враги не все разбиты,—
Так береги машинный гул
Страны, нам вверившей защиту
И нас пославшей в караул.

В свое время В. Маяковский рисовал образ поэта, всегда готового выполнять любое дело во имя Родины. В стихах А. Лебедева нельзя не видеть хороших традиций поэзии Маяковского. А. Лебедев, говоря о конкретных обязанностях часового, приходит к обобщающему выводу о том, что моряки, посланные страной «на часы», «в караул», полны гордости и сознания ответственности за свою службу ради спокойствия наших границ.

Стихотворение «Сигнальщики» поэт начинает так:

Сигнальное дело — хорошее дело.
На мостике ветер бросается в грудь,
Тут двигайся так, чтоб работа кипела,
И, всё увидав, ничего не забудь.

Эти строчки звучат не столько поучением, сколько дружеским советом, согретым поэтической любовью к морской профессии. Вот почему моряки любили и любят своего поэта. Один из товарищей А. Лебедева по флоту — И. Макаренко писал о нем в своих воспоминаниях:

«Стихи Лебедева помогали морякам ковать победу над кровавым врагом, и поэт верил, что как бы ни тяжела была борьба, победа будет за нами: «Я знаю, что мы добудем победу ценою жертв и крови и лишений, но вырвем ее и сломим хребет гадине навсегда...» Он получил много писем от читателей, ценивших его поэтический талант. Тут письмо и от краснофлотца с Тихого океана, и от студентов из Москвы, и от уральского инженера».¹

Наряду с ведущими темами о патриотическом долге моряков, об их героических подвигах и боевой готовности, А. Лебедев пишет стихи, рисующие бытовые детали морской службы. Сюда же по своим поэтическим интонациям может быть отнесена его любовная лирика, для которой более всего подходило бы общее название «Подруга моряка».

Эти стихи характерны тем, что в них присутствует мотив светлого юмора. Так в основу стихотворения «Чайник» положен бытовой эпизод: сменившиеся с вахты краснофлотцы проводят свой досуг «за кипятком». В этом стихотворении много теплоты, вместе с улыбкой оно вызывает чувство гордости за наших моряков. Приведем несколько строк:

Братишка наш, общий чайник,
Ты видишь, прошу я дружбы.
Прижмись же горячей медью
К холодным рукам моим;
Озябли они не случайно,
Я крепко держал оружие,
Теперь же теплом я беден,
Так ты поделись своим...
Быть может, мы не вернемся,
Бывает всё на границе;
Но ты одинок не станешь,
Другие ребята придут
Из Сызрани и из Омска,
Поднявшие знамя балтийцев,
И снова разделит чайник
Досуг вечерних минут.

Великолепно звучит его стихотворение «Морская

¹ Сборник «За Родину», ИВГИЗ, 1942, стр. 160—161.

пляска», дышащее бодростью, здоровьем, силой духа советских моряков, весело проводящих свой досуг:

Но баян в руках умелых
Развернулся в ширину,
Кверху «яблочко» взлетело
И не падало в волну.
От ударов ног веселых
Четкий ритм гудел и рос.
Трепетала прядь тяжелых
Темнобронзовых волос...
Ленты реют быстрой тенью,
И увидеть каждый рад
Эти ловкие движенья,
Слышать дробь пережат.
Шепчет ветер сизой туче:
«Передай во все концы,
Как на Балтике могучей
Пляшут «яблочко» бойцы».

В творчестве А. Лебедева читатель найдет немало ярких стихов, в которых изображается природа, которую он хорошо понимал и чувствовал. Само море с его приливами и отливами, с его штормами и покоем, с его меняющейся окраской в разные времена дня и года давало поэту много впечатлений. Но А. Лебедев, как отмечалось выше, рисует пейзаж не ради пейзажа, не ради простого бездумного любования природой, а в тесной связи с жизнью моряков. Весна сулит морякам новые походы, и поэт пишет:

Сухое и синее утро марта,
Услышан далекий зов —
И розы ветров расцветают на картах
Под брызгами пенных валов,
И ноздри впивают
Чуть слышимый запах
Зовущего ветра
И новой весны,
И якорь
С зеленою глиной на лапах
Уже подымается из глубины.

Так поэт выступает всюду, как певец моря. Флот показан в учебе, в бою, в дальних походах, флот пред-

ставлен во все времена года, моряки изображены с их традициями, привычками; читатель узнает даже такие подробности, когда и в какой одежде ходит моряк, когда на нем «тельняшка полосатая» или «отменная белая форменка», или бушлат, или роба. По поводу робы у поэта есть свое мнение:

Она ничем не крашена,
Ей труд морской знаком,
И кто ее не нашивал,
Не будет моряком.

Было бы несправедливым обойти молчанием стихи А. Лебедева, написанные на тему любви к женщине. Такие стихи, как «Кисет», «На вахте», «Узка над берегом тропинка», «Звезда» и некоторые другие воспевают проникновенно-глубокую и нравственно-чистую любовь моряка. И в любовной лирике поэт предстает перед читателем цельным и ярким человеком, для которого бесконечно дорога любимая девушка-подруга, понимающая, каким высоким целям служит ее любимый моряк, находясь в дальних плаваниях.

Наконец, следует остановиться на поэтическом языке А. Лебедева. Поэт хорошо знал русскую классическую поэзию и лучших поэтов советской эпохи. В поэтическом языке его нет вычурных слов, какими иногда щеголяют молодые стихотворцы. Речь его простая, четкая, красочная. Сравнения и другие изобразительные средства он нередко черпает из разговорной речи. Некоторых читателей смущает употребление А. Лебедевым профессиональных слов, таких, как «киль», «лот», «шпангоут», «штурвал» и т. п. Но это не снижает достоинства поэтического языка, во-первых, потому, что большинство таких слов известно не только морякам, а самому широкому кругу читателей, во-вторых, потому, что поэт употребляет их настолько умело, что если какой-либо читатель не знаком с тем или иным словом, он легко поймет его смысл из контекста стихотворения. Приведем один пример. У А. Лебедева есть стихотворение «Ремонт шлюпки». Начинается оно так:

Довольно, старуха, плесневеть,
Чего там валяться зря!
Наладим тебя да с песнями

Под парусом двинем в моря,
Дадим тебе ребра новые,
Шпангоутами их зовут,
Несокрушимо-дубовую
Заплату наложим тут.

Жизнь и творчество А. Лебедева — яркий пример беззаветного служения Родине. Поэзия и профессия моряка в нем были органически слитыми, они дополняли друг друга.

«Несомненно,— писал Н. Тихонов,— что он был бы в числе тех первых горячих и искренних поэтов, которые после войны передали бы всю правду о ней будущим поколениям с непреложностью очевидца, перечувствовавшего всё и пережившего всё».

Не суждено было А. Лебедеву дожить до дня победы, но он всегда верил в победу и во имя ее отдал свою жизнь мужественно и бесстрашно.

Г. МАКСИМОВ

А. Н. БЛАГОВ

Имя старейшего ивановского поэта-ткача Александра Николаевича Благова известно как в дореволюционной рабочей, так и в советской поэзии.

Его творчество глубокими корнями уходит в жизнь и быт рабочего класса — одного из его отрядов — рабочих-текстильщиков.

Поэзия А. Н. Благова своей глубокой идейностью, политической остротой, искренностью и правдивостью нашла признание у советских читателей.

А. Благов родился в 1883 году в с. Сорохте, Нерехтского уезда, Костромской губернии (ныне с. Сорохта, Комсомольского района, Ивановской области). Его отец — Николай Тихонович и мать — Аксинья Павловна были бедные, бездомные, безземельные крестьяне.

Мальчику исполнилось четыре года, когда отец с матерью выехали на заработки в фабричный город Иваново-Вознесенск, оставив его с пятилетней сестренкой Машей на попечение бездомной бабушки. И началась полуголодная, полубеспризорная жизнь Саши, согретого и обласканного лишь старушкой-бабушкой.

Осенью 1891 года А. Благова определили в Сорохтскую церковно-приходскую школу, а в 1897 году он окончил с отличием Писцовское двухклассное училище.

Школа пробудила в нем любознательность и страстное желание учиться дальше, но дальнейшее учение так и осталось его мечтой.

Отец А. Благова, работавший на ткацкой фабрике Павлова в с. Писцове, стал обучать своего сына ткацкому делу.

В 1904 году А. Благов переезжает на жительство в Иваново-Вознесенск. Здесь он работал на нескольких

текстильных фабриках: ткачом у Бурьлина, клальщиком в белильном отделе — у Куваева, рабочим в сушилке — у Грязнова, возчиком каменного угля — у Гандурина, рабочим в отделе каландровых машин — у Дербенева, моторщиком при электроотделе — у Гарелина.

Условия работы на этих фабриках были ужасны: двенадцатичасовой рабочий день, сырость, грязь, пыль, невыносимая жара в корпусах и резкий, свистящий, грохочущий, всё поглощающий шум. Рабочие, обливаясь потом, бледные, изнуренные, еле стояли за станками. Вместе с рабочими все эти непосильные трудности переносил и А. Благов.

А после смены он шел в фабричную куваевскую спальню, где на деревянных нарах и на железных низких койках в тесноте и грязи размещались сотни человек.

Негде было культурно провести время, нечем разумным было заняться. Собирались группами и играли в карты. Любили слушать сказки, анекдоты, разные истории словоохотливых рассказчиков.

Рабочие хорошо знали А. Благова и любили его. Он сам сочинял частушки и распевал их под гармонь. Рабочие считали А. Благова «своим человеком». И он чувствовал себя нераздельной частью огромного рабочего коллектива.

И как родник чистой воды пробивался сквозь все препятствия и бил ключом наружу, так и в недрах старого мира билась ключом революционная жизнь. Большевики поднимали рабочих на борьбу с царизмом и капитализмом.

Революция 1905—1907 годов явилась настоящей школой политического воспитания трудящихся.

Вместе с ивановскими ткачами в этот водоворот жизни и борьбы был втянут и А. Благов. Он ходил на тайные сходки рабочих в лесу, посещал собрания на речке Талке.

Выступающие на Талке ораторы как бы открывали перед Благовым новый, неведомый для него мир.

В принятой на многолюдном митинге «Резолюции иваново-вознесенских рабочих 1 Мая 1905 года» говорилось:

«Празднуя 1 Мая, мы, иваново-вознесенские рабочие, выражаем свою солидарность с пролетариями всех стран в борьбе за социальную революцию.

Да здравствует социализм, который выведет нас из омута нищеты, унижений, невежества — на широкую дорогу к светлой, человеческой жизни. Тогда все фабрики, машины, созданные руками рабочего класса, земля перейдут в общую собственность. Тогда всё человечество будет трудиться на общую пользу, а не на кучку капиталистов. Тогда не будет стоять перед нами и тысячами наших товарищей призрак безработицы и голодной смерти на улице...»¹.

С затаенным дыханием слушал А. Благов эти правдивые волнующие слова. Он думал: «Вот это люди! Они открывают глаза другим и учат их новой жизни, учат бороться за лучшую долю...»². И Благов твердо решает учиться путем самообразования. Всё свободное время он проводит теперь за чтением книг. Он основательно знакомится с русской классической поэзией, с произведениями буревестника революции — А. М. Горького.

Огромное впечатление произвело на А. Благова знакомство с биографиями поэтов из народной среды: Никитина, Кольцова, Сурикова, Дрожжина. В жизни и творчестве этих поэтов он находил много созвучного своим думам и настроениям.

Он был знаком и с переводной иностранной литературой — произведениями Байрона, Гейне, Шекспира. Так постепенно росли литературные познания А. Благова.

Чтение художественной литературы расширяло его умственный кругозор. И всё больше росло желание самому писать стихи о близкой, знакомой ему рабочей жизни. Решающее значение в пробуждении и развитии его творческих дарований имела революция 1905 года.

А. Благов хотя и не был связан с революционным подпольем, но он стремился быть полезным народу, он постоянно носил теперь в своем сознании этот светлый идеал служения народу. В дореволюционном стихотворении А. Благов писал:

Нам жизнь дана не для того,
Чтоб для себя мы только жили,
А для того, чтоб мы любили
Всем сердцем брата своего,

¹ Ф. Г. Паначин, Революционные маевки в городе Иванове, Облиз, 1952, Иваново, стр. 33—34.

² А. Благов, Песни рабочего, Москва, 1919, стр. 11.

Чтобы ему в часы мучений
Могли мы помощь подавать
И темноту его сомнений
Надежды светом озарять...

Братом он называет рабочего человека. А свет правды — он знал — исходит от большевиков, которых считал настоящими защитниками народных интересов.

С 1909 года начинается литературная работа А. Благова. Некоторые из его ранних стихов печатались в журналах «Маяк», «Жизнь для всех», «Объединение».

Поэт хотел свои стихи помещать и в местной ивановской газете, с этой целью он обратился однажды к редактору «Ивановского листка».

Высокомерно встретив поэта у себя в кабинете и сделав ему чуть ли не жандармский допрос, редактор заявил:

— Стихи вашего брата до хорошего не доведут. У тебя и рифмы не подходящие:

Свобода — народа,
Доля — воля...

А ты знаешь, за волю такую куда посылают?

И редактор, сложив пальцы, изобразил тюремную решетку.

Таково было отношение к рабочему поэту в царской России.

...В этом же году А. Благов женился на крестьянке Матрене Дмитриевне Чекишевой.

Вместе с женой он поселился на квартире у знакомого рабочего. «Здесь на квартире свои стихи я писал только по ночам, сидя на печке... Ночью, когда рабочие все заснут и в избе наступит тишина, осторожными шагами я пробирался на свое место на печку, засвечал маленькую лампу и, тщательно загородив ее свет, падающий в избу, просиживал до утра за любимыми стихами»¹. А утром со всеми шел на фабрику и вставал работать за ткацкие станки.

Поэт свои думы и чувства связывал с жизнью этих изнуренных рабочих людей. Он писал стихи о их безрадостной жизни, тоскливом, сереньком, однообразном быте.

¹ А. Благов, Песни рабочего, 1919, стр. 15.

В квартире бедной я один
Сажу до поздней-поздней ночи.
В чаду коптилки чуть видна
Страница, Стих плетется вяло.
В углу с ребенком спит жена,
К стене примерзло одеяло.
Народ — вповалку на полу,
Заботы дня пока заснули.
Но чуть гудок прорежет мглу —
И зашумел квартирный улей.
День скроет бледный образ свой,
И — снова сон. Сегодня то же,
Что и вчера... Не так ли схожи
Две капли влаги дождевой?¹

Эти стихи ярко и правдиво рисуют картину быта ткачей старой России.

Литературная работа А. Благова не нравилась фабричной администрации и его считали «опасным рабочим». Особенно это мнение закрепилось за ним тогда, когда в 1912 году он принял активное участие в сборе средств в фонд большевистской газеты «Правда». В 1914 году за это его вместе с женой уволили с грязновской фабрики, и они всю зиму бедствовали и голодали.

В дореволюционных стихах поэт отражал не только горе народное, жизнь подневольную и тяжесть рабского труда, но он указывал рабочему человеку и выход из беспросветной жизни. Он верил в силы рабочего класса, верил в его окончательную победу и «что нет ему больше дороги, как только дорога борьбы»².

В 1915 году А. Благов ходил на сходки и массовки рабочих в окрестные леса Иваново-Вознесенска. Участвовал во всеобщей забастовке 23 (10) августа, когда в едином порыве десятки тысяч рабочих устремились на городскую площадь с большевистскими лозунгами: «Хлеба! Мира! Свободы! Долой войну!»

В стихотворении «День» (1937) поэт запечатлел кровавую картину расстрела ивановских ткачей на Приказном мосту. «После ужасной картины расстрела... — пишет А. Благов, — я уехал из Иванова в город Юрьев-

¹ А. Благов, Город ткачей, Москва, 1951, стр. 24—25.

² А. Благов, Избранные стихи, «Советский писатель», 1946, стр. 14.

Польский, Владимирской губернии, где поступил на фабрику Ганшина»¹. Это было осенью 1915 года.

Поэт ясно видел, как приходит конец народному терпению и как рабочий класс снова готов был вступить со старым миром в решительный бой.

...Живые силы не убиты;
Услышат скоро паразиты
Народной бури грозный гул —²

писал он в 1916 году своему другу А. Вицыну.

В это же время в стихотворении «К моим песням» поэт открыто обращается к народу с призывом:

Чтобы сильной рукой
Свое счастье сковал,
Чтобы в мире другой
Светлый мир основал.³

Этот светлый мир, о котором узнал А. Благов от большевиков еще в 1905 году, настал после Великой Октябрьской социалистической революции.

Поэт призывает гордо поднять «наше знамя». Под это знамя кличет он всех сильных и смелых духом, готовых в бою умереть за свободу.

Весной 1918 года он вместе с женой и трехлетним приемным сыном из Юрьев-Польска уезжает в Вятскую губернию, в деревню, к сестре своей жены. В деревне он жил до 1921 года. Заведовал сельским народным домом и библиотекой. Писал сатирические стихи на местные темы и читал их со сцены Народного дома крестьянам.

В 1919 году в Москве вышел первый сборник его стихов под названием «Песни рабочего».

Около года А. Благов жил в городе Барнауле и работал машинистом на первом государственном заводе. Потом до 1924 года работал на ткацкой фабрике «Пролетарская победа». Здесь он написал цикл антирелигиозных стихов, некоторые из них были затем напечатаны в журналах «Безбожник», «Делегатка», «Работница» и в газете «Московский рабочий».

¹ А. Благов, Песни рабочего, Москва, 1919, стр. 17—18.

² А. Благов, Ступени, Федерация, 1932, стр. 104.

³ А. Благов, Песни рабочего, Москва, 1919, стр. 84.

Поэта тянуло в родные ивановские края, где жил и работал он до революции.

Он приехал в Иваново в 1924 году и с тех пор безвыездно живет в родном городе.

До 1940 года А. Благов работал на разных предприятиях и в разных учреждениях: отбельщиком на Ново-Ивановской мануфактуре, литературным сотрудником областной газеты «Рабочий край», моторщиком на Ивановском меланжевом комбинате, а потом штатным сотрудником в газете «Меланжист», литературным консультантом в Ивановском областном отделении Союза Советских писателей и редактором в Ивановском областном государственном издательстве.

В 1940 году он был принят в ряды Коммунистической партии. Это было радостное, незабываемое событие в его жизни.

Насколько плодотворна его поэтическая работа последних лет, можно видеть из следующего сравнения: с 1919 по 1940 год, т. е. за 21 год, вышло в издательствах Москвы и Иванова шесть сборников его стихов, а с 1941 по 1953 год, т. е. за 13 лет, — 9 сборников!

А. Благов — активный общественник. Его несколько раз выбирали депутатом в городской и областной Советы депутатов трудящихся.

Поэт непосредственно общается с рабочими массами, выступая со своими стихами перед ними на литературных вечерах, организуемых культурно-просветительными организациями.

А. Благов известен и как наставник молодых советских писателей. Он прочитал тысячи их стихов и написал на эти стихи сотни рецензий. Начинающие поэты идут к нему за помощью и советом.

В связи с семидесятилетием со дня рождения и за заслуги в области художественной литературы Президиум Верховного Совета СССР наградил Александра Николаевича Благова орденом Трудового Красного Знамени.

А. Н. Благовым написано тринадцать поэм и более 300 стихотворений.

В условиях царской России, когда передовая мысль преследовалась, а над печатным рабочим словом гроз-

ной тучей висел цензурный запрет, трудно было рабочему поэту печатать легально свои стихи и, тем более, невозможно было издавать свои произведения.

Только после Великой Октябрьской социалистической революции поэту представилась полная возможность свободного творчества и издания своих произведений.

В первом сборнике стихотворений А. Благова — «Песни рабочего» (1919) помещена автобиография поэта «Несколько вступительных слов о моей жизни и работе» и предисловие И. Горбунова-Посадова «Два слова предисловия», где он оценивает творчество поэта, как «одного из самых... талантливых, задушевных и искренних народных поэтов».

Поэт из народа С. Д. Дрожжин писал А. Н. Благову: «Прочитал вашу книжечку «Песни рабочего». Уж очень она мне показалась близка. Приезжайте в Низовку, буду очень, очень рад».

С 1928 года по настоящее время издано 14 сборников произведений А. Благова¹.

Выход в свет каждого сборника его стихотворений положительно оценивался критикой. Например, в предисловии к сборнику «Ступени» (1932) редакция рекомендует начинающим пролетарским поэтам изучать творчество А. Благова, как одного «из лучших наших рабочих поэтов»; во вступительной статье к сборнику «Избранные стихи» (1944) редактор Д. Максимов говорит об А. Благове, как об одном «из выдающихся представителей пролетарской поэзии».

¹ «Рабочий город» («Московский рабочий», М.-Л., 1928), «Ступени» («Федерация», М., 1932), «Избранные стихи» (Ивановское областное государственное издательство, 1933), «Перестройка» (Ивановское областное государственное издательство, 1933), «Страна ткачей» (Государственное издательство художественной литературы, М., 1936), «Ненависть» (Ивановское областное государственное издательство, 1942), «Избранные стихи» (Ивановское областное государственное издательство, 1944), «Избранные стихи» («Советский писатель», М., 1946), «Стихи и поэмы» (1945—1948 гг.), (Ивановское областное государственное издательство, 1948), «Детям» (Облгиз, Иваново, 1949), «Ивановский ситец» (Ивановское областное государственное издательство, 1950), «Город ткачей» («Советский писатель», М., 1951), «Дружба» (Облгиз, Иваново, 1952), «Избранное» (Ивановское областное государственное издательство, 1953).

Популярность произведений А. Благова среди текстильщиков объясняется не только тем, что он уже более 40 лет работает в литературе, но главным образом содержанием его поэзии — ее душевной теплотой и идейностью.

Революция 1905 года вызвала к жизни творческие способности А. Благова, но время, в которое он вступил на литературный путь, было временем черной реакции и торжества контрреволюции.

И. В. Сталин в прокламации «Ко всем рабочим и работницам России!» писал: «С 1907 года, когда силам старого порядка удалось на время задавить революционное движение масс, рабочие стонут под двойным игом. Им безжалостнее всех мстит царская банда. И на них же обрушивается наступление капитала. Фабриканты и заводчики, пользуясь политической реакцией, шаг за шагом отбирают всё, что завоевано рабочими с таким трудом, с такими жертвами... Стиснув зубы, рабочие молчат. Восьмой и девятый годы были годами наибольшего упоения черносотенцев своим торжеством и наибольшего упадка рабочего движения».¹

Эту политическую придавленность вместе с рабочими массами чувствовал на себе и А. Благов.

В глухое время в путь я вышел.

Ни вольных песен сам не пел,

Ни от друзей моих не слышал.²

Контрреволюция подавляла всё живое, прогрессивное и на идеологическом фронте, пыталась развенчать те высокие идеалы, за которые боролась передовая часть русского общества. Этот процесс разложения, идейного омертвения происходил и в литературе. «На свет выплыли символисты, имажинисты, декаденты всех мастей, отрекавшиеся от народа, провозгласившие тезис «искусство ради искусства», проповедовавшие безидейность в литературе, прикрывавшие свое идейное и моральное растление погоней за красивой формой без содержания».³

Благов не пошел на поводу этой реакционной поэзии, ему глубоко были чужды поэты-декаденты. Не находил

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 267—268.

² А. Благов, Страна ткача, Гослитиздат, 1936, стр. 9.

³ А. Жданов, Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград», Госполитиздат, 1952, стр. 8.

он в их стихах «ни мятежного зова», ни того, что способно было потревожить «народный сон».

Уже в ранних стихах А. Благов бросает вызов этим рафинированным поэтам, далеким от жизни народа. В стихотворении «Поэтам» он писал.

Вы бывали ли там, за фабричной стеной,
Где рабочий трудом надрывается...
Где минутный покой наслаждением зовут,
Где не знают ни счастья, ни волюшки,
Вместе с потом где слезы горячие льют,
Проклиная тяжелую долюшку,
Где не встретите вы, хоть смотрите весь век,
Ни лица и ни взгляда довольного,
Где считается часто наш брат-человек
Много хуже скота подневольного?
Нет, вы не были там...

А в 1915—1916 годах поэт в письмах к другу, предназначенных не для печати, разоблачает этих «рыцарей мракобесия, реакции и предательства»¹ острой обличительной сатирой.

Поэт не желает читать пустопорожние стихи символистов.

Не научился, видно, я
Ценить словесные прикрасы,
А Пушкин, Лермонтов, Некрасов
Мои домашние друзья.

(«Письмо первое»)

А. Благов в своем творчестве развивал лучшие традиции русской классической поэзии и поэзии революционных крестьянских демократов (идейность, народность, правдивость и др.). Он примыкал к тому крылу русской литературы, которое представляли рабочие поэты: ткач Ф. Шкулев, стеклодув Е. Нечаев и другие.

О рабочих поэтах можно с полным правом сказать, что это были «мученики правды ради», верные защитники народных интересов, постоянно преследуемые фабрикантами и царским самодержавием. За свои выстраданные стихи они расплачивались увольнением с фабрики и длительной потом безработицей, а иногда тюрьмой и

¹ «Правда труда» от 17 сентября 1917 г., Сборник «Документальная правда об искусстве и литературе», 1937.

ссылкой. Так это было почти со всеми рабочими поэтами (Шкулев, Нечаев, Логинов и др.).

В ранних стихах А. Блага, как и в стихах Шкулева и Нечаева, выражена та же ненависть к капиталистической фабрике («На фабрике»), противопоставлена ей деревня с раздольем крестьянских полей («В полях», «В неволе») и отчетливо показано стремление «к правде и любви» народной («Молитва»).

А. Благов так же, как и они, воспевает рабочую долю:

Товарищ-рабочий, я знаю
Тяжелую долю твою.
Я сам в этой доле страдаю,
Об ней я и песни пою.

(«Товарищу-рабочему»)

Но поэт не зовет к покорности перед судьбой («Родным певцам»), он ищет правды («Где правда»), мечтает о свободе народа («Песня юности») и приходит к убеждению, что эта свобода может быть завоевана только в классовой борьбе пролетариата.

В сущности А. Благов в своем творческом развитии шел тем же путем, который прошли Шкулев и Нечаев. Несмотря на наличие некоторых общих черт в произведениях этих поэтов, каждый из них творчески индивидуален, имеет свои стилистические особенности, свой язык, способы построения стиха и т. д.

Для всех рабочих поэтов их поэзия была средством борьбы с самодержавием и капитализмом за свободу и счастье народа.

В стихах «Сеятель», «Родным певцам», «Дума», «Я жить хочу, пока в груди есть сила», «Моя муза», «Певец» и «Два имени» А. Благов нарисовал образ рабочего поэта. Рабочий поэт — это сеятель правды и добра на ниве народной, это певец горя народного — он поет не о бессилии перед судьбой, а призывает людей на борьбу с глубокой тьмою; покуда бьется сердце поэта огнем стремлений чистых и святых, он будет петь в защиту братьев в их горькой доле; муза поэта живет в убогих лачужках бедняков и в стенах шумных рабочих корпусов, она не знает пути в роскошные дворцы и хоромы богатых; поэт знает об опасности своего пути, но, что бы с ним ни случилось, он будет «бороться с судьбой», «только дорога борьбы» — верная дорога к освобождению.

нию рабочего класса; рабочий поэт сравнивается с рабочим революционером — оба они служат делу освобождения народа, но один несет в руках развернутое знамя свободы, а другой «песнью свободной и смелой» будит на доброе дело народные сердца.

Глубокая вера в силы рабочего класса, в его окончательную победу никогда не покидает поэта.

По цензурным условиям пролетарский поэт должен был говорить иносказательно, намеками, иногда общими словами, которые можно было истолковать по-разному. Но рабочий читатель хорошо понимал, что хотел сказать поэт.

Ненависть к старому миру и глубокая вера в новый мир — грядущий, который в борьбе завоюет рабочий класс, отчетливо выступает уже в ранних стихах А. Благова.

И. В. Сталин в «Правде» от 25 октября 1912 года писал: «...на пути к обновлению страны Россия разделилась на две России: старую, официальную, и новую, грядущую»¹. А. Благоев всей душой был на стороне этой новой России и своим творчеством способствовал победе ее над старым миром.

Поэзия дореволюционных стихов А. Благова во многом была созвучна и поэзии рабочих поэтов, сгруппировавшихся вокруг большевистских газет «Звезда» и «Правда».

Это сходство можно установить прежде всего в тематике творчества. В нелегальных сборниках «Наши песни» (М., 1913) и «Первый сборник пролетарских писателей» (СПБ, 1914) поэты «Правды» (И. Логинов, А. Богданов, С. Вещий и др.) в своих стихах писали главным образом о невыносимых условиях труда рабочих на капиталистических фабриках, об ужасной эксплуатации рабочих со стороны капиталистов, о бесправии и особо тяжелом положении женского и детского труда на фабриках, бесчеловечном домашнем быте рабочего класса, о стремлении рабочих к знанию и культуре, необходимости сплочения сил пролетариата, смелом протесте против империалистической войны и международной солидарности рабочих, о борьбе с царизмом.

Все эти темы затронуты и в стихах А. Благова, на-

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 262.

пример, в таких, как «На фабрике», «Встань, проклятая машина», «Товарищу рабочему», «Стон ткачихи», «Работница-мать», «Колыбельная», «Утром», «Цветок», «За машиной», «И печальна и бедна у меня каморка», «Безработный», «Не воин, мирный я певец», «Детям», «Братьям рабочим», «Дума», «Письмо шестое», «Письмо седьмое», «Письмо восьмое»,¹ «К моим песням», «Песня юности», «Весной».²

Поэты «Правды» постоянно чувствовали над собой большевистское руководство, с ними работали в литературных кружках, их стихи печатали.

Этой большевистской школы революционного воспитания и партийной закалки не пришлось пройти А. Благову.

В «Письме десятом» поэт, вспоминая это время, говорит о «бездорожьи жизни трудовой».

Кто мог тогда
Свои настроить струны
Хвалой коммунистической заре?!

Эти силы были, они вызревали в глубоком подполье и группировались вокруг большевистских газет.

А. Благов показал себя в дореволюционном творчестве и как талантливый сатирик. Обличительная сила его сатирических стихов метка и действенна. В них глубина мысли и острота чувства, любовь и ненависть, утверждение и отрицание. Возьмем для примера стихотворение «Весной». Поэт любит красоту природы, грудь его полна восторга, он готов забыть все невзгоды и петь про радость бытия. Он хотел бы «обнять, как братьев, всех людей».

Но вспомню я врагов народа,
Тупых властителей земли,
Кем в тюрьмы брошена свобода,
Кто топчет истину в пыли,
Кто отнимает злобной властью
На жизнь всё право у людей,

¹ Письма написаны в 1915—1916 годах. Впервые «Десять писем» напечатаны в сборнике стихов А. Благова «Ступени». «Федерация», 1932, стр. 80—111.

² Дореволюционные стихи А. Благова напечатаны в первом сборнике его стихов. А. Благов, Песни рабочего, Москва, 1919.

И радость, волю их и счастье
Сменяет тяжестью цепей.
Кто нашим потом и слезами
Свое веселье создает
И безнаказанно веками
Святую кровь народа льет,
Лишь вспомню их, и омрачится
Весенний день в моих глазах,
И в сердце злорадия загорится...

Наиболее ярко и зрело его сатирический талант проявился в «Десяти письмах». В них А. Благов, рисуя захолустный уездный город, выставляет напоказ порядки всей николаевской Руси.

Поэт берет под обстрел то, что характеризовало внутреннюю политику царского правительства: открытие по всей стране спиртоводочных заводов, насаждение в селах и деревнях кабаков и винных лавок, сооружение монастырей и церквей, учреждение полицейских управлений и тайных канцелярий, содержание целой армии урядников, городских, жандармерии, распространение религиозного дурмана и использование служителей церкви, как политической агентуры, поддержка заводчиков и фабрикантов в их необузданной зверской эксплуатации рабочего класса.

Всё это подано поэтом с блеском остроумия, с ядовитой насмешкой, с обнажающей силой обличения и разоблачения.

Вот он обличает «ехидных мастеров», которые «визжат, как псы голодные», смотрителей-доносчиков, которые

Снуют налево и направо:
Оберегают всякий сор,
Подслушивают разговор,
Бичуют штрафами, доносят,
Откинув совесть, взятки просят,
И несговорчивых девчат
Глазами грозными сверлят.

Поэт едко высмеивает городского и метко-карикатурно изображает грозу — исправника.

Он разоблачает пастыря духовного, елейность его речей — «святую дичь» и предательские замыслы.

Но наиболее ярко и обнаженно раскрывает поэт

внешнюю захватническую политику царизма. Два года шла уже империалистическая война. Он взволнованно говорит о неисчислимых ужасах войны, видит страдания и злобу народа в тылу и слышит крики отчаяния, проклятия солдат на фронте, проливающих кровь и гибнущих за интересы капитала.

Он выводит на свежую воду святош-проповедников, сеющих обман среди населения, торгашей и заводчиков, наживающихся на войне и загибающих в карманы миллионы.

Он подвергает сатирическому обстрелу и разлагающуюся дворянскую и буржуазную культуру и литературу, и ложный ура-патриотизм обжиралов в тылу буржуа.

«Низкими душами», льстецами называет он продажных поэтов, которым всё равно, «что писать перу».

Негодование, возмущение, месть живут в сердце поэта. На «черных злодеев» он изливает потоки ненависти и злости, слова его остры, жгучи, метки — они бьют по врагу, они грозны и говорят о грядущей расплате.

Они придут — часы расплаты —
Припомнишь мрачные Карпаты,
Припомнишь вшивую шинель,
В полях свинцовую метель,
Лихой мороз и голод зверский,
Кровавый фронт, бесправный тыл,
Где рядовому скулы бил
Мерзавец в форме офицерской.
Припомнишь всё, и в грозный миг
Ты первый схватишь мести штык.

(«Письмо шестое»)

Так креп и мужал поэтический голос А. Благова. Он ясно осознает место поэзии в классовой борьбе пролетариата, понимая, что «литературное дело должно стать частью общепролетарского дела» (Ленин). Тема сочувствия и любви к «братьям рабочим» дополняется другой темой, органически с нею связанной — темой ненависти и проклятия к эксплуататорским классам и необходимости активной борьбы с ними. Лирический герой его также приобретал новые черты — он идет от стихийности в борьбе («Встань, проклятая машина») к поли-

тической сознательности («Десять писем» и другие), источником которой являлась большевистская пропаганда.

Другая пища нам нужна,
Одна для всех племен и наций;
Порой дается нам она
Под видом тайных прокламаций,
Под видом книжечек таких,
Ну, вроде, «Пауки и мухи»,
Большая сила скрыта в них...

(«Письмо четвертое»)

Всё его творчество качественно изменялось и шло от пассивного созерцательства, схватывания отдельных фактов и явлений жизни к активному вмешательству в жизнь и глубокому обобщению этих фактов.

Поэзия А. Благова уже накануне Великой Октябрьской социалистической революции приобретала черты большевистской партийности и боевой действенности.

Дореволюционные стихи А. Благова и в наше время имеют большое познавательное и воспитательное значение.

Только после революции для рабочего поэта открылись широкие просторы для свободного творчества. Выступая на III Всероссийском съезде Советов в 1918 году, Ленин говорил: «Перед победившим пролетариатом открылась земля, ныне ставшая общенародным достоянием... Раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого — просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации. Мы это знаем, — и разве во имя этой величайшей исторической задачи не стоит работать, не стоит отдать всех сил?»¹

К новой, творческой, созидательной жизни потянулись миллионы и десятки миллионов трудящихся. Вместе со всем рабочим классом вставали на путь новой

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 436.

жизни и ивановские текстильщики. В ногу с ними пошел и рабочий поэт-ткач А. Благов.

В литературной жизни послереволюционного периода А. Благов не примыкал ни к какому «течению» и «направлению».

Но он не стоял в стороне от литературной борьбы, которая развернулась в первые годы революции. А. Благов несочувственно отнесся к поэтам Пролеткульта¹, которые стремились обособиться от культурного и литературного движения в стране.

Его не привлекали своей «программой» и поэты «Кузницы»,² поэту ненавистны и чужды были «перевальцы»,³ против которых он выступал в своих стихах.⁴

А. Благов еще ближе, роднее был связан теперь с рабочими массами, он чувствовал себя, как и они, полноправным хозяином жизни и шел вперед вместе со всеми, по пути, указанному Коммунистической партией.

С радостным мироощущением вступил он в новую жизнь. Поэт часто говорит о тяжелом прошлом ивановских ткачей с тем, чтобы сопоставить с радостным настоящим, которое в упорной борьбе завоевало старшее поколение для молодого поколения.

Он развертывает славные страницы революционной истории, которые вписали ивановские ткачи в летопись борьбы рабочего класса с царизмом и капитализмом.

¹ Пролеткульт представлял довольно мощную организацию с руководящим центром и широкой сетью филиалов по всей стране. Теоретические положения пролеткультовского руководства были порочны: оно держало курс на создание не народной, а узко замкнутой цеховой пролетарской литературы в духе классовой исключительности, стремилось привить рабочим политически вредные установки — понимание культурного движения пролетариата, как автономного, независимого от партии и государства, отрицало роль интеллигенции в культурном строительстве, отрицало наследие классиков и т. д. Поэзия пролеткультовцев была оторвана от реальной жизни, от классовой борьбы пролетариата.

² Литературная группа «Кузница» организационно выделилась из Пролеткульта в самостоятельную группу, попрежнему «оставаясь на точке зрения пролетарской культуры», т. е. на позициях Пролеткульта («Правда», 1920, № 25).

³ Руководители литературной группы «Перевал» протаскивали в литературу троцкистские контрреволюционные взгляды, меньшевистско-идеалистическую теорию интуитивизма творчества, теорию безидейности, «чистого мастерства», «непосредственных впечатлений» и пр.

⁴ А. Благов, «Ступени», «Федерация», 1932, стр. 53.

В поэмах «Талка» и «Вера Мялова», в стихах «Маевка» и «Песня старого ткача» поэт показал величественную картину революционных событий, развернувшихся в 1905 году в Иваново-Вознесенске.

Он рассказывает о том, как ивановские ткачи, не в силах больше переносить нечеловеческие условия голодной и бесправной жизни, вступали в открытую революционную борьбу с фабрикантами и царским правительством. Поэт говорит о многотысячных митингах рабочих на городской площади, о тайных массовках, организуемых в лесу, о собраниях бастовавших рабочих на берегу речки Талки, где выступали большевики.

Не забуду Талку,
Где волною жаркой
Речи большевистские лились,
Где за жизнь народную,
Светлую, свободную,
До конца бороться мы клялись.

(«Песня старого ткача»)

Поэт рисует трагические картины кровавых событий: как пьяные солдаты стреляли в безоружных ткачей, как черная сотня царских головорезов, при поддержке полиции, устроила зверский погром, избивая революционеров и передовых рабочих.

С глубокой скорбью о погибших в стихотворении «День» говорит А. Благов о кровавой расправе с иваново-вознесенскими текстильщиками 10 августа 1915 года.

Но царизм не в силах был убить рабочую правду. Звал на борьбу рабочих «небывалый свет — партии голос родной».

В поэме «Вера Мялова» поэт дает ответ на вопрос, почему он в своих стихах обращается к прошлому.

Хочет Вера
Молодым подругам
О неволе горькой рассказать,
Рассказать,
Да так, чтобы сердцами
Поняли, постигли те года.
Чтоб казалось, будто жили сами,
Подрастали, мучались тогда:
— Жизни сеть, где бились мы, как птицы,

До последней крепости порвалась,
Нужно так работать и учиться,
Как зовет нас партия и власть.

Старейший рабочий поэт как бы говорит молодежи — для того, чтобы глубоко ценить завоеванную свободную жизнь, всей душой любить ее, отдать для нее все силы и знания, защищать ее не жалея своей жизни — для этого нужно знать тяжелое, рабское прошлое, знать, какой ценой неисчислимых жертв завоевана эта свобода — только тогда во всем величии, во всей полноте можно ощутить красоту новой жизни.

На сопоставлении прошлого и настоящего поэтом написан ряд стихотворений, например, такие, как «Два времени», «Вечера», «Юность», «Дом коммуны» и много других.

**

А. Благову близок ивановский текстильный край — здесь он родился; он хорошо знает текстильную фабрику — на ней он работал более тридцати лет; ивановские ткачи — братья ему по своему положению — он шел вместе с ними и в тяжелые времена царизма и в светлые дни после Октября. В истории жизни ивановских ткачей отражен и жизненный путь А. Благова. Поэт пишет о ткачах не как посторонний наблюдатель, а как человек, живущий с ними одной жизнью, одними думами и стремлениями. Вся эта близкая с детства рабочая среда и является источником вдохновения поэта. Творчество А. Благова пореволюционного периода — это художественное отражение жизни, быта, борьбы и труда ивановских текстильщиков. А. Благов — певец ивановских ткачей. Его поэзия — это поэзия труда. Изображая жизнь, борьбу и труд текстильщиков, А. Благов отразил правду жизни всего рабочего класса, показал то основное, типическое, что характеризует рабочий класс нашей страны: его авангардную роль в жизни общества, его революционность, глубокий советский патриотизм. А в образе лирического героя — ткача он показал, каким был путь передового советского рабочего, как происходил рост его политической активности и социалистического сознания, и как формировался, закалялся передовой советский человек нашей эпохи. И в этом — главное достоинство поэзии А. Благова.

Поэт воспел суровые и радостные дни Октября; рассказал о полководце ленинской закалки, боевом соратнике И. В. Сталина — М. В. Фрунзе, который со своим легендарным командиром Чапаевым и умным боевым комиссаром Фурмановым вел в годы гражданской войны ивановских ткачей на борьбу с контрреволюцией («Имя Фрунзе неразлучно с нами», 1951).

Он отразил в стихах трудовой подъем текстильщиков в годы восстановления и развития народного хозяйства («Пролетарская победа»).

Он показал грандиозное строительство, развернувшееся в текстильном крае в годы пятилеток. Лесами строек был покрыт и город Иваново («Недопетая песня», «Наша осень», «Осенняя поэма», «Город широкий без меры», «День» и др.). Этот, когда-то старый фабричный заштатный город, неблагоустроенный, грязный, закоптелый, неосвященный, с ухабами и ямами, с хибарками рабочих на окраинах, совершенно изменил свой облик.

Поэт говорит, как «город стройкою гудит», как воздух от грохота рвется на части. И город преобразился, помолодел, «как майский сад» расцвел. Появились дома-великаны, выросли «гигантские общежития», — в них просторно, светло, в комнатах резвятся счастливые дети. Вступили в строй новые текстильные фабрики — гордость ивановских ткачей.

В грозные годы Великой Отечественной войны А. Благов слагает горячие, страстные патриотические песни, полные мужества и боевого призыва к священной борьбе с заклятыми врагами — немецкими фашистами («Патриот», «22 июня 1941 года», «Родина», «Народ-большевик», «Ненависть», «Боевая песня», «Москва», «Добрый путь» и др.).

В суровом величии мужественно встала наша страна перед лицом смертельной опасности. Не дрогнул народ-большевик.

Над Родиной нашей свободной,
Над всей неоглядной страной
Разносится голос народный:
На бой! На решительный бой!

(«Народ-большевик», 1941)

Вместе со всем народом грозно поднялись на защиту Родины и ивановские ткачи («Добрый путь», 1941).

Поэт говорит о священном гневе, ненависти, что кипят в сердцах советских патриотов, он призывает к оружию и беспощадной мести фашистским палачам-убийцам.

Тыл крепил оборону и вместе с фронтом приближал час расплаты. Советские женщины-патриотки заменили мужчин в тылу («Песня советских женщин», 1941).

Самоотверженно работали на оборону и ивановские текстильщицы. Они отдавали все свои силы, чтобы выработать как можно больше добротной ткани для армии и этим повысить ее боеспособность.

Работали мы, рук не покладая,
Разгром и смерть готовили врагам:
Была одета армия родная —
Бойцы спасибо говорили нам.
Здесь жены за мужей своих трудились,
Сменяла брата юная сестра;
Они борьбе у партии учились,
Взрастила их свободная пора.
Их труд живой победами увенчан.
На свете силы не найдешь такой,
Чтобы сломила волю наших женщин,
Согнула их жестокою рукой.

(«Стихи о Меланжевом», 1952)

* Стихи поэта пронизаны глубокой верой в грядущую победу, потому что на защиту священной земли поднялся советский народ-богатырь во главе с испытанной в боях Коммунистической партией Советского Союза.

Против заклятых врагов поэт отточил и двинул в бой и грозное оружие сатиры. Его сатирические стихи — это пулеметные выстрелы, уничтожающие врага («Смена генералов», «Гитлер и Антонеску», «Шулер», «Чистокровный», «На берлинском катке» и другие). И сколько в них обличительной остроты и разящей врага правды!

Пришла желанная победа. Вместе со всем народом ликовали и ивановские ткачи. Это ликование правдиво и тепло отразил поэт в стихотворении «Счастье» (1945).

Как будто солнце светит по-иному,
Как будто вдвое ласковей оно.
Я прохожу по городу родному,
Мне шлет улыбку каждое окно.

С победой, друг! — на лицах я читаю.
В один порыв сливаются сердца:
Людским просторам нет сегодня краю,
Людскому счастью не видать конца.

Наступили мирные дни. Вдохнул полной грудью советский народ. Во всем величии и необъятной широте поэту вновь представилась родная земля.

Мы в походы грозные ходили.
Смерти не боялись мы в бою,
Потому что землю мы любили
Вольную, советскую, свою.
Реки, горы, небо над полями,
Ни конца, ни края не видать.
Мать-земля, какими мне словами
О твоём величье рассказать?

(«Родная земля», 1948)

Советские люди приступили вновь к творческому созидательному труду. Коммунистическая партия призвала советский народ на восстановление разрушенного войной хозяйства, на выполнение и перевыполнение послевоенной пятилетки. Эта задача встала и перед ивановскими ткачами. По-новому зазвучали и песни поэта («Завидую я вам, друзья мои...», «Наше слово», «Подарок», «Итти вперед», «Первомайская песня», «Победы знамя понесут народы», «Растут наши силы» и др.). Он говорит о великом счастье трудиться в эти дни, воспекает самоотверженный труд передовиков производства, призывает дать родной стране больше ткани отличного качества.

Так в своем творчестве поэт запечатлел пройденный вместе с ивановскими ткачами путь от Великого Октября до наших дней.

**
*

Стихи А. Благова очень разносторонни по своей тематике.

Поэт говорит о руководящей и направляющей роли Коммунистической партии, которая ведет наш народ к светлым вершинам коммунизма. Он воспел вождя партии И. В. Сталина, которая вела страну от победы к победе.

В «Стихах о Меланжевом» поэт говорит о величест-

бенном плане построения коммунизма в нашей стране, который начертан партией.

Основная тема в творчестве А. Благова — светлый и радостный труд и люди труда — ивановские текстильщики.

Миновало тяжелое прошлое — труд из подневольного стал свободным, работать стали не на капиталиста, а на себя. Появилась хозяйская забота о своей фабрике, возросло чувство долга перед рабочим коллективом и всем народом.

И как же мне беспечным быть,
Свою работу не любить,
Когда к труду меня зовет
Один хозяин — мой народ.

(«Песня ткача», 1925)

И весело стало работать для Родины «слесарю, прядильщику, ткачу».

В великом трудовом строю каждый держит ответ за себя. Быть дисциплинированным, повышать производительность труда, бороться за качество продукции, стоять в рядах передовиков-новаторов, выполнять и перевыполнять производственные нормы и давать стране самую прочную и красивую ткань в мире — вот к чему призывает поэт («Будильник, друг, не измени», «На фабрике», «Песня ткача», «На посту», «Начало», «Слава труду — созидателю жизни», «Хозяйка машин», «Стахановка», «Наше слово», «Ткачиха Шувандина», «Комсомолка Панова» и другие).

Поэт говорит о новом отношении к труду и переделке сознания людей. Он рассказывает, как один из рабочих случайно, единственный раз, опоздал на работу и как мучился от этого, горел от стыда, сознавая свою оплошность. Ему казалось, что все ткачи и ткачихи, окружающие его, осуждают, и даже шестерня в станке стучала укором («Будильник, друг, не измени»).

Поэт нарисовал яркую картину свободного труда ткачихи. Вот она стоит за станками. Настроение ее бодрое, жизнерадостное. Она любит свой труд и свои станки. Станки не просто стоят, а «в солнце нежатся весь день». Любовью овеян и весь процесс ее труда. Поэт красочно рассказывает, как ткачиха приходит в цех и обметает пух со станков; приготовив свое рабочее место, она ждет фабричного гудка — начала работы. И когда дует

станки, всё придет в движение, заработает, запоет, заговорит. Радость поет и в сердце ткачихи.

Не прежнюю песню про горе-нужду

Ткачиха сегодня поет:

Она у великой страны на виду,

Работнице всюду почет.

(«Вера Мялова»)

А. Благов в своих стихах отразил коммунистические субботники текстильщиков («Пролетарская победа»), начало социалистического соревнования и ударный труд («Комсомолка Панова», «Торфмаш», «Фибра»), стахановское движение («Стахановцам», «Время», «Ряды стахановцев умножь», «Хозяйка машин», «Стихи о Меланжевом»).

В стахановское движение включились сотни и тысячи текстильщиков. Это движение и воспел в своих стихах А. Благов. В стихотворении «Стахановка» (1938) А. Благов нарисовал образ ткачихи-стахановки. Она — передовой человек нашей эпохи, изучившая «на отлично», «до винтика станок», работавшая строго по плану, овладевшая культурой производства и передающая свой опыт другим. Счастье и радость наполняют ее сердце, и солнце «смотрит с лаской» на нее.

Жизнь открыла перед нами

Небывалые пути:

Я — ткачиха за станками —

Буду крепнуть и расти,

Будет счастье, будет радость,

Песню громче заведу,

Если в праздник на параде

Встану с лучшими в ряду.

День рассчитан по минутам,

За работой любо мне:

Виноградским маршрутом

Овладела я вполне!

Поэт воспевает прославленные имена ткачих Т. Шувандиной, Е. Виноградовой, В. Мяловой, З. Ефимовой, А. Сивковой, И. Солодовой и других, среди которых есть лауреаты Сталинской премии, Герои Социалистического Труда, награжденные орденами и медалями.

Но в массе текстильщиков были и лентяи, рвачи,

лодыри, прогульщики, дезорганизаторы производства, против которых ополчался в своих стихах поэт.

Прогульщика мы осадили как надо,
А разве в цеху не осталось врага?
Нередко в упор по ведущим бригадам
Стреляет словами кулацкий слуга...

А. Благов находит поэзию и красоту в работе текстильщиков, в белоснежных кипах ткани, в движении машин и станков. Будничная, как будто мало заметная, работа ткача поднята в его творчестве на высоту общегосударственного значения.

Дела и стремленья,
Что прямы и честны,
На нашей земле не забыты ничьи,
В мире оваяно славой чудесной
Ваше имя,
Герои-ткачи.

(«Время», 1936)

Поэт говорит о товарищеской спайке между ткачами, о единстве их рядов, о дружбе между ними. Заболевший рабочий печалится, что он бодрым шагом не выйдет по гудку на работу и не вольется «ручейком... в родимую реку». Поэт постоянно говорит о единой семье — «семья трудовая», «семья прядильщиц и ткачих», которая сильна и дружна. Источником этой дружбы является свободный труд.

Радостный свободный труд, чувство семьи единой рождает беспредельную любовь к Родине.

Тема советского патриотизма, любви к Родине, к Коммунистической партии, к родному текстильному краю, к городу ткачей, к текстильной фабрике художественно, тепло и взволнованно разработана А. Благовым («Разгони случайную кручину», «Недопетая песня», «Солнцем радости согрета», «Родина», «Любимому краю», «На фабрике» и другие).

Патриотические стихи поэта — бодрые, жизнерадостные, эмоционально насыщенные.

Поэт славит нашу Родину, он сравнивает Советскую землю с плодоносным садом, цветущим от морей до Красного Кремля. Она, как светлый маяк, возвысилась над миром и «грядущее свое в ней видят все народы».

Какой же любовью любить ее, какую же песню сложить про нее? — спрашивает поэт.

Страна, как утро мая, молода,
Страна свежа, как горная вода,
Страна богата песнями в труде,
Каких покуда не поют нигде.
Счастливейший,
Я в той стране рожден,
Навеки слит с ее людским дождем.

(«Недопетая песня»)

Горячо любя советскую Родину, поэт любит и свой родной текстильный край, «заводский край», фабричные города, села и деревни, поля и леса, «и шум станков и говор вод» («Любимому краю», 1924).

А какими зачарованными глазами смотрит поэт на новое социалистическое Иваново! Это город — молодец, «синеглазый с черными кудрями», улыбающийся, веселый, освещенный ласковыми лучами весеннего солнца, в окружении «фабрик-красавиц», богатый материальной и духовной культурой. В городе кипит жизнь — советские ткачи в нем живут, работают, творят.

Много блеска у майских высот,
Но у города больше красот.
Город ситца широк и богат:
Трубы с тучами вровень стоят...
Необъятны его корпуса,
Многозвучны машин голоса.
По просторным цехам я иду,
Их работа на полном ходу.
Разноцветный сатин предо мной
Зацветает, как поле весной,
Льются метры тугих миткалей,
Серебристого снега белей.
Я встречаю, как близких своих,
Знаменитых прядильщиц, ткачих...
Я плыву в говорливой волне,
Сотни лиц улыбаются мне:
Пусть на плечи ложатся года —
Жизнь прекрасна — душа молода.

(«Наш город», 1936)

Это жизнерадостное мироощущение, эти яркие краски

и волнующие звуки исходят от пламенного советского патриотизма, которым переполнено сердце поэта.

Так же восторженно поэт воспел и новую советскую текстильную фабрику. Это не старая, грязная, душная фабрика собственника-капиталиста, которая выжимала последний пот и кровь из рабочего, где считали рабочего «много хуже скота подневольного» и где гибли преждевременно тысячи людей. Такая фабрика была смертельно враждебна рабочему. А это — советская фабрика, народная.

Что у нас за фабрика,—
Экая краса!
В речку, точно в зеркало,
Смотрят корпуса.

(«Наша фабрика», 1950)

Вот, например, Ивановский меланжевый комбинат — «с волнением иду по ткацким залам» — говорит поэт. Какие здесь машины, станки, и всё наше — отечественное. Он гордится «светлой конструкторской мыслью». Воспевая слаженную работу этих машин, поэт представляет, что они «весь день ведут согласный разговор». Одетый в бетон, «высок и строен» стоит этот «текстильный богатырь». А кругом его, в фабричном дворе цветет прекрасный сад — «яблони кудрявые с вишнями шумят». Это место отдыха рабочих. Радостно работать на такой фабрике. За станками поэт видит кругом счастливые, улыбающиеся лица ткачих-работниц.

В процессе борьбы и труда формируются, закаляются советские люди; проявляют свои качества, способности, таланты; сближаются между собою, дружат, любят. Влюбленную пару поэт показывает в обычной производственной обстановке: происходит всё просто, естественно, правдиво.

Поведешь глаза направо,
За чугунные леса,
Комсомолочки кудрявой
Встретишь милые глаза...
Полюбились за работой,
Ничего плохого нет!

(«Песня», 1926)

Молодой ткач не может оторвать от своей возлюбленной восхищенного взгляда: он сравнивает ее с румяной утренней березкой и видит, как сквозь окна корпуса

лучи солнца целуют ее стан, живой и гибкий, он следит за ее взглядом, который она устремила на полотняные ручки, и ему любо, радостно от ее улыбки («Ремни колыхаются»).

В своих стихах поэт отразил борьбу нового — нарождающегося со старым — умирающим: в строительстве нового быта среди текстильщиков, в воспитании нового советского человека, в формировании новой семьи («Думы за станками», «Песня», «Друзьям», «Поселок», «Цветет наше время чудесною новью», «Стихи о Меланжевом», «Молодость жизни», «Распутье», «Никита», «Личное», «Слово соседа», «Хулиган» и др.).

Новая жизнь входила во все поры жизни. Она чувствовалась и в рабочем быту. Ткачи и ткачихи потянулись к знанию и культуре — стали настойчиво учиться. И какую беспредельную радость испытывали они от приобретенных знаний! «Цвету, как вешняя заря» — заявляла о себе сорокалетняя ткачиха, — потому что теперь у нее в думах книжка и тетрадь, и она «мысли Ленина читает» («Думы за станками», 1925).

Знания расширяли кругозор, рождали интерес к общественной работе. От мужа не хотела отставать и жена.

На собранья, заседания,
Мой сердечный друг,
Ты зачем, скажи, идешь один?

Ткачихе надоело воевать «с чугунами да пеленками», у нее «в груди свобода разлила огни», другая жизнь пришла «сердцу близкая», и она в восторге мечтает «стать коммунисткою» («Песня»).

Повышение общей политической и технической грамотности, активное участие в производственной и общественной жизни в корне изменяло психологию ткачей и увеличивало армию политически сознательных борцов за коммунизм («Наша осень», «Молодость жизни» и др.).

Но поэт не проходит мимо и теневых сторон быта. Он обличает тех, кто живет по-старинке: посещает церковь, отправляет религиозные обряды и праздники, организует на старый лад свадьбы («Распутье»).

Он с резкой иронией разоблачает хулигана, которому всё нипочем («Хулиган»).

Поэт не щадит и того, кто плетется в хвосте отсталых настроений, тянет «горькую» и топит в ней свой челове-

ческий облик. Этот человек сторонится новой жизни, теряет перспективу («Никита»).

А. Благов выступал в стихах непримиримым врагом мелкобуржуазных интересов рабочих, накопительства, мещанского уюта и индивидуализма. Поэт показывает окраинную глушь и высмеивает тех людей, которые радость жизни чувствуют не в общественных достижениях, а в узком, созданном ими домашнем мирке — в личной собственности. И жалки, ограничены их интересы.

Крепка окраинная глушь,
Не считаешь мертвых душ:
Те вяжут сплетни в три узла,
Другие режутся в «козла».

(«Личное»)

Между тем, как «у двора без теплого привета ходит новый быт».

Но прошли эти времена. Вместе с ростом нашей страны выросли и неизмеримо поднялись высоко в общественном и политическом отношении и советские люди. Иные песни запел и рабочий поэт — «цветет наше время чудесною новью», — говорит он.

Не та пора, не те и люди стали...
Все наши дни в движеньи молодом:
Не так уж дальни коммунизма дали —
Его приход ускорим мы трудом.

В творчестве поэта видное место занимают темы из жизни дореволюционной и послереволюционной деревни. Он говорил о тяжелом бесправном прошлом деревни и свободной счастливой жизни при советской власти; призывал бедноту к объединению, чтобы дать отпор кулакам, писал о культурном шефстве города над деревней, о смычке рабочих и крестьян, о их «надежной дружбе» («Сестра», «Две песни», «В отпуск», «В знойный день», «Родному пахарю», «С тальянкой», «Осень», «Урожай» и др.).

В стихотворении «Урожай» поэт говорит:

Наверно ждет товарищ-город
И день и ночь своих гостей...

Ряд стихотворений А. Благов написал для детей («Прогулка», «Красная Талка», «Ёлка», «Школьник

Петя», «Привет зиме», «Молодое племя», «Сердцем Родину любя» и др.). Поэт сердечно и тепло рассказывает детям о том, как коммунисты добывали людям счастье, как много сил отдали на то, чтобы создать детям счастливое и радостное детство. Только советские дети имеют подлинно счастливое детство. Весело отдыхают они в шумном летнем лагере. В лесу, у заветного костра, поют песни и культурно проводят время. Чувство единой семьи, товарищества, дружбы сплачивает советских детей в крепкий, морально здоровый коллектив. Детские площадки, пионерские лагеря, школа работают над воспитанием советской детворы. Поэт призывает детей отлично учиться, чтобы готовить из себя полноценных граждан социалистического общества.

А. Благов в своем творчестве откликается на все важнейшие события общественно-политической жизни страны. Он пишет патриотические стихи о выборах в Верховные органы советской власти, о всенародном депутате И. В. Сталине, о кампании по сбору подписей под Стокгольмским Воззванием, о борьбе за мир во всем мире и организованном отпоре поджигателей войны («Первый депутат», «9 февраля», «Нам нужен мир», «Не позволим», «Слово ткачихи», «Слава труду — создателю жизни», «Молодое племя», «Победы знамя понесут народы», «Ответ поджигателям войны» и др.).

Могучую, организованную народную силу грозного протеста поэт олицетворил в следующих словах:

Над планетою рея,
Поднимаясь в зенит —
«Руки прочь от Кореи!»
Гневный голос гремит.

(«Наша правда крепка», 1951)

Советские люди, ивановские текстильщики своим самоотверженным трудом крепят дело мира — «не для бойны — для мира тку» — заявляет простая работница-ткачиха. Поэт говорит — пусть мать растит своих детей, не зная слез, не зная горя, потому что ее покой и материнство охраняет вся страна.

На вахте мира
Вся страна родная.

(«Победы знамя понесут народы», 1951)

Поэт никогда не отрывается от реальной жизни, от почвы народной; в центре его стихов всегда стоит советский человек — творец, борец и созидатель.

Отражая чувства и думы текстильщиков, поэт показывает лирического героя не в отрыве от жизни, борьбы и строительства советского народа. В частном поэт находит общее, общее принимает специфические черты — оформляется, проявляется на местном материале из жизни ивановских ткачей.

Лирический герой поэта — рабочий-текстильщик, передовой человек нашей эпохи, политически развитой, борющийся за дело построения коммунистического общества, пламенный патриот советской Родины, преданный партии и народу. Это новатор-изобретатель, своим творческим трудом прокладывающий новые пути в текстильном производстве; это человек коллектива, тесно спаянный с массами и ведущий их вперед. Это человек высокой коммунистической нравственности, являющийся примером новых общественных и семейных отношений. Это борец за мир во всем мире, за мирный труд и счастье нашего народа и всего прогрессивного человечества.

А. Благов написал глубоко волнующие лирические стихи, где много чувства теплоты, яркого ощущения красоты природы («На фабрике», «Работай, цех отбельный мой», «Предосеннее», «На родине», «Утро», «Сад» и др.).

В поэме «Сад» поэт достигает высокого художественного мастерства, талантливо показывая и воспевая красоту природы в единстве со светлым радостным чувством к любимой.

Его стихи удачно сочетают историческую достоверность с художественным вымыслом, прошлое и настоящее («Талка», «Вера Мялова» и другие). Он хорошо владеет оружием сатиры («Десять писем», сб. «Ненависть»). В его поэзии много и народного юмора, который находится в тесной связи с устным рабочим творчеством: «Друг ты ситный, на меня не сетуй», «Шут с тобой... сиди, кормилец, дома», или

Пой, играй, моя гитара.
Пусть там скажут: «Вот-де, старый,
Разгулялся, смерть почуя...»
Слушать не хочу я!

Стихи А. Благова задушевные, напевны, мелодичны; некоторые из них переложены на музыку и прочно вошли в репертуар, исполняемый на клубных сценах. Например, «Песня старого ткача», музыка композитора-ивановца Н. Смирнова, «Дуся Виноградова», музыка В. Иванникова, «Прядильщица», музыка вичужанина И. Смыслова, «Стахановка», музыка С. Прокофьева, «Марш текстильщиков», музыка братьев Дан. и Дм. Покрасс. Некоторые из этих песен на Всесоюзном конкурсе на лучшую песню о текстильщиках получили премии.

Его произведения разнообразны по ритму, способам рифмовки и интонации. У него свой стиль, свой язык.

Для того ли, молодая, за тебя я шла,
Чтобы дома мне сидеть одной...

или:

Чье имя славит голос всенародный?
О ком сердца с любовью говорят?

Ярко, правдиво он рисует картины природы, которые очеловечены, образны, красочны. Отражая богатство и красоту явлений материального мира, поэт делает это постольку, поскольку ему необходимо раскрыть внутренний мир дум и чувств, настроений и переживаний своего героя. Пейзаж в его поэзии служит всегда средством раскрытия образа.

В поэзии А. Благова рассыпано много удачных эпитетов, сравнений, метафор, олицетворений: «запевай, гудок-петух», «черноокая ночь», «Рябина над тыном развесила свой нарядный цветной сарафан» и т. д.

Эти средства поэтического языка заимствуются также из жизни и быта текстильщиков.

Так глубоко идейные по своему содержанию стихи А. Благова находят свое воплощение и в мастерски отработанной художественной форме.

Необходимо сказать и о некоторых недостатках в стихах А. Благова. Например, местами заметны многословие и отвлеченность, наличие «общих мест», штампов («Фибра»), вместо художественного показа встречается иногда описательство («Торфмаш»), простота подменяется упрощенчеством («День в Ярославле»).

Иногда ритмическая четкость, гладкость стиха не гармонируют с его мужественным суровым идейным содержанием —

С врагами будет биться
Как падобно бойцу,
Со смертью не боится
Сойтись лицом к лицу.

(«Патриот», 1942)

Овладев методом социалистического реализма, в стихах А. Благов правдиво, реалистично, глубоко и идейно и эмоционально показывает читателю прошлое и настоящее и ведет его в будущее. Его произведения — ценный вклад в нашу поэзию, потому что никто так правдиво не сказал о советских текстильщиках, с такой любовью не воспел их труд, как это сделал А. Благов.

За годы советской власти рабочий класс в политическом и культурном развитии поднялся на небывалую высоту. Этот героический путь прошли и рабочие текстильщики. В их передовых рядах шел и рабочий поэт-ткач А. Благов. Он также рос политически, культурно и творчески.

Славен пройденный путь поэта. В своем творчестве он попрежнему бодро и молодо шагает вперед. Поэт сохранил и светлый ум и горячее сердце. Это сердце бьется большой любовью к советскому народу, к родной стране, к Коммунистической партии Советского Союза.

Светла, легка судьба моя.
К счастливым зорям коммунизма
На склоне лет шагаю я.

¹ Изд. «Федерация», М., 1932.

² Ивановское областное государственное издательство, 1953, стр. 278.

Вл. СКВОРЦОВ

Д. Н. СЕМЕНОВСКИЙ

Среди ивановских писателей старшего поколения поэт Дмитрий Семеновский занимает одно из видных мест. Начав свою литературную деятельность за несколько лет до Октября, он прошел трудный и большой путь творческих исканий. Временами поэт попадал под влияние чуждых ему школ и течений, мешавших раскрыться наиболее самобытным сторонам его таланта; порой поэт снижал требовательность к себе, и тогда мысль, заключенная в его стихотворении, лишалась тех черт настоящей поэзии, к которой обычно так чуток Семеновский. Но несомненно одно — через увлечения и ошибки он шел к высотам литературного мастерства.

Сегодня мы знаем Дмитрия Семеновского как талантливого поэта-лирика, поэта, у которого многому может поучиться наша литературная молодежь.

**

Дмитрий Николаевич Семеновский родился в 1894 году. Его детство протекало в доме отца — сельского священника, на лоне скромной, но бесконечно дорогой сердцу русского человека природы средней полосы России.

Близость к природе во многом определила лирическое направление творчества поэта. Потому в его стихах наиболее сокровенные думы и чувства чаще всего высказываются при созерцании поля, реки, рощи.

В детские годы будущий поэт хорошо узнал жизнь простого крестьянина и проникся искренним уважением к его труду. В большой семье небогатого сельского свя-

щенника, быт которой мало чем отличался от быта других деревенских семей, тоже знали, что такое нужда и работа.

Плечи мамы сгорбили ведра,
Чугунами надорван живот,—

писал впоследствии Семеновский.

Мальчик успешно окончил сельскую школу, после которой был отдан в Шуйское духовное училище. Позднее он поступил во Владимирскую духовную семинарию. Приблизительно 15 лет отроду он начинает писать стихи.

Литература этого времени не могла содействовать тому, чтобы юноша в своих первых поэтических опытах сразу стал на правильный путь. Напротив, многое в этой литературе было способно лишь сбить его с верной дороги, по которой шел А. М. Горький и немногочисленная группа пролетарских поэтов и прозаиков. Испуганные революцией 1905 года буржуазные литераторы после её поражения переметнулись в лагерь реакции. «Появилась целая орава модных писателей, которые «критиковали» и «разносили» марксизм, оплеывали революцию, издевались над ней, воспевали предательство, воспевали половой разврат под видом «культы личности»¹.

В журналах и других периодических изданиях этих лет главный тон задавали представители декадентства — одного из самых реакционных направлений буржуазного искусства. В рядах его сторонников были и талантливые люди. Достаточно назвать имена Блока и Брюсова, чтобы убедиться в большой влиятельности этого литературного стана, звавшего к уходу от действительности в узкий мирок интимных переживаний, в религию и мистику.

Читая стихи молодого Семеновского, не трудно заметить, что он не избежал воздействия упаднической, декадентской поэзии. Отголоски этого воздействия мы находим и в позднейших стихотворениях поэта. Сам он в одном из писем А. М. Горькому заявлял, что «решил быть поэтом прекрасной дали, грядущего Эдема, града невидимого и влюблен сейчас в слово «рай». Эта «декларация» весьма красноречиво указывает, что Д. Семеновский отдал определенную дань символизму.

Но были и другие факторы, определившие не только поэтическую, но и жизненную судьбу молодого человека.

¹ История ВКП(б), Краткий курс, стр. 96—97.

В условиях мрачных лет столыпинской реакции партия большевиков продолжала свою героическую борьбу, воспитывая в массах социалистическое сознание, готовя их к грядущей революции. И огромная идеологическая, политическая и организаторская работа Коммунистической партии давала свои плоды. Всё более частыми и целеустремленными становятся выступления рабочих и крестьян, и, наконец, начинается новый подъем революционного движения, толчком для которого послужил ленинский расстрел рабочих в апреле 1912 года.

«Новые, революционные настроения,— вспоминает этот период своей жизни Д. Семеновский,— залетали и в стены бурсы (то есть Владимирской духовной семинарии — Вл. С.).

Незадолго до рождественских каникул семинаристы устроили забастовку. Пятьсот рослых, крепких бурсаков, прервав занятия, собрались в актовом зале, помяли бока приехавшему архиерею, выгнали ректора и инспектора. Затем, укрепив в дверных ручках швабры, которыми сторожа подметали пол, бурсаки устроили митинг...»¹

В результате забастовки Д. Семеновский был исключен из семинарии и вместе с шестью другими семинаристами выслан из Владимира по этапу в родное село. Как все исключенные, он получил на руки «волчий билет». Двери учебных заведений оказались для него отныне закрыты.

Участие начинающего поэта в бурсацком бунте не было результатом недоразумения, случая. Рост общественного движения будил в юноше новые мысли, ставил перед ним волнующие вопросы, которые требовали настоятельного, скорого разрешения. В семинарии он пристрастился к чтению запрещенных книг.

Наряду со стихами, стилизованными под «модных» поэтов, Семеновский пишет стихотворения, отражающие его протест против существующего строя жизни. Первые свои поэтические произведения посылает в большевистские газеты «Невская звезда» и «Правда».

Будучи исключен из семинарии, проведя зиму в скитаниях по родственникам и знакомым, молодой стихотворец в поисках ответа на вопрос: что делать дальше? —

¹ Дм. Семеновский, А. М. Горький. Письма и встречи, «Советский писатель», 1938, стр. 3—4.

пишет письмо А. М. Горькому. Популярность А. М. Горького в это время была необычайно велика. Автор «Песни о Соколе» и «Песни о буревестнике», создатель новаторского революционного романа «Мать» и множества других замечательных произведений, он был известен и как внимательный собиратель молодых литературных сил, воспитатель и учитель целого ряда писателей, особенно выходцев из демократических слоев общества. «Верилось, — пишет Д. Семеновский, — что он не только может дать оценку моим стихам, но и вообще посоветует, как мне быть»¹.

Ожидания не обманули начинающего поэта. Через месяц с Капри, где жил в это время А. М. Горький, пришло письмо. Оно положило начало интереснейшей переписке и личному знакомству Д. Семеновского с великим писателем. Это общение имело огромное значение для всей последующей жизненной и литературной судьбы поэта.

«Искра божья у вас, чуется, есть. Раздувайте её в хороший огонь. Русь нуждается в большом поэте. Талантливых — немало, вон даже Игорь Северянин даровит! А нужен поэт большой, как Пушкин, как Мицкевич, как Шиллер, нужен поэт — демократ и романтик, ибо мы, Русь, — страна демократическая и молодая. Ищите себя, всех слушайте, всех читайте, — никому не верьте и везде учитесь. Сим и можете победить»².

Эти слова А. М. Горького из его первого письма Д. Семеновский запомнил на всю жизнь. Они выдвигали перед ним цель необычайно высокую и трудную. Равнение на образцы, названные А. М. Горьким, «подтягивание» себя к ним помогало ему воспитывать себя и как человека, и как литератора. Эти ободряющие слова придавали силы в минуты острого недовольства собой, напоминая о необходимости развивать и совершенствовать свой талант, раздувать «искру» в «большой огонь».

А. М. Горький помогает молодому поэту печататься, рекомендуя его стихи редакциям журналов «Просвещение», «Вестник Европы», «Современный мир» и другим изданиям.

¹ Дм. Семеновский, А. М. Горький. Письма и встречи, «Советский писатель», 1938, стр. 5.

² Там же, стр. 6.

Стихотворения Д. Семеновского, написанные в этот период, весьма разнообразны по тематике, но главным стержнем, вокруг которого сосредоточено всё остальное, является тема Родины. Она воплощена в десятках стихотворений. Иногда это лирическое раздумье о трудной, но многообещающей судьбе России, иногда — глубоко искренний, теплый рассказ о красоте непышной русской природы, о любви поэта к родному краю, о «сеятеле и хранителе» русской земли — крестьянине.

Творческий почерк Д. Семеновского еще не определился с достаточной отчетливостью. Наряду с самобытными сбразами встречаются строки и целые стихотворения, в которых поэт рядится в платье с чужого плеча. Наибольшее влияние на него оказали символисты и в первую очередь А. Блок, а также С. Есенин. Влияние первого яснее всего ощущается там, где Д. Семеновский делает попытки философски осмыслить исторический путь России, заглянуть в её завтрашний день:

Я тепло жизнь свою во имя
Твоей печальной красоты.
Заря — над далями твоими,
Но тяжким сном почил ты.¹

В другом стихотворении он пишет:

Ты — вся в сугробах и метелях,
Он неизменен, облик твой,
Ты — звездный пламень в темных елях
Да вольный ветер полевой.

Такие стихи — наиболее слабые из того, что написано Д. Семеновским о России в ранние и поздние годы. Образ Родины лишен в них исторической конкретности и реалистических черт. Туманные «дали», «тихий рай раздолий» — всё это не столько от жизни, сколько от книг. Беда заключалась не в том, что Д. Семеновский следовал здесь А. Блоку, — у этого большого писателя и замечательного мастера стиха было чему учиться, — беда заключалась в том, что молодой поэт заимствовал у А. Блока наименее ценное, преходящее, от чего и сам А. Блок впоследствии отказался.

Д. Семеновский оригинальнее оказывался там, где он,

¹ Как и все цитаты, эта строфа дается в позднейшей редакции. — Вл. С.

отбрасывая абстрактное, неземное, обращался к природе, которую он хорошо знает и тонко чувствует, там, где он непосредственно связывает свои мысли, чувства с тем, что видят его глаза:

Поляна, пни, пугливые осинки
Да горькая зеленая трава,
В траве — цветы, как пестрые косынки,—
Не этим ли любовь моя жива?

Эта живая, а не обескровленная бесплотной символической любовью к Родине диктует поэту его лучшие стихи о природе: «Родина», «Поле, кашки с медуницей», «Дорога», «Вот и май с соловьиными звонами», «Жимолость» и другие. В большинстве из них обнаруживается собственный взгляд Д. Семеновского на мир, слышны его собственные интонации, а также отголоски устной поэзии народа.

В начальный период творчества Д. Семеновский часто обращается к религиозным мотивам. Таков, в частности, большой цикл «Иконостас» и ряд отдельных стихотворений. Но религия привлекает поэта не самим своим существом, а внешней, обрядовой стороной. «Светильник веры в душе угас»,— заявил Д. Семеновский уже в одном из ранних стихотворений. Если поэт и позднее использует религиозную символику, то делает это больше по привычке к сусальной живописности её образов, чем из искренних душевных возбуждений.

Наоборот, социальные темы, темы революционной борьбы, вести о которой свежим ветром врываются в узкие окна семинарии, начинают занимать свое законное место в ряду ранних стихов молодого поэта. Первое стихотворение, опубликованное Д. Семеновским в большевистской «Правде», рассказывало о тяжелом, изнуряющем труде промышленного пролетариата.

Сочувствие автора — на стороне тех, кто на собственных плечах ощущает тяжелую несправедливость жизни. В этом отношении чрезвычайно характерно стихотворение «Китайчонок». В нем очень немногословно, но с большой лирической силой говорится о судьбе молодого жителя далекого Китая. Поэт показывает его лишь на одном из горьких этапов жизненного пути:

Вот он в чайной туманной неловко приплясывает,
Заунывною песней о солнце тужа,

И бросает, и ловит, и снова подбрасывает
В синь табачного дыма четыре ножа.

Но сквозь чад этой русской чайной мы различаем в основных чертах и прошлое китайчонка-жонглера. Не «охота к перемене мест» гонит его по необъятной земле из страны в страну, из города в город, а жестокая нужда, голод, суровая необходимость уходом из дома облегчить положение семьи. Отец его, повидимому, уже умер, сломленный ударами жизни. Остались мать и родина — милая сердцу, но суровая сторона, где нет счастья тем, кто живет не чужим, а собственным трудом.

В думах — синие реки и рощи Китая,
Золотой гаолян и усталая мать.
Он крепился, домашний порог покидая,
И сумел закипавшие слезы унять.
Плакать — после... О, скука глухая, отчаянная!
Далека материнского поля межа.
Равнодушно шумит запотевшая чайная,
И мелькают, мелькают четыре ножа.

Один из исследователей творчества поэта писал, что в пору своей молодости Д. Семеновский выступает как выразитель «заветных дум деревни, экономически вынужденной пойти в город, на фабрику, но не усвоившей сознания пролетариата до конца»¹. Такие стихи, как «Китайчонок», отрицательное отношение поэта к городу и близость к Есенину говорят о том, что это, в общем схематичное, определение не было лишено известной доли истины.

При всей ограниченности, присущей части ранних стихов Д. Семеновского, и художественная, и идейная ценность многих из них несомненна. За исключением отдельных срывов, его творчество светло даже в грусти, а одним из ведущих мотивов с самого начала становится любовь к жизни и людям.

Пример гуманизма молодому поэту показывает А. М. Горький — не только своим творчеством, воспевавшим человека, но и внимательным, заботливым отношением к самому Д. Семеновскому. Благодаря содействию и материальной помощи знаменитого писателя, выделившего из своих личных средств стипендию для учебы

¹ Н. Бельчиков, Творческий путь Дм. Семеновского, «Рабочий край», 7 марта 1926 г.

Д. Семеновского, последний в 1913 году переезжает в Москву, поступает здесь в народный университет имени Шанявского. Но учиться пришлось недолго: началась империалистическая война.

В годы войны Д. Семеновский работает в Ивановском государственном банке. Он становится свидетелем борьбы ивановских текстильщиков, руководимых большевиками, за свои политические права. Хорошо запомнил он тот день августа 1915 года, когда на Приказном мосту по распоряжению царского пса полковника Смирнова солдаты расстреляли ткачей, которые шли с требованием освободить арестованных товарищей.

Д. Семеновский дважды встречается в это время со своим великим учителем: в Москве и в деревне Нейвола (Финляндия). После революции с А. М. Горьким у Д. Семеновского были еще две памятные встречи — в 1919 и 1921 годах. Нет нужды говорить о том, насколько благотворно было для молодого ивановского поэта личное общение с родоначальником социалистического реализма, а также переписка с ним. После смерти А. М. Горького Д. Семеновский выпустил талантливую искреннюю книгу своих воспоминаний о нем¹. Эта книга — одно из значительных явлений в ряду книг тех советских писателей старшего поколения, которым выпало счастье быть лично знакомыми с А. М. Горьким. Она дала в руки советских литературоведов богатый материал для выяснения взглядов А. М. Горького на жизнь и искусство, для характеристики его как воспитателя литературных кадров, учителя писательской молодежи.

**
*

Империалистическая война прервала подъем революционного движения, начавшийся в 1912 году. Но поражение царской армии, плохо снабжаемой и руководимой подчас немецкими шпионами, хозяйственная разруха и голод в стране вызывают недовольство широких масс. В феврале 1917 года совершилась вторая русская революция. В результате ее власть в стране захватывает буржуазия. Народ получил «свободу». Но капиталисты не

¹ Дм. Семеновский, А. М. Горький. Письма и встречи, «Советский писатель», 1938.

желали прекращения войны, тем самым разоблачая себя как врагов интересов трудящихся. Возглавляемый Коммунистической партией рабочий класс, в союзе с крестьянской беднотой, при поддержке солдат и матросов, в октябре 1917 года свержает диктатуру буржуазии и учреждает новый тип государства — социалистическое советское государство.

Д. Семеновский безоговорочно и сразу принимает и приветствует революцию. Она внесла большие перемены в судьбу нашего поэта. Из «вольнонаемного канцелярского писца» Иваново-Вознесенского государственного банка он становится делопроизводителем городской управы, а затем — уже на долгие годы — сотрудником редакции газеты «Рабочий край», т. е. активно политически сотрудничает с новой властью.

Такова внешняя сторона жизни Д. Семеновского в это время. Но гораздо более трудным и сложным делом оказалась для него внутренняя перестройка. Поэтические средства, с помощью которых он пытается осмыслить происходящий переворот, нередко оказываются ветхими и несамостоятельными. В стихотворении «Священник-большевик» Д. Семеновский обращается к образу Христа:

Ты, кто выпил кровавую чашу
И, как агнец, безвинно заклан,—
Встань за красную родину нашу,
За рабочих и бедных крестьян!

А. Блок в своем отзыве на стихи Д. Семеновского по вполне понятным причинам выделяет это стихотворение в ряд лучших: автору поэмы «Двенадцать» такое восприятие революционной бури было близко. Но для Д. Семеновского оно не было шагом вперед. Недаром поэт не включает это стихотворение в позднейшие издания своих произведений.

В ином поэтическом ключе написано другое стихотворение, относящееся к той же поре первых послереволюционных лет:

Как ветер весенний, неожиданно и ново,
Меж нами промчалось заветное слово,
Заветное имя одно:
— Товарищ! —
Как песня звучит нам оно.

Публицистические стихи, подобные стихотворению «Товарищ», из которого выписаны эти строчки, Д. Семеновский писал и до революции. Они весьма красноречиво говорят об идейных устремлениях поэта. Но в силу характера своего дарования, большего художественного успеха он достигает не в этих публицистических стихах, а в тех, где политическая тема осмыслена лирически. Одним из таких удачных стихотворений является «Сходка»:

...Билось красное знамя — жар-птица,
Словно пчелы, гудело в толпе:
— Нам, товарищи, надо сплотиться,
Как усатым колосьям в снопе!..
Не с похмелья, не с бражного пира
Затянул грамотей-паренек
«Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног»

Работа в редакции газеты «Рабочий край» обостряет политическое зрение поэта. Он не раз выступает на газетных полосах со стихами остро-тенденционного направления, в том числе со стихотворными фельетонами на «внешние» и «внутренние» темы. Одним из ранних его произведений сатирического жанра является маленький фельетон «Золотопогонники» (1919), высмеивающий в пародийной форме белогвардейских главарей Деникина, Колчака, Семенова, Дутова и других, наголову разбитых молодой Красной Армией. Поэт и позднее прибегает к этому жанру. По словам А. М. Горького, его фельетоны «беспощадно бьют всё, что нужно бить словами правды, и всех, кого следует бить».

В 1922 году выходят сборники стихотворений Д. Семеновского — «Под голубым покровом» (изд. «Гамаюн») и «Благовещение» (изд. «Свирель», Иваново-Вознесенск). В их состав входят стихи предреволюционных и послереволюционных лет. Книги эти по существу никак не соответствовали той суровой поре, которую переживала страна, только что получившая передышку от борьбы с иностранными интервентами и белогвардейской контрреволюцией. Как и у ряда других поэтов того времени, у Семеновского создался определенный разрыв между политическим и поэтическим осознанием величия и красоты дела, творимого народом.

Некоторые (вообще немногочисленные) исследователи творчества Д. Семеновского, по справедливости сурово оценивая этот факт, вместе с тем впадали в ошибку, целиком отрицая ценность того, что создается поэтом в области лирики в 1917—1925 годах.

Лучшие его стихотворения, посвященные родной природе и любви, крепко связывают поэта с «прелестной, обольстительной землей». Не в отрыве от неё, а в тесном слиянии с ней видит автор залог своего счастья, своего будущего. Д. Семеновский славит «праздник жизни», воспекает красоту родного края:

Я знаю, что солнце, веселое солнце
Сияет во всем, обитает во всех.
Зимой засверкает в алмазном оконце,
Под осень затеплится в рыжем овсе.
Оно переплавилось в колос и взлос,
Оно притаилось во всяком из нас,
Оно остриями лучей прокололось
Из карих и серых девических глаз.

Солнце, этот символ радости и жизни, рассыпало свои лучи во многих стихотворениях поэта.

Потоплю глаза в густой лазури.
Мир — хорош. Душа весны — синя.
Русые свои ресницы жмурия,
Солнце загляделось на меня.

Одну из своих последующих книг Д. Семеновский так и назвал: «Мир—хорош». Эти слова как нельзя лучше передавали мироощущение поэта. Возникающие иногда в его стихах мотивы грусти не перерастают в безысходную тоску. Напротив, временная печаль соседствует у поэта с радостью предчувствия счастья, с радостью любви к природе и людям.

Гуманизм Д. Семеновского претерпевает существенные изменения. Прежде мысль о братстве людей чаще всего принимала форму сладенького христианского миролюбия. Долгие годы поэтом владеет мысль, что «любовь голубиная» и ничто иное движет миром. Суровая действительность первой в мире социалистической революции, борьба пролетариата с жестоким и коварным врагом излечивает поэта от «утешительной лжи», от былых иллюзий. Он переходит на позиции пролетарского

гуманизма и в 1923 году открыто и смело заявляет об этом:

Есть мир гармонии и лада,
Но чтоб найти к нему пути,
Сквозь мрачный хаос жизни надо
Знамена гнева пронести.

Мне тяжело, когда подобя
Людей зверям, слепая кровь
Темнит их взор, но — слава злобе,
Воинствующей за любовь.

Стихотворение «Слава — злобе» было для поэта этапным: оно отражало то принципиально новое в его взглядах, что было следствием Великого Октября. Эти стихи были замечены А. М. Горьким, строчки из них он цитирует в одной из своих публицистических статей. Аналогичную мысль Д. Семеновский кладет в основу другого стихотворения, написанного в 1926 году («Не дрогнет лист, не шелохнется колос»).

Приблизительно с этого времени живая действительность социалистического строительства в городе и деревне завоевывает прочное место в его творчестве. Как глубоко личное заявление воспринимается стихотворение «Перестройка», в котором поэт, выражая настроения определенных сельских и городских кругов, признает:

Глядим не теми, что вчера, —
С сознания сходит прошлого короста, —
И наши будни светят, как пора
Неудержимого цветения и роста.

Д. Семеновский в конце двадцатых и начале тридцатых годов создает серию стихотворений, в которых подвергает пересмотру свое отношение, как поэта, к ряду давно волновавших его тем. С удовлетворением отмечает он, что нарушен заскорузлый единоличный уклад жизни деревни, что объединение крестьянских дворов в сельскохозяйственные кооперативы ведет к уничтожению власти мироеда-кулака:

Для деревни не страшен
Вой кулацких угроз,
Коль работники пашен
Ладят крепкий колхоз.

По-иному смотрит Д. Семеновский на город. Не место, где много дыма и грязи, видит он в нем, а аванпост революции, фабрику счастья, где прядется основа новых дней («Иваново-Вознесенск»). С восхищением пишет поэт об огромном строительстве, меняющем весь облик «заштатного» прежде Иваново-Вознесенска — о Меланжевом комбинате, красавице-Дзержинке, об исчезновении лагун и росте новых рабочих поселков. Дворец культуры, здания страхкассы, почты, гостиницы — каждая из этих новостроек — яркое подтверждение мысли поэта:

Так зерна пятилетки
Врастают в нашу жизнь.

Д. Семеновский пишет о текстильщиках города, об их единодушной сплоченности, революционных традициях («Знамя», «Мы красные текстильщики», «Всегда работать»).

Поэт не забывает и о том, что борьба не закончена.

Хищный враг на нас косится:
Что ж... не дрогнем мы в бою,—

говорит он в одном стихотворении, а в другом («Гуденье церковной меди») показывает пример борьбы с врагом силой поэтического слова, рисуя отвратительный образ обывателя из разбитого стана, обывателя, сокровенная мечта которого — задушить партийца-соседа.

Годы всё более и более расширяют круг затрагиваемых Д. Семеновским тем. Особое его внимание привлекает преобразование природы нашей Родины. Одному из незаметных, но честно делающих это большое дело героев поэт посвящает поэму «Сад». Поэма эта необычна. Садовод-оплитник Самцов, о котором идет в ней речь, — реальное лицо, житель Ивановской области, выросший в суровых условиях севера виноград, баклажаны и другие теплолюбивые растения. Поэма получилась несовершенной — излишне длинной и однообразной по манере изложения. Но она вызвала одобрение А. М. Горького как серьезная попытка Д. Семеновского возвысить человека труда, подвиг которого никогда не проходит бесследно для человечества. С сокращениями и прозаическими «мостиками» поэма по предложению Алексея Максимовича была напечатана в журнале «Колхозник».

Д. Семеновский пишет стихи о Мичурине, челюскинцах, о Горьком, Пушкине, Ломоносове. Природа попрежнему остается одним из источников его вдохновения.

К концу тридцатых годов окончательно вырисовывается творческий облик поэта, его сильные и слабые стороны. Когда-то А. М. Горький указывал Д. Семеновскому, что у него есть нечто свое, и это свое нужно беречь и развивать. С тех пор поэт прошел большой путь. И своеобразие, печать которого лежала на некоторых его ранних стихотворениях, не было им растеряно, а наоборот, стало еще более зримым.

Д. Семеновский — лирик-жизнелюб. Ему доступны тайны неувядающей красоты природы, которую он горячо и самозабвенно любит.

В пору своего становления поэт некоторое время увлекается натурализмом, мелочной регистрацией всего осязаемого, пахучего. Теперь изображение природы уже не является для него самоцелью, а служит главному — глубокому раскрытию духовного мира человека. Всё, что видит вокруг себя поэт, всё, что становится предметом его изображения, одухотворено глубокой мыслью, искренним чувством:

Изгородь, горбатое гумёнце,
Придорожной елочки шатер.
Заскучал о ландышах, о солнце
Полевой обветренный простор.
Милый север! Как же много значит
Он, пригожий, сердцу моему!
И, светясь улыбкой, сердце плачет,—
Отчего, не знаю, не пойму.

Поэт любит красоту земли, но умеет ценить и красоту человеческого сердца, труда, подвига. В пору своей зрелости Д. Семеновский приходит к осознанию того, что мир существует для людей, что

Стоит жить! И жить затем,
Чтобы счастье в этом мире,
Как весна, пришло ко всем.

Горячая заинтересованность в судьбе людей подсказывает Д. Семеновскому слова для изобличения несправедливости старого строя жизни. Такие стихи, как «Китайчонок», «Кража», по своим художественным достоин-

ствам, впечатляющей силе равноценны лучшим стихотворениям А. Блока, имевшим такую же целевую установку (например, «Под насыпью, во рву некошенном...»).

Самостоятельность Д. Семеновского мы видим также и в том, как он ставит, как разрешает темы любви. Воздействие декадентов на молодого поэта, учившегося у них «технике», равно здесь по существу нулю. Честное и целомудренное отношение к женщине составляет основу его стихов о любви. Нельзя удержаться, чтобы не привести здесь полностью стихотворение, начинающееся словами «Юных глаз счастливое сиянье» — одного из лучших в любовной лирике Д. Семеновского.

Юных глаз счастливое сиянье
И волненья радостного дрожь,
Как заветное воспоминанье,
Ты всегда в душе моей найдешь.
Помнишь: увидала, подбежала,
Хорошея сердцем и лицом,
И сияла взором и дрожала
Молодым сквозистым деревцом?
И недаром в том правдивом взоре
Так душа играла и цвела:
На любовь, на радость и на горе
Нежную ты руку мне дала.
В дни сомнений, в дни разуверений
Вспоминал я, милая, не раз
Трепет твой безудержный, весенний
И сиянье необманных глаз.
И когда на ложный путь разлада
Мы сбивались, счастья не храня,
Свет того девического взгляда
Возвращал тебе всего меня.
Дни летят. Весна сменилась летом,
В листьях плод таится золотой.
Ты лучишься новым ровным светом —
Материнства теплой красотой.

Немало теплых, нежных и гордых слов посвятил поэт женщине-матери. Мы видим её и в дни счастья от сознания, что она несет в себе новую жизнь, и в заботах о любимых, и в горькой печали жестоких утрат.

Творческий опыт Д. Семеновского свидетельствует о

том, что, видя прелесть жизни, воспевая её, он способен различать то, что враждебно ей, в силах по-своему, с большим поэтическим мастерством клеймить всё прогнившее, омертвевшее, мешающее росту и цветению молодого, радостного, красивого.

Стихам поэта чуждо громкое звучание, декларативность. Д. Семеновский агитирует не лозунгами, а лирическим рассказом о том, что волнует его, что волнует современников поэта. Его отступление от этого главного для него принципа, как правило, приводило к неудачам. Именно по этой причине в некоторых его стихах 30-х годов мы не чувствуем духа поэзии Д. Семеновского. Самые симпатичные её черты стирает риторика, сухое резонерство.

**

Великая Отечественная война 1941—1945 годов была всесторонним испытанием материальных и духовных сил советского общества. Как раз накануне ее Д. Семеновский пишет стихотворение «Путь», в котором, обращаясь к эпохе монголо-татарского нашествия, с большой патриотической гордостью говорит о несокрушимости духа, о мощи русского народа. Даже в ту жестокую пору, заключает стихотворение поэт,

Сберег он русской речи серебро,
Свои обычаи, свои поля и гумна,
И горе тем, кто посягнет безумно
На жизнь его, свободу и добро!

В годы войны Д. Семеновский откликается на события несколькими стихотворениями, в которых выражена та же несокрушимая вера в неизбежность возмездия для гитлеровских извергов. Однако победа потребовала больших жертв. Вместе с тысячами советских людей боль потери испытывает и Д. Семеновский: на фронте погибает его сын («Тень», «Переключка писем...»).

Страдания и жертвы, понесенные советскими людьми, не иссушили душу народа, не снизили его творческую энергию. Еще в годы войны на освобожденных от врага территориях начали возрождаться из руин города и села. С приходом победы вся страна живет пафосом восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства.

Д. Семеновский совершает поездку на юг, много

работает. Результатом этой работы явился сборник новых стихов «Радуга», вышедший из печати в 1948 году. В этой книге поэт продолжает развивать лучшие качества своей поэзии. Основной, заглавный цикл сборника Д. Семеновский посвятил отображению жизни страны в первые годы после окончания войны.

Сборник открывается большим стихотворением «Под южным солнцем». Щедро, яркими красками рисует поэт богатую природу Крыма. Но она не заслоняет от его взгляда и следы недавних боев. Поэт подмечает, что «мальчик-пастух под ногами у коз находит пустые патроны»; высоко в горах видит он братскую могилу партизан, погибших в бою с гитлеровцами. И торжественной печалью веет от раздумий лирического героя стихотворения:

За море, за горы их кровь пролита,
За свет, за тепло и обилье,
За то, чтобы райские эти места
Вовеки советскими были...

Товарищи, пройден ваш путь боевой —
И жизни конец, и походу.
«Вы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной к народу».

Но нет, вы живете. Вы — в наших сердцах,
Вы — в солнечном свете и ветре,
Вы — в тучке сквозной, что гостит на зубцах
Гранитных утесов Ай-Петри.

В стихотворении «Под южным солнцем» и в ряде других стихов цикла «Радуга» («Возвращение», «Два брата», «Возрождение») Д. Семеновский говорит о «духе созидания», который царит на просторах Родины. В пейзажных стихотворениях поэт вновь обнаруживает свое высокое умение подмечать тончайшие явления в природе. Лирическая миниатюра «Веснушки», как и ранее написанные стихи о любви, по теплоте, ясности и благородству выраженного в ней чувства заставляет вспомнить творчество другого советского поэта — С. Щипачева.

Второй цикл сборника — это думы поэта о творчестве и жизненном пути виднейших мастеров художественного слова — Л. Толстого, Шота Руставели, Некрасова и др. Третий цикл посвящен детям.

Сборник Д. Семеновского «Радуга», наряду с положительной оценкой основной части его стихов, вызвал в печати серьезную и даже излишне резкую критику¹.

Некоторые стихотворения этой книги, несомненно, несут на себе печать подражательности. Д. Семеновский не освободился до конца от влияния старых поэтических школ и, в частности, от воздействия А. Блока. Об этом свидетельствует начало хорошего стихотворения «Возвращение»:

Через кошмары наяву
И в быль облекшиеся бреды
Пришли народы к торжеству
Так страстно чаемой победы.

Выделенные здесь строки лишены конкретной образности, обычно присущей стихам поэта. Копированием А. Блока является стихотворение Д. Семеновского «Краса»:

Через ревущие пожары
И вихри небывалых гроз
Ее пленительные чары
Во всей ты прелести пронес.

Созерцательность, пассивное отношение к изображаемому снижает ценность ряда стихов поэта. Думается, что Д. Семеновский вполне освободится от этого недостатка в своих будущих книгах.

А. М. Горький отмечал в таланте нашего поэта способность глубоко постигать явления действительности. В предисловии к сборнику Д. Семеновского «Земля в цветах» он писал: «Сила настоящего искусства в том, что оно, взяв простейшее, обыденное явление, вскрывает его глубокий социально-драматический смысл, показывает его крепкую зависимость от общих условий жизни, от ее коренных основ. Обладает ли Семеновский этой силой? Я бы сказал: да, обладает».

В этих словах — высокая оценка поэта. Ими и хочется заключить наш небольшой очерк жизненного и творческого пути Дмитрия Николаевича Семеновского.

¹ См.: В. Павлов «Нестареющее слово», — «Ивановский альманах», кн. 12, стр. 222—224; «Полюбить людей, их труд!» — ред. статья газ. «Ленинец», 1951 г., 22 июля; Г. Горбунов «К новым успехам» — «Ивановский альманах», кн. 15, стр. 200—202.

И. РЯБОВ.

О КНИГЕ В. В. ПОЛТОРАЦКОГО „В ДОРОГЕ И ДОМА“

Очерки Бориса Галина о Донецком бассейне и Мариэтты Шагинян о советской Армении, удостоенные в свое время Сталинской премии, были опубликованы впервые в литературно-художественных журналах.

Книга Виктора Полторацкого «В дороге и дома» составлена из очерков, печатавшихся в газете «Известия».

Присуждением в 1952 году этой книге Сталинской премии еще раз отмечена важность жанра. Знаменательно то, что очерк в газете уравнивается в правах с большим журнальным очерком. Надо полагать, что высокая оценка газетного очерка положит, наконец, предел пренебрежительному отношению к нему со стороны некоторых критиков и литературоведов, не замечающих или замалчивающих существование этого жанра.

Пренебрежение к очерку имеет свою историю, и историю весьма поучительную. Глеб Успенский с негодованием писал о своих идейных противниках, называя их представителями «литературы бельэтажа», — эти господа высокомерно третировали публицистическую деятельность выдающегося писателя-демократа. Им казались «низменными» темы и вопросы, которые ставил в своих очерках Успенский. Его творчество, питавшееся действительностью, было органически враждебно снобам, рожденным «для звуков сладких и молитв».

Писатель С. Елпатьевский в своих воспоминаниях рассказывал о «допросе», которому был подвергнут в одной компании Глеб Успенский. «...Я был младший, и робкий, и больше молчалив, — я в первый раз видел писателя и к самому слову «писатель» относился тогда с благоговением, — но между нами были старшие, казавшиеся

мне тогда такими старыми и такими серьезными, те молодые люди, которые обо всем имеют определенное мнение и которые допрашивают писателей, почему они пишут так, а не этак. Они допрашивали Глеба Ивановича, не думает ли он писать роман или повесть, большой роман и вполне законченную повесть,— повесть как следует, давая ему уразуметь, какой убыток для русской литературы и жизни — маленькие отрывки и короткие наблюдения, то есть то самое, что делал тогда Глеб Иванович».

Ноты осуждения писательской манеры Успенского мы встречаем у ряда литераторов прошлого века. А. И. Эртель жалел, что крупный художник, дескать, растрчивает свой талант на «фотографические очерки, перемежаемые публицистикой». Причину этого явления критик узрел в ...излишней нервности и в излишней отзывчивости Успенского на злобу дня. Спасение для Успенского критик видел в том, чтобы... «уединиться от жизни». Критик советовал: «Изолировать нервы свои от непрестанной вереницы терзающих явлений — вот в чем фокус. Если этого не случится, Глеб Успенский пройдет в нашей литературе плотником, но не зодчим. А сколько от этого потеряет наша литература — выразить боюсь».

Заметим в скобках, что все это говорилось и писалось в ту пору, когда Успенским уже были созданы такие выдающиеся циклы очерков, как «Нравы Растеряевой улицы», «Разоренье», «Из деревенского дневника»!

Опасения насчет судьбы Глеба Успенского были напрасны. История вынесла свой приговор «литературе бельэтажа», культивировавшей в «слоновой башне искусства», история дала оценку и литературе революционной демократии, литературе, рождавшейся в острой драматической борьбе живых сил русского народа с темным царством буржуазно-помещичьей России. Благополучно канули в лета имена романистов, писавших пухлые книги на потребу изнеженным и скучающим барыням. Кто помнит теперь имя князя Мещерского, рисовавшего «высший свет», имена господ Муравлина и Орловского, писавших о помещичьей аристократии?! А ведь они противопоставлялись очеркисту Успенскому, их «большая» литературная форма превозносилась в пику творческому методу очеркиста-демократа.

Журнальные и газетные очерки Глеба Успенского ос-

тались в литературе на правах классического образа. Кто теперь всерьез упрекнет их автора в том, что в его литературном наследстве нет ни повести, ни романа...

И в наши дни очерк еще, к сожалению, не получил полного признания. Какой-нибудь третьестепенный беллетрист, создающий свою продукцию в узкой камере своей фантазии и высасывающий сюжеты из пальца, иногда рассматривается, как творец, а очеркист, находящийся на переднем крае жизни, на строительных лесах нашего великого славного века, ведущий животрепещущую летопись современности, не удостоивается внимания со стороны литературоведов и критиков. В «Литературной энциклопедии» мы не найдем имен очеркистов. Этих имен нет и в критических книгах, трактующих о связи жизни с литературой, о познании писателями жизни, об отражении действительности в литературе. Крайне редки рецензии на очерковые книги в журналах, да и эти рецензии касаются практики трех-пяти московских авторов. Вне поля зрения рецензентов остается огромная и плодотворная работа в жанре очерка, ведущаяся на периферии, служащая благородному делу изучения и познания родной страны.

Очерк — литература, и большая литература. Об этом не раз говорил Максим Горький. Он писал: «Очерк всегда считался критиками низшей формой литературы, что вообще неверно и несправедливо. Вспомним хотя бы только двух мастеров очерка, совершенно не сходных по характеру талантов и мироощущений: Глеба Успенского и Ги де Мопассана. Может быть, следует указать, что «Записки охотника» И. С. Тургенева по форме своей не что иное, как очерки, что этой формой не брезговали: Салтыков-Шедрин, Писемский, Лесков, Слепцов, Помяловский, Короленко и целый ряд очень крупных, весьма прославленных литераторов».

Говоря о советской литературе, Горький радовался широкому потоку очерков, указывая на роль этого жанра. Он требовал: «Отнестись серьезно к работе «очеркистов» и, перестав считать очерк «низшей формой искусства», всемерно помочь ему расти и развиваться до пределов возможного совершенства».

Виктор Васильевич Полторацкий родился в 1907 году в семье железнодорожника. Город Ашхабад — место его рождения. Но первые впечатления жизни связаны для Полторацкого не с этим городом на знойном юге, его детские годы прошли в Гусе-Хрустальном, Владимирской губернии. Небольшой заводской поселок в кольце хвойных лесов, скромная и глубокая красота русского севера, изумрудные берега Клязьмы — все это с большим основанием, чем юг, можно считать родиной писателя. Здесь началась его сознательная жизнь, здесь с четырнадцати лет он стал работать в паровозном депо, сначала учеником слесаря, потом слесарем и помощником машиниста. В 1927 году Полторацкий пошел учиться на рабочий факультет во Владимире. В 1933 году он окончил в Ярославле педагогический институт.

В юношеские годы Полторацкий начинает сотрудничать в периодической печати. Его стихи и очерки печатались во владимирской газете «Призыв». В 1933 году он становится сотрудником областной газеты «Рабочий край» в Иванове. В областном издательстве вышли четыре книги стихов Виктора Полторацкого: «Строительный сезон» (1931), «Теплый ветер» (1934), «Под небом родины» (1938), «Живопись» (1940). В 1940 году в Иванове вышел первый сборник очерков и рассказов «Лето».

С 1940 года В. Полторацкий переходит на работу в газету «Известия».

В качестве военного корреспондента этой газеты он был на Южном, на Сталинградском и на Первом Украинском фронтах. Фронтовая работа очеркиста отмечена советским правительством: В. В. Полторацкий награжден орденом Красного Знамени, орденом Отечественной войны первой степени, орденом Трудового Красного Знамени, медалями «За оборону Сталинграда», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги».

После окончания Великой Отечественной войны В. Полторацкий, как специальный корреспондент «Известий», работал в Париже, Нью-Йорке, Берлине, Вене, Варшаве. Журналистские поездки по родной советской стране и в другие страны дали ему материал для очерков.

Полторацким написано и опубликовано в газете многое. Лучшее из написанного им представлено в сборнике «В дороге и дома», вышедшем в 1950 году в издательстве газеты «Известия». За эту книгу и за очерки, опубли-

ликованные в 1951 году, В. В. Полторацкому присуждена Сталинская премия третьей степени.

Газета «Известинец» так писала о новом лауреате (статья Леонида Кудреватых): «В книге «В дороге и дома» Виктор Полторацкий отчитывается перед советским читателем о своей послевоенной творческой работе, о работе писателя-очеркиста, журналиста-известинца. Все, что собрано в эту книгу, написано специальным корреспондентом «Известий». Почти каждая строчка, опубликованная в книге, первоначально была напечатана в газете «Известия» и с одобрением встречена миллионами читателей... Виктор Полторацкий принадлежит к категории писателей — общественных деятелей. Дело не только в том, что всю свою жизнь Полторацкий нес какие-то большие служебные обязанности и заведовал отделами областной газеты, руководил областным отделением Союза советских писателей, а ныне является членом редакционной коллегии газеты «Известия». Дело в том, что по натуре своей Виктор Полторацкий — активный общественный деятель, человек, вторгающийся в жизнь, помогающий улучшать ее. Вот эта сторона личной биографии Полторацкого естественно и благотворно влияет на его творчество».

**

Книга «В дороге и дома» содержит очерки на внутренние и зарубежные темы. Как мы уже сказали, эти очерки были опубликованы в газете.

Работа Виктора Полторацкого имеет многие положительные черты боевого газетного жанра. Эти черты: строгая достоверность фактов и явлений, большевистская идейность в подходе к ним, политическая целеустремленность, оперативность, темперамент бойца, выразительность слова. Автор выступает в своей книге, как летописец современности. Он пишет о том, что самым живейшим образом интересуется и волнует миллионы людей. С газетной страницы обращается он к читателю, помогая ему понять и уяснить смысл фактов и явлений, разобратся в сложной диалектике нашей, насыщенной огромным содержанием, жизни, выработать правильную точку зрения на то или иное событие. Газета формирует политическое сознание читателя. В этом процессе большая роль принадлежит очеркисту и публицисту.

Пора уже отбросить обывательское представление о том, что газета живет якобы один день. Так называемая злоба дня еще не определяет судьбы газетного листа: этот лист, даже пожелтевший от времени, еще долгое время имеет свое значение для нас, и к нему мы не раз обращаемся не только для того, чтобы узнать земли родной минувшую судьбу, но и глубже понять и уяснить себе наше сегодня и даже заглянуть в наше завтра. Комплект газеты «Правда» за сорок лет ее существования, ее жизни и борьбы — это огромная книга двадцатого столетия, и многие страницы в этой книге сегодня читаются с неменьшим интересом, чем читались сорок, тридцать, двадцать, десять лет тому назад. Снова и снова обращаясь к этому комплекту, мы видим, как далеко смотрела большевистская газета вперед и выше, как много прогнозов ее оправдалось, каким пророческим было ее слово.

Большие мастера советской литературы многим обязаны в своем политическом и творческом росте газете, активному сотрудничеству в ней. Нет ничего случайного в том, что в монографии Б. Брайниной о Константине Федине приведен список статей, очерков и рецензий, опубликованных писателем в выходивших в городе Сызрани газетах «Известия», «Алый путь», «Сызранский коммунар». Когда писателю выразили изумление тем, как он сумел столь хорошо запомнить события, о которых он рассказал лет двадцать пять спустя в своих книгах, причем запомнить в таких деталях, штрихах эпохи, что даже художник с пылким воображением не сразу их воссоздаст, то Федин сказал, что человеческая память очень хрупкий и непостоянный инструмент, а запомнил он все это потому, что когда-то писал очерки и подшивки газет первых лет революции сохранил в своем архиве. Перечитывая эти газеты, Федин восстанавливал перед собой события, о которых поведал читателям в таком монументальном художественном произведении о революции, как роман «Необыкновенное лето».

Сборник очерков «В дороге и дома» — свидетельство очевидца и участника событий сороковых годов.

Эти годы наполнены борьбой двух миров. Темному миру капитализма противостоит солнечный мир советской страны, где социализм победил, вошел в быт миллионов людей, в их психологию, в их мысли и чувства, в их дела

и поступки. Наша страна дает всему человечеству великий благородный пример победоносного строительства общества, где нет эксплуататоров и эксплуатируемых, миллионеров и нищих, угнетателей и угнетаемых. Опыт этого строительства вдохновляет народы, населяющие земной шар. В наш век все дороги ведут к коммунизму. Тщетны все потуги и усилия врагов коммунизма остановить ход исторического процесса.

В. Полторацкий рассказывает о своих заграничных впечатлениях, о Франции и Америке. Уже давно прошло то время, когда в ту же Францию передовые русские люди устремлялись для того, чтобы отойти от свинцовых мерзостей старой жизни, подышать в демократической стране воздухом свободы и воли.

Писатель прошлого века Н. В. Шелгунов говорил о чувствах, переживаемых им дома и за рубежом: «Каждый русский, отправляясь путешествовать, оставляет часть себя дома и, отряхнув прах от своих ног, бежит, чтобы отдохнуть от самого себя, от собственной намученности и измученности, бежит от той невидимой веревки, которою он, как поросенок, привязан к какому-то невидимому колышку. И этот второй русский — совсем другой русский: он русский, освобожденный от места и времени, естественный и простой, каким должен быть человек, — одним словом, русский будущего, каким бы он хотел быть и каким, конечно, и будет». Подобной раздвоенности чувства нет у нашего современника, автора книги «В дороге и дома». Горячей патриотической любовью к своему отечеству согреты страницы путевых записок В. Полторацкого, возникших в дороге, в городах и в деревнях Франции и под свинцовым небом Америки. Там, под чужим небом, путешественник то и дело вспоминает о своей родине: «Мне пришлось побывать во многих местах. Я видел Альпы и Средиземное море, бродил по парижским улицам, переплывал Атлантический океан. Но всюду, где бы ни был, сердцем тянулся к Москве. Закрыв глаза, я видел перед собой широкую Красную площадь, древние стены Кремля, ели у Мавзолея и купола Василия Блаженного, словно оттиснутые на голубой эмали спокойного московского неба».

Писательский талант сказывается и там, где автор пишет о своем мире, и там, где он касается мира враждебного, чужого. Но, конечно, наиболее ценными очерками

в сборнике, на наш взгляд, являются те, в которых рассказывается не о Франции, не об Америке, а о Советской России, о Родине, о доме писателя. Этот дом — широк, просторен, светел, он безгранично дорог и мил автору. И хотя газета по самой своей природе сдерживает напор авторского лиризма и пейзаж газетой ценится меньше, чем цифра, — всё же в очерке прорывается эта горячая волна писательской эмоции, и поэт берет верх над статистиком.

Тот, кто перестает удивляться жизни, кто равнодушным оком взирает на нее и не испытывает вдохновенья при зрелище казалось бы обычных картин — тот, конечно, не найдет ничего нового ни в чередовании лет, ни в хронике фактов и явлений. «Колхоз был razорен, почти уничтожен гитлеровскими захватчиками и поднялся из пепла — история для нас не новая...» — такое заявление есть в рецензии Л. Никулина на книгу В. Полторацкого, опубликованной в журнале «Новый мир». Да, история не новая, но это не такая история, к которой уже не нужно возвращаться и которой не следует удивляться. Мы благодарны очеркисту, когда он снова и снова рассказывает о том, как поднимались и поднимаются из пепла города и села, подвергавшиеся вражескому нашествию, какую чудесную силу проявили они в борьбе за жизнь, каких побед достигли в послевоенное время. Освещение и раскрытие этого великого процесса — долг литературы. С глубоким интересом читаем мы рассказы писателя о том, что происходит ныне в местах сражений. Многое познается сравнением; сопоставляя вчера и сегодня, В. Полторацкий дает особенно убедительную, впечатляющую, запоминающуюся картину.

«В белесом тумане дошли до кургана, где когда-то был командный пункт генерала Кравченко, и не удержались, зашли на этот курган. Мы стояли в окопе, положив руки на бруствер, уже заросший травой, и пальцы нащупывали старые холодные гильзы винтовочных патронов». Это сказано в конце очерка «Прохоровский плацдарм». Автор говорит о той местности, на которой летом 1943 года произошло грандиозное танковое сражение, сыгравшее большую роль в ходе Великой Отечественной войны. Приехав четыре года спустя на место сражения, его участник и свидетель рассказал о том, как поднимаются из небытия razоренные войной курские деревни, как

бывшие гвардейцы строят мирную жизнь на родной земле, как ломают они трудности и препятствия, как ведут за собой вперед крестьян. Демобилизованный гвардии капитан стал председателем колхоза в селе Береговое, руководит пахарями и сеятелями: «По ночам мы с Яковлевым выходили в поле, прислушивались к ровному рокоту моторов и следили за мельканьем фонарей. И Яковлев признавался, что вот ему кажется, будто он не дома в Береговом, а на фронте, и это не тракторы, а танки пошли в ночную атаку».

Когда-то великий русский поэт Некрасов сказал: «дело прочно, когда под ним струится кровь». Обогреть кровью лучших сынов отечества земля стала дорожке людям живым. С утроенной энергией строится жизнь на Прохоровском плацдарме, в Запорожье, на Херсонщине, под Воронежом, в пойме реки Потудань, тоже вошедшей в военную хронику. Автор приводит факты и цифры, рисующие стремительный размах созидания и творчества в тех местах, которые, по коварному плану врага, должны были долгое время быть зоной пустыни. Очерк «Строители жизни» дает картину роста колхоза имени Сталина, Генического района, Херсонской области. Гитлеровцы хозяйничали здесь два года. Они насаждали на Херсонщине свой пресловутый «новый порядок». Что произошло для херсонского села от этого разбойничьего порядка, можно судить по статистике, приведенной очеркистом. Весной 1944 года в колхозе были три лошади и двенадцать коров, на 650 дворов сохранилось всего две курицы. Покидая под ударами наших войск временно оккупированную землю, гитлеровские гаулейтеры тешили себя надеждой на то, что, якобы, Россия в итоге военной разрухи будет отброшена назад на полвека, а то и на целое столетие... И здесь просчитались они — эти столь аккуратные, педантичные гаулейтеры! Очеркист приводит цифры, рисующие могучую силу колхозного строя. Уже в 1948 году колхоз имени Сталина по основным экономическим показателям превзошел уровень довоенного 1940 года. В 1948 году колхозом было сдано государству 242 280 пудов хлеба — на 76 600 пудов больше, чем в 1940 году. Очеркист рассказывает о фермах, на которых полным полно скота, об оживших садах и виноградниках, о возрожденной электростанции, о народном приступе к выполнению грандиозного плана преобразования природы.

Советский очерк правдив. Ни одной фальшивой ноты, ни грана преувеличения, лакировки действительности нет в очерках В. Полторацкого. Строгий факт, точная цифра, свидетельство очевидца, увиденное и услышанное самим автором,— вот элементы книги «В дороге и дома». Её автор не боится говорить правду, какой бы горькой иногда ни была она. Вот, например, он рассказывает о засухе 1946 года в Бессарабии: «Поля совершенно выгорели. Посевы хлеба и кукурузы погибли. Зиму люди переживали здесь трудно. Следующей весной, в конце апреля густо прошли дожди, и у всех появилась надежда, что, наконец-то, нынешним летом можно будет поправиться. Но май, а за ним и июнь были сухими и знойными. Когда я приехал в Бессарабию, то увидел, что заднеэстровские степи до самой румынской границы опять засохли и казались мертвенно-серыми. Только поля совхозов оазисами зеленели на этой печальной равнине. Видимо там упорно боролись с засухой и борьба эта была не бесполезной».

В полном соответствии с жизненной правдой, с правдой нашей социалистической действительности автор показывает, что советский человек может противостоять стихийным силам природы. Человек-борец, человек-созидатель находится в центре внимания писателя. Колхоз имени Сталина на Херсонщине в кратчайший срок вышел из военной разрухи благодаря волевым, сильным духом, грамотным и культурным колхозникам, опирающимся в своей работе на машину, на науку и технику советского государства. Крестьяне нового типа,— о них говорит В. Полторацкий. Он рассказывает о председателе колхоза агрономе Г. П. Литовченко, об опытном животноводке Величенко, о старике Григории Гусак, что заведует в колхозе хатой-лабораторией и ведет переписку с академиком Лысенко, о старшем чабане Матрене Пахоменко, депутате областного Совета. Автор передает заявление колхозного чабана: «Нынче чабан не просто пастух. Он и ветеринарию знать обязан и с техникой должен быть хоть немного знаком. А как же? Возьмите простое дело — стрижку овец. Она у нас электрифицирована. Наши молодые чабаны, как правило, семилетку окончили».

Автор сообщает: «В колхозе имени Сталина два агронома, ветеринарный врач, несколько зоотехников, человек

пятьдесят трактористов, восемь комбайнеров, десять шоферов, механики, плотники, каменщики».

О том, что представляет собою современное крестьянство, можно судить о реакции пожилой колхозницы на поступок шофера, поленившегося лишний раз съездить на склад за калийными солями для удобрения полей. Ей задан вопрос — да знает ли она химию, не перепутает ли ненароком калийные соли с чем-нибудь? Женщина обиделась: «Да что вы... Неужели я перепутаю хоть те же калийные соли с какой-нибудь аммиачной селитрой? Какой же это колхозник, если в таких вещах разобраться не может? Мы ведь учимся. Я вот хоть и пожилая, а тоже в кружок ходила. Да и дети в доме. Один семилетку окончил, другая на агрономических курсах была. В семье-то теперь разговоры иные...»

Свет просвещения и культуры проникает в бывшие захолустья, расширяются горизонты не только жителей таких старых, давно обжитых русских местностей, как знаменитое «Владимирское ополье» или костромская земля; расширяется кругозор обитателей тех районов, которые в царской России находились на положении колоний. В очерке «Народ, увидевший свет» рассказывается о чувашской деревне. Автор приводит цитату из записок земского врача Кряжинского. Этот врач свидетельствовал в начале века: «Входите вы в чувашскую избу и не знаете, как поскорее из нее убраться, в особенности, если вы вошли в курную избу. Дым, угар, вонь, смрад чувашских изб одурманивает вас. Грязь — непролазная». Очеркист говорит о новом в быту чувашей: «Изба, в которой мне пришлось ночевать, ничуть не похожа на эту. Просторная горница. Пол застелен домотканными половичками. В простенке между окнами фотографии в рамках. В переднем углу, вдоль стен широкие лавки».

Очеркист рассказывает о кругозоре чувашских колхозников.

«В деревне Нижние Кибикси мы разговорились с Михаилом Ивановичем Ивановым, секретарем местной партийной организации, о том, часто ли выезжают крестьяне в город и по каким надобностям.

— В прежнее время, — сказал Иванов, — из нашей деревни в уездный город раза два в год выезжал только мельник да в побор за милостыней отправлялись четыре

семьи. Остальные всю жизнь не ходили дальше соседней деревни и не видели города.

А в нынешнем году только по командировкам колхоза один человек от нас выезжал в Москву на предмет покупки автомобиля; двое ездили в Казань за электрическими лампочками и изоляторами; один — за стеклом в город Горький; человек пятнадцать — в Чебоксары по всяким общественным надобностям.

Это — я повторяю — по командировкам колхоза. Сюда, например, не входят студенты, которых у нас человек двенадцать. Не входят учителя, которые, кстати сказать, вышли из наших же деревенских...

— Стоит взять и другую сторону, — продолжал Михаил Иванович. Раньше в деревню к нам приезжали, скажем, урядник за недоимками, да перекупщики. А в нынешнем году? Инженер-электрик — на строительство станции, Председатель Президиума Верховного Совета республики, три лектора, писатель, радиотехник, артистка. Да всех-то и не упомнишь...»

Газетный очерк по своим размерам — небольшое, короткое произведение. Искусство журналиста заключается в том, чтобы умело распорядиться предоставленным ему газетой местом, дать большое содержание в лаконичной скупой форме. Этим искусством обладает В. Полторацкий. Как много, например, узнаем мы из шестистраничного очерка «Владимирское ополье». Тут даются и географические сведения об одном из интересных и своеобразных районов, и исторические справки, и экономические данные. Следуют короткие, но выразительные характеристики людей, встретившихся автору. Дан короткий, но содержательный диалог.

Очерк имеет познавательное значение. Он же является и художественным произведением, так как в нем есть черты подлинно писательского стиля. Эти черты есть и в литературном портрете старого волжского бакенщика Ивана Павловича Чеканова и в очерке «Москвич».

В. Полторацкий пишет главным образом о деревне, о крестьянстве. Деревня и ее среда хорошо знакомы ему. Кажется нам, что меньше знает он заводской мир. Очерки «Запорожье» и «Шахтерская слава» слабее деревенских вещей автора. Они некоторым образом нарушают цельность стиля и единство содержания первого раздела книги, посвященного тематике внутренней жизни страны.

«По ту сторону» — так озаглавил автор цикл очерков, посвященных Франции и Соединенным Штатам Америки.

Какой разительный контраст представляет жизнь и быт в капиталистических странах с бытием в стране победившего социализма, в стране, народ которой уверенной поступью идет к коммунизму! Автор свершает как бы путешествие из солнечного утра на край ночи. Картины мрака, распада, разложения, горя и отчаяния развертываются им. Как ни лаконичны авторские свидетельства, — ибо и в описаниях о загранице В. Полторацкий дает строгий отбор фактов, — все же у читателя создается представление о том, что происходит за спиною американской статуи Свободы, в недрах Парижа, во французской деревне.

Зарубежные очерки В. Полторацкого написаны в политической литературной традиции Горького и Маяковского. И Горький и Маяковский, рассказывая о загранице, выступали не как бытописатели, а как политические деятели. Их внимание было обращено на главное, на основное. Не вдаваясь в частности и подробности, они направляли свои удары в адрес «его препохабиа капитала», показывали лицо «желтого дьявола», разоблачали механику буржуазной демократии, говорили о классовой борьбе трудового мира с миром эксплуатации и гнета. Если Максим Горький писал о стране «желтого дьявола» и о «Прекрасной Марианне» с точки зрения русского революционера, собиравшегося свергнуть на своей родине власть доморощенных банкиров и заводчиков, если Маяковский уже смотрел свысока на буржуев, держа в своих руках советский паспорт с изображением Серпа и Молота, то автор книги «В дороге и дома» подходит к явлениям и фактам зарубежной действительности, как гражданин великой социалистической страны, идущей в авангарде прогрессивного человечества и дающей всем нациям и народам вдохновляющий пример строительства коммунистического общества. Чувство советской национальной гордости, чувство нашего морального превосходства над сборищем денежных тузов и лавочников движет пером советского писателя. Он остро ненавидит все то, что расходится с понятиями советского человека о совести и

чести, о достоинстве и благородстве. Эта ненависть священна. Глубоко оскорбленный и возмущенный самой сущностью звериного буржуазного порядка, писатель не придает никакого значения мишуре, на которую такие мастаки господ янки и французские молодчики, кладущие румяна и белила на одряхлевшие лица своих «демократий». Автор зарубежных очерков раскрывает изнанку парижской и нью-йоркской жизни.

Как настоящий демократ, он, прежде всего, интересуется судьбами миллионов людей. Он идет в негритянские районы Нью-Йорка, в рабочие кварталы французской столицы, общается с тружениками и труженицами, изучает условия человеческого существования, добирается до корней экономики и политики, слушает и записывает живое слово рабочего и фермера. Борьба трудящихся масс против американского фашистского ига, против империализма, против войны, борьба за мир, за освобождение от власти финансовых магнатов и пушечных королей, за жизнь, достойную человека,— эта борьба, составляющая содержание политической, общественной жизни столетия, находит свое правдивое освещение в книге В. Полторацкого.

«Многое в Нью-Йорке в действительности оказывается не таким, как представляется издаലെка,— пишет автор.— Говорят, чем ближе к экрану, тем ярче изображение. Но чем ближе приглядываешься к Нью-Йорку, тем бледнее становится, например, наше представление о хваленном американском «сервисе». Илья Ильф и Евгений Петров, написавшие «Одноэтажную Америку», заблуждались. В Америке нет «сервиса». Есть преклонение перед долларом, готовность сделать все, что угодно, если покажешь эту бумажку, но тот, у кого долларов нехватает, не может рассчитывать ни на предупредительность, ни на вежливость».

Очеркист броскими резкими штрихами рисует пейзаж американской столицы. Он говорит, что внешне этот город похож на старый прокатный цех, увеличенный до колоссальных размеров. Город оглушает человека грохотом, скрежетом, визгом, давит на его душу, на его нервы смрадным воздухом, в котором мелькают раскаленные полосы витрин и извиваются змеи реклам, орудуют полицейские, пронзительно кричат гудки машин. «В Москве или в Париже можно идти по улице и думать. Можно

итти и отдыхать. В Нью-Йорке — нельзя». Это — олицетворение капиталистического ада, пекло которого находится в цехах индустриальных гигантов. Капиталистический город — не многим лучше фордовского конвейера. И там, и здесь издевательство над человеком доводится до предела. И там, и здесь человек рассматривается, как стадо, как быдло, как неодушевленный предмет, как вещь, не имеющая значения для мерзавцев и негодяев, считающихся хозяевами страны. Они изгоняют из мира все живое, все, что может доставлять радость. Страдания миллионов людей — наслаждение для эксплуататоров. В. Полторацкий говорит о тяжелой судьбе тружеников в американской столице, о бледных, оборванных детях, копающихся в мусорных кучах, о безработных и голодных, шатающихся вдоль сверкающих витрин магазинов, о бесправном положении рабочего человека в стране столь рекламируемой «демократии». Американская демократия — наглая ложь бизнесменов и их политических лакеев. «У океанских ворот Америки, — пишет автор, — близ Нью-Йорка возвышается статуя Свободы. Это — самая большая свобода в Америке», — иронически усмехнувшись, сказал мне один журналист. Американскую демократию называют «долларовой демократией». Иногда, хоть и очень редко, у стойки дешевого нью-йоркского кафетерия рядом со скромным служащим, зарабатывающим 40 долларов в неделю, можно встретить бизнесмена, ворочающего сотнями тысяч. Можно президента Трумэна назвать просто Гарри. Можно встать на перекрестке улиц и произнести речь о блаженстве рая или о преимуществе механических пуговиц перед простыми. Некоторые склонны в этом видеть идеал демократии. Но, когда дело доходит до осуществления подлинно-демократических прав, на сцену выходит всемогущая сила доллара. Эта сила диктует законы, оказывает давление на выборы в сенат или в палату представителей, водит пером очень многих американских журналистов».

Все течет, все изменяется, ничто не вечно под луной, грандиозные перемены произошли в мире, свершились великие революции, коренным образом изменившие судьбы миллионов людей, человечество сделало много шагов вперед по пути подлинного прогресса и цивилизации, — но капиталистическая Америка закоснела в своем отвратительном естестве, и твердолобые хозяева ее, ослеплен-

Пер Лашез, недалеко от стены Коммунарков, похоронены два молодых француза, два брата Мокэ. Один из них, Серж — ему было двенадцать с половиной лет — замучен гестапо. Другой, Ги, расстрелян гитлеровцами в Шатобрианне 22 октября 1941 года. За несколько часов до смерти он написал на стене своей камеры:

«Все вы, которые останетесь живы, — будьте достойны нас, которые умерли за свободу Франции».

Да, поистине дело прочно, когда под ним струится кровь! Судьбы истории в наш век вершатся не прожженными политиками, а народными массами — этими подлинными и полноправными хозяевами земли. Великолепное чувство уверенности в том, что будущее принадлежит миру тружеников, Серпу и Молоту, простым и честным людям, — это чувство пронизывает страницы зарубежных очерков советского литератора. Они по-хорошему оптимистичны. В наш век все дороги ведут к коммунизму — эта мысль красной нитью проходит по страницам книги советского писателя, пишущего о борьбе двух миров.

Книга заканчивается превосходным очерком о Москве — великом городе, с именем которого связаны самые лучшие мечты и устремления трудящихся всех стран и наций.

Мы уже сказали, что присуждением Сталинской премии очерковой работе Виктора Полторацкого отмечена важность и ценность одного из жанров в советской литературе.

Газетный очерк завоевывает все большее место в арсенале большевистской пропаганды и агитации, в арсенале литературы. Очеркист выполняет ответственную функцию. В живой и яркой форме он рассказывает читателям о событиях, явлениях, фактах. Он говорит о ростках нового в жизни. С его помощью пропагандируется и распространяется опыт коммунистического строительства. Не только по горячим следам событий идет он; очень часто сам очеркист является творцом, организатором того или иного события. Мы знаем ряд примеров, когда газетный очерк положил начало тому или иному делу, заставлял партийные и советские организации принимать определенные решения. Маяковский мечтал о том,

чтобы его стихи заставляли «потеть Госплан», чтобы они были действенными. Известная степень действенности присуща и работе литераторов в области газетного и журнального очерка. Очерк — активная форма вторжения писателя в жизнь.

Успехи, достигнутые очеркистами, бесспорны. Но наш очерк еще далек от тех требований, которые предъявлялись ему родоначальником и вдохновителем советской литературы Алексеем Максимовичем Горьким и предъявляются сегодня умным и взыскательным советским читателем.

Надо отметить ограниченность тематики очерковой литературы. Мы не насчитаем, пожалуй, и десятка тем, которые привлекают к себе внимание пишущих. Писательский портрет стахановца, описание открытия или изобретения, литературное изложение экономических показателей завода или колхоза, рассказ о новаторском почине рабочего или работницы на предприятии, путевой очерк, повествующий о том, что попало в поле зрения очеркиста — вот, пожалуй, и весь круг тем, которых касаются очерки в газетах и журналах. Узкий, тесный круг. Героя очерка мы берем только у станка или в борозде, наблюдаем его в течение восьми часов рабочего дня. Быт этого героя, жизнь его вне производства, его досуг, его отдых, его семья остаются за пределами зрения очеркиста.

Трафарет и шаблон сказываются в практике очеркистов. Разнообразию и богатству формы не отличают их продукцию. Очерки однотипны. Они, как близнецы, похожи один на другой. Мы делаем мало усилий для того, чтобы создать «свой почерк», выработать свою творческую индивидуальность. Очеркистов со своим творческим лицом у нас, к сожалению, мало. Можно назвать Бориса Полевого, Алексея Колосова, Петра Белявского, Татьяну Тэсс, Валентина Овечкина, Владимира Фоменко, Ольгу Кретову, Елену Кононенко, Евгения Кригера, того же Полторацкого... Но, пожалуй, на этом перечень и обрывается. А хотелось бы, чтобы было гораздо больше очеркистов, — хороших и разных. Газета, отнюдь, не требует стандартизации, нивелировки; в газете может быть и должен быть целый букет творческих индивидуальностей. Без этого она будет однотонной, однокрасочной.

Газетный и журнальный очерк — явление большое,

сложное. У очеркиста есть такие трудности, которых не испытывает беллетрист. Мы говорили выше, что очерк по своей природе не терпит ничего лишнего, заставляет автора держаться в строго очерченных рамках и границах.

В предисловии к книге очерков Евг. Кригера литературный критик Борис Агапов говорит о разнице между работой очеркиста и беллетриста.

«Сохраняя все трудности словесного искусства, документальная проза присоединяет к ним еще свои, особенные. Зачастую они проистекают от причин случайных, не причастных к идеям и потому для автора особенно досадны. Бывает, например, что автору не удалось лично встретиться с одним из важных для очерка людей, и он, не желая, да и не имея права ничего выдумывать, вынужден писать об этом человеке скупое, только на основании немногих вполне достоверных сообщений. Или, например, люди, разговор которых позволил бы беллетристу сразу и горячо изложить противоречия каких-то борющихся систем или точек зрения, никогда не видались друг с другом, так что описание их беседы окажется только поводом для опровержений...»

«...Мастер документальной прозы должен быть точен в описании внешности, характера своих героев, событий их жизни и даже деталей обстановки, в которой эти герои живут. И часто там, где сама жизнь подсказывает беллетристу драматический эпизод, волнующую сцену, острый конфликт, очеркист вынужден ограничиться публицистическим абзацем».

Эти выписки мы привели потому, что они, на наш взгляд, правильно отвечают на старый вопрос о точности и вымысле в газетном очерке.

Есть в очерке, — журнальном и газетном, — и такой герой, который может развернуть себя в той степени, в той мере, которые ему кажутся законными, целесообразными, нужными. Этот герой — сам очеркист. Говоря о деревне или заводе, о том или ином явлении или факте, о людях, встретившихся ему и изображаемых им в очерке, автор имеет право вкладывать в очерк часть своей души, своих мыслей, своих чувств. Он может рассуждать, размышлять, он может присутствовать в очерке в качестве умного собеседника со своим читателем и со своим героем, в качестве философа. Его жизненный

опыт, степень его кругозора, его знания должны находить свое выражение в очерке. Если тебе есть что сказать — говори, пожалуйста, делись с читателем своим богатством — в этом тебе запрета не будет, это назовет «отсебятиной» только неумный читатель. Надо писать от себя, обязательно надо писать от себя. Говорят, что стиль — это человек. В стиле очерка должен отражаться его автор, отражаться его личность, индивидуальность.

Очеркист должен быть и автором и героем своего очерка.

Такое сочетание мы находим в классических очерковых полотнах, находим у Радищева в его «Путешествии из Петербурга в Москву», в «Записках охотника» Тургенева, в очерках Глеба Успенского, Чехова, Короленко. Оно есть у Серафимовича, М. Шолохова, Л. Леонова, Л. Соболева, М. Шагинян, Бориса Горбатова, Бориса Галина. Мы находим это сочетание и в практике В. Полторацкого.

Авторское мышление особенно необходимо для очерка газетного, очерка публицистического, который, как известно, меньше оперирует художественными образами и картинами, а больше другими категориями.

Без авторской мысли, авторской философии очерк становится фактографическим. Не надо особенно уповать на то, что факты, мол, говорят сами за себя, что факты не нуждаются в комментариях. К подобного рода ссылкам на факты охотно прибегают те журналисты и писатели, которым от себя-то сказать нечего и которые способны только, бесталанно или талантливо, зафиксировать факты, изложить их на бумаге. Комментарии нужны. Без комментариев нет ни агитации, ни пропаганды, а газета выполняет роль агитатора и пропагандиста.

Долг литераторов, работающих в жанре очерка, совершенствовать свое мастерство.

Г. ГОРБУНОВ.

М. Д. ШОШИН

Михаил Дмитриевич Шошин является одним из популярных писателей, живущих в Иванове. В своих произведениях, написанных в течение более чем двадцатипятилетней литературной деятельности, он изображает главным образом жизнь советской деревни. Его перу принадлежит ряд интересных книг, и среди них по своему значению выделяется повесть «Село Думино», дважды изданная центральными издательствами, а также переведенная на чешский и болгарский языки.

М. Шошин — писатель-коммунист, писатель-общественник. Он руководит областным отделением Союза советских писателей, является депутатом областного Совета депутатов трудящихся и членом Областного Комитета защиты мира.

**

М. Шошин родился в 1902 году, в деревне Яснево, Вичугского района, Ивановской области «Край наш фабричный,— писал М. Шошин в автобиографии,— восемь текстильных фабрик растянулись на десятки километров одна от другой. Родители мои имели крестьянское хозяйство и работали на фабрике: отец — ткацким помастером, мать — ткачихой».

Образование будущий писатель получил в сельской школе, а после Великой Октябрьской социалистической революции — в школе второй ступени. В 1918 году Михаил Дмитриевич вступил в комсомол, работал в уездном комитете комсомола заведующим отделом деревенской молодежи. С 1924 по 1929 год он сотрудничал в редакции кинешемской газеты «Приволжская правда»,

затем переехал в Иваново и много лет работал в редакции газеты «Рабочий край». За эти годы им было написано большое количество очерков из жизни рабочей и крестьянской молодежи.

В 1929 году при газете «Рабочий край» была организована литературная группа с выразительным названием «Атака». На заседания группы, объединявшей более 30 человек, приходили как литераторы, чьи имена довольно часто можно было встретить на страницах местных газет и литературно-художественных альманахов, так и молодежь, впервые выступавшую в печати.

На заседаниях «Атаки» часто шли жаркие споры. Эти споры, касавшиеся самых острых вопросов борьбы на литературном фронте, имели большое принципиальное значение. Советская литература переживала период становления, и это становление крепло в острой идеологической борьбе. Были случаи, когда на заседаниях «Атаки» раздавались голоса подражателей буржуазных поэтов или защитников теории «чистого искусства». Начинались споры, которые оканчивались идейным разгромом защитников отживших теорий. Литературная группа «Атака» складывалась и росла в борьбе за чистоту идейных взглядов передовых советских людей.

Образование «Атаки» было одним из типичных явлений советской литературы того периода. Здесь, в Иваново, и в других городах нашей Родины, тянулись к знанию, к творчеству талантливые люди, которым Великая Октябрьская социалистическая революция открыла все дороги к счастливой жизни. И разве не знаменателен тот факт, что В. И. Ленин заинтересовался группой ивановских писателей и запросил в 1921 году комплект «Рабочего края», чтобы познакомиться с их произведениями.

А. М. Горький внимательно следил за ивановцами, вел с ними переписку, подбадривал их своими дружескими советами и вместе с тем критически относился к недостаткам.

М. Шошин принадлежит к числу тех ивановских литераторов, на долю которых выпало счастье переписываться с А. М. Горьким. Деревенский юноша, написавший несколько рассказов, решил послать их А. М. Горькому. М. Шошин знал, что А. М. Горькому шлют письма со всех концов света и уж никак не ожидал быстрого отклика. Однако ответ пришел скоро.

С чувством глубокого волнения М. Шошин прочел в письме следующее:

«Записки плохого поэта» и «По заволжским просторам» вполне определенно говорят о вашей даровитости. Говорят и о том, что вам доступно чувство дружбы к людям, чувство доверия к жизни,— это чувство не часто встречается выраженным так просто, искренне. Вы хорошо видите жизнь и знаете, о чем надобно писать. Изобразительные средства у вас не плохи, но могут и должны быть лучше, богаче. В приемах работы чувствуется влияние М. М. Пришвина. Это — весьма крупный художник, у него есть чему поучиться, но не забывайте, что одно дело учиться, другое — подражать. Я думаю, что вы человек своеобразный, вижу, что у вас есть свой немалый опыт, он требует вашей, а не чужой окраски... Вам следует заняться языком. Не хочу сказать, что он плох, но он еще беден. Требуется, чтобы вы обогатили его... Избегайте таких слогов, как «шущих», «щая», «щей», «вшей», а также вообще свистящих и шипящих везде — они не звукоподражательны. «Трепещущая тишина» не изображает тишины потому, что слога «щу», «ща» слишком определенно звучат... «Записки поэта» — если они нигде не печатались, я предлагаю вам напечатать в журнале «Наши достижения». С будущего года журнал будет выходить ежемесячно и мы решили печатать в нем беллетристику светлого тона, как ваша... Мелкие ваши рассказы следует напечатать в литературной странице «Известий». «По заволжским просторам» могу послать в «Красную новь» или «Новый мир». Всего доброго.

М. Горький».

Можно себе представить, как это письмо обрадовало М. Шошина, письмо, представляющее и до сего дня большой интерес для писателей.

А. М. Горький оценил М. Шошина за его верное понимание жизни, за «светлый тон» его рассказов и одновременно указал на необходимость совершенствовать литературное мастерство.

В другом письме Алексей Максимович писал М. Шошину:

«Если найдете время, напишите для «Наших достижений» очерк на любую иваново-вознесенскую тему, но в таком же добром тоне, как и «Записки поэта...»

М. Шошин написал очерк «Обгон» о социалистическом соревновании на фабрике и послал А. М. Горькому. То ли потому, что автор еще недостаточно знал жизнь фабрики, то ли из-за торопливости, но очерк не удался, и М. Шошин получил от А. М. Горького не просто письмо, а развернутую рецензию, где подробно, со всей горьковской откровенностью, было указано на недостатки очерка. Поскольку это письмо интересно не только для понимания истории творчества М. Шошина, но и представляет громадный интерес для каждого начинающего литератора, приведем из него ряд отрывков.

«Рассказы ваши получил,— писал А. М. Горький.— Вы прислали два черновика: оба написаны «на скорую руку», непродуманы и до того небрежны, что в них совсем не чувствуется автор тех двух очерков, которые я вам обещал напечатать и которые подкупили меня своим добрым настроением.

Хуже того,— в «Обгоне» и «Вызове» не чувствуешь ни любви к литературной работе, ни уважения к читателю, а если у вас нет ни того, ни другого,— вы не научитесь писать, и не быть вам полезным работником в области словесного искусства.

Талант развивается из чувства любви к делу, возможно даже, что талант — в сущности его — и есть только любовь к делу, к процессу работы. Уважение к читателю от литератора требуется так же, как от хлебопека: если хлебопек плохо промешает тесто, если из-под рук его в тесто попадает грязь, сор,— значит хлебопек не думает о людях, которые будут есть хлеб, или же считает их ниже себя, или же он — хулиган, который, полагая, что «человек не свинья, всё съест», нарочно прибавляет в тесто грязь. В нашей стране наш читатель имеет особенное, глубоко обоснованное право на уважение, потому что он — исторически — юноша, который только что вошел в жизнь, и книга для него не забава, а орудие расширения знаний о жизни, о людях.

Судя по тому, как вы разработали тему рассказа «Обгон», вы сами относитесь к действительности нашей очень поверхностно.

Тема рассказа — нова и оригинальна: мать, ткачиха, соревнуется с дочерью в работе; на соревнование вызвала ее дочь, но мать, работница более опытная, победила дочь.

Победа матери требовала от вас юмористического отношения к дочери, это было бы весьма поучительно для многих дочерей и сыновей и было бы более правдиво. Победа эта не могла не вызвать со стороны старых рабочих хвастовства перед молодежью своим опытом,— это вами не отмечено. Вы догадались, что соревнование должно было повлиять на домашние, личные отношения матери и дочери, но не договорили этого. Перед вами была хорошая возможность показать на этом, сравнительно, мелком факте взаимоотношения двух поколений. Вы этой возможности не использовали. В общем же вы скомкали, испортили очень интересную тему, совершенно не поняв ее жизненного значения.

Как всё это написано вами? Вы начинаете рассказ фразой: «Вечер не блистал красотой». Читатель вправе ждать, что автор объяснит ему смысл этой странной фразы, расскажет: почему же «вечер не блистал»? Но вы ничего не сказали о вечере, в нескольких строчках говорите о поселке, которому «не досталось своей невеликой части кудрявой весны». Каждая фраза, каждое слово должно иметь точный и ясный читателю смысл. Но я, читатель, не понимаю: почему поселку «не досталось невеликой части весны?» Что же — весну-то другие поселки разобрали? И — разве весна делится по поселкам Ивано-Вознесенской области не на равные части?

Далее,— через 6 строк вы пишете:

«Нестерпимая тишина была прижата сине-черным небом и задыхалась в тесноте». Почему и для кого тишина «нестерпима»? Это вы забыли сказать. Почему весенним вечером небо «сине-черное»? Что значит: «тишина задыхалась в тесноте»? Может быть, так допустимо сказать о тишине в складе товаров, но, ведь, вы описываете улицу поселка, вокруг его, вероятно,— поля, а над ними «сине-черное небо». В этих условиях для тишины достаточно простора и «задышаться» тишине — нет оснований.

Все десять страниц рассказа написаны таким вздорным языком. Что значат слова: «довольно ответственно заявила»? «Особенно рачить было не для кого». Может быть вы хотели сказать «радеть». Старинное, неблагозвучное и редко употреблявшееся слово «рачить» — давно не употребляется, даже «рачительный» почти забыто. В другом месте у вас «теплилась ехидца».

Ехидство от — ехидны, змеи. Змея — холоднокровна. Подумайте: уместно ли здесь словечко — «теплиться»?

Анализируя другие недостатки присланных очерков, А. М. Горький заканчивает письмо следующими, поучительными для очень многих начинающих авторов, словами:

«Почему я так много пишу по поводу вашего безнадежно плохого рассказа на хорошую тему?

Вот почему: многие из нас, кандидатов на «всемирную славу», торопясь «одним махом» доскочить до нее, хватаются за темы серьезного, глубоко жизненного значения. Но вы их комкаете, искажаете, компрометируете, — засыпая хламом пустыньких, бездушных или плохо выдуманных слов...»

Как видно из отрывков этого письма, А. М. Горький требовал от М. Шошина, как и от всех молодых литераторов, глубокого знания жизни и постоянного совершенствования литературного мастерства.

Письма А. М. Горького бесспорно сыграли большую роль в дальнейшем творческом развитии М. Шошина.

Первые рассказы М. Шошина, изданные отдельными книжками Ивановским издательством «Основа» в 1925 году, были посвящены темам культурного роста деревенской молодежи, изображению жизни комсомольцев города и села, их борьбы с пережитками капитализма. В рассказах нашли художественное отображение перемены в крестьянском быту, вызванные Великой Октябрьской социалистической революцией.

Молодой парень из рассказа «Инструктор Птахин» с жадностью читает газеты и книги, в стужу и слякоть ходит из деревни в деревню, делает доклады «О текущем моменте», рассказывает о вреде религиозных предрассудков.

В этом небольшом рассказе М. Шошину удалось удачно нарисовать образ подвижного, энергичного, уверенного в силе правдивого слова, агитатора, на пути которого то и дело встают большие трудности.

С точки зрения литературного мастерства первые произведения М. Шошина были далеки от совершенства. Рассказы были перегружены тяжеловесными фразами и грубоватыми выражениями. Но при всем этом писатель обнаруживал ясное понимание социально-бытовых процессов, происходивших в деревне. В этих ранних рас-

сказах уже сказалась одна из замечательных черт его творчества, нашедшая впоследствии свое талантливое развитие — юмор. Знание живой разговорной речи сельских жителей, «чувство дружбы к людям», о котором писал М. Шошину А. М. Горький, и явились источником здорового, теплого юмора в произведениях М. Шошина.

В 1929 году в Московском издательстве Центросоюза вышла первая повесть М. Шошина «Село врагов». Тот, кому и сегодня попадет в руки эта небольшая книжка, изданная почти двадцать пять лет назад, с удовольствием прочитает ее и живо представит себе, как быстро ломались старые устои деревни, как кооперация выживала кулаков-самогонщиков, как вырастали люди в новых послереволюционных условиях. В свое время А. М. Горький предложил М. Шошину несколько доработать повесть; она была напечатана в журнале «Наши достижения».

Среди книг М. Шошина, изданных в последующие годы, обращают на себя внимание: «Конец Пошехонья» (СельхозГИЗ, 1932), «Последний батрак», «Астра», «Большая семья», «Переход», «Огни», «Петряевский мельник», «Светлый день», изданные Ивановским областным издательством между 1934 и 1947 годами.

Интересной по своей композиции явилась книжка «Конец Пошехонья», написанная на конкретном фактическом материале; даже с цифровыми данными она не была скучной и читалась довольно легко.

«До революции,— писал автор,— ходило много книжек и лубочных картин о сказочной, преглупейшей, уморительной жизни и удивительно странных небывалых приключениях пошехонцев...

Пошелонцы толкно в проруби разводили, пошехонцы лаптем щи хлебали...

И таких историй про Пошехонье ходило множество... Пошехонская сторона в прошлом — край глухой, заброшенный, край кулацкого произвола и засилья. До революции пошехонец пребывал в такой нищете, замордованности и отупении, что эти сказки казались пустячками перед лицом звериной действительности пошехонской деревни».

Далее М. Шошин рассказал, как неузнаваемо изменилось Пошехонье в годы сплошной коллективизации, как

исчезли с лица земли «медвежьи углы» некогда бывшие во власти кулаков-мироедов, темноты и невежества.

Изображению жизни советской деревни посвящены и такие книги М. Шошина, как «Последний батрак», «Переход», «Огни», «Петряевский мельник» и «Светлый день». Повесть «Последний батрак» издана в 1934 году. В ней рассказывается о росте классового сознания батрака, деревенского юноши, который разоблачает кулака, предвидевшего свою гибель и бежавшего из деревни в город. В 1937 году писатель публикует повесть «Переход», в которой дается картина роста колхоза и изображены переживания одного из бедняков—Мелентия Охупкина, пытавшегося сначала устроить свою жизнь вне колхоза, но скоро убедившегося, что единственный путь к счастливой жизни — это вступление в колхоз.

Советскую деревню и ее людей в годы Великой Отечественной войны и после войны М. Шошин показал в повести «Петряевский мельник» и в сборнике рассказов «Светлый день». Рассказы, включенные в сборник «Светлый день», близки друг к другу по своим темам. Писатель повествует о трудовой деятельности колхозной деревни, о возвращении с фронта колхозников, о колхозных женщинах, детях, стариках, живущих в большом и дружном коллективе. Не все рассказы равноценны. В некоторых из них человеческие характеры только намечены и недостаточно глубоко раскрыты. Иные рассказы представляют собой варианты одного замысла. Так, автор не раз рисует образ умных, трудолюбивых мальчиков, заменивших в хозяйстве своих отцов, ушедших на фронт. Все эти мальчики мало чем отличаются друг от друга, они почти однотипны в рассказах «Хозяин», «Левон и Стенька», «Заботники» и другие. Также однотипно разработана писателем тема возвращения колхозников с фронта в рассказах «Весенний шум», «Иван из Иванова», «Возвращение Осипа Петровича». Но в целом сборник «Светлый день» оставляет хорошее впечатление, рассказы правильно рисуют послевоенную колхозную жизнь.

Бесспорным шагом вперед в творческом развитии М. Шошина явилась упомянутая выше повесть «Село Думино», получившая одобрение критики и читателей.

«Село Думино» — это развернутая картина колхозного строительства в послевоенные годы. Сама по себе

тема повести не нова. Читатели уже знакомы с ней хотя бы по таким популярным произведениям, как «От всего сердца» Е. Мальцева, «Кавалер Золотой Звезды» С. Бабаевского и другим. Однако советская действительность столь богата и многогранна, а люди, строящие коммунизм, столь замечательны своими морально-политическими качествами, что одаренный и вдумчивый писатель всегда сумеет для художественного изображения найти в нашей жизни волнующие события и интересных людей.

Главные достоинства повести «Село Думино» — это умение автора правдиво передать события колхозной деревни сегодняшних дней. Читатель видит, что автору повести хорошо известна советская деревня, что он старается вникнуть во всё то новое и замечательное, что в ней происходит. «Село Думино» — плод многолетней, тесной связи автора с советской деревней, о чем свидетельствуют и язык повести, и описания природы, и теплый юмор, а главное, — образы героев социалистических полей.

М. Шошин не скрывает от читателей, как в одном из колхозов, в селе Думине, в годы войны хозяйственные дела ослабли, а председатель колхоза, Нефед Степаныч, растерялся и не находил в себе сил выправить дело. До войны думинский колхоз был одним из сильных, вот почему колхозники резко критиковали незадачливого председателя.

С окончанием войны в Думино вернулись его прежние жители: Алексей Ивонин, Наум Чаянов, Тихон Старостин и другие, которые с честью прошли по суровым дорогам войны, сражаясь за независимость и возрождение своей Родины. Колхозная семья думинцев вновь стала многолюдной. Но не всё в этой семье было благополучно. Ветреная и нетрудолюбивая Анфиса изменила своему мужу — фронтовику Тихону Старостину; отдельные члены колхозного коллектива (Ныртиков и Косачев) отлынивали от серьезной работы, предпочитая увлекаться легким заработком на стороне; председатель колхоза Нефед Степаныч, положительный человек по своему характеру, терялся в трудные минуты, болезненно воспринимая критику окружающих.

Вернувшегося с фронта Алексея Ивонина избирают секретарем колхозной партийной организации. И по тому, как он берется за дело, как организует колхозников,

как строит свои взаимоотношения с председателем колхоза,— читатель видит, что это замечательный коммунист-организатор, умеющий направить волю и способности коллектива на путь борьбы за высокий урожай, за культурную и зажиточную жизнь.

Именно в этом и раскрывается идейно-художественный замысел повести. Автор поставил перед собой благородную и вместе с тем ответственную задачу — показать роль одного из руководителей сельских партийных организаций, нарисовать образ способного, умного секретаря Алексея Ивонина. Читатель внимательно следит за развитием сюжета. Ивонин — настойчивый и находчивый коммунист, он готов выполнять самую черную работу, но он не станет делать то, что положено выполнять другим людям, и будет добиваться от них нужных результатов. Особенный интерес в повести представляет линия взаимоотношений Ивонина с председателем артели Нефедом Степанычем. Ивонин не желает подменять председателя и прежде всего потому, что он видит в нем человека, способного решать вопросы самостоятельно. Когда некоторые колхозники жалуются Ивонину на высокомерие или нечуткость председателя, прозрачно намекая на то, что не мешало бы, мол, во главе колхоза поставить другого человека,— секретарь партийной организации внимательно относится к этим жалобам, но он не намерен соглашаться с предложением заменить председателя, так как в Нефеде Степаныче видит человека, способного преодолеть свои недостатки и стать примерным руководителем колхоза. Для того, чтобы сбить «спесь» с председателя, указать ему на неправильное поведение, понадобилось созвать собрание коммунистов. Говоря на собрании об ошибках председателя, Ивонин предлагает:

«Надо перед всеми признать свои ошибки и не повторять их. Это первое. Второе: перестань ты, Нефед Степаныч, вилять душой перед государством...

— Это уж, товарищи, слишком,— возмущенно развел руками председатель, обращаясь к собранию...

— Да-а, вилять душой,— повторил Алексей.— В районе ты, Нефед Степаныч, сваливаешь всё на колхозников, а среди колхозников — на район. Где твоё отношение к такому, например, делу, как артельный огород? Принял план — выполняй, сам гори и людей зажги.

А ты в сторонке встаешь: «район велел, не я — выполняйте». Так недостойно вести себя, Нефед Степаныч, ты ведь руководитель артели...»

Прямота Ивоинна на собраниях и в беседах, умение организовать людей, умение видеть светлые и теневые стороны жизни позволяют ему правильно руководить сельской партийной организацией и осуществлять свое влияние на беспартийных колхозников. Читатель живо воспринимает картины экономического роста думинского колхоза. Мужает колхозный коллектив, растет авторитет руководителей — Ивоинна и Нефед Степаныча, растут в труде и рядовые колхозники. Два урожая картофеля за одно лето снимает звено Мирона Батманова, перестали быть лодырями Ныртиков и Косачев, колхозная молодежь становится большой силой — всё это и многое другое М. Шошин передает правдиво, тепло, с хорошим знанием своих героев, их труда и быта.

В повести «Село Думино» больше, чем в каком-либо другом произведении М. Шошина, сказалась его характерная творческая особенность — юмор. С теплым юмором нарисован образ Наума Чаянова. Наум честно и самоотверженно воевал на фронтах Великой Отечественной войны. Особенный интерес он всегда проявлял «к рассказам отца, деда, к сельским преданиям, а на дорогах войны его также привлекали «исторические памятники, исторические места».

Колхозники любят слушать умные рассказы Наума, начнет он с шутки, а кончит разговором, который заставит слушателей и посмеяться и серьезно задуматься. Когда друзья говорят о его начитанности, о его учености, он отвечает:

«— ...Эта образованность в нашем роду из века в век ведется. Мой дед имел дом-особняк: четыре столба врыты да бороной покрыты... Коров-то было шесть и все в одну шерсть: корова бура, да корова будет, да корова есть, да двух коров даст тесть, да двух коров не устерегли от воров... — Слушатели смеются, а на лице Чаянова ни единой усмешки.

Погруженный в прошлое, он задумчив и угрюм.

— Это сказка, а былль впереди, — продолжает Наум Чаянов. — Был этот мой богатейший дедушка, как и все мужики села Думина, помещицы Староносовой крепостной тяглец. Староносова по обличью, как говорят за

границей,— мадонна, а по зубам — собака. Она так доняла думинских мужиков, что лопнуло у них терпение и решили они ее прикончить. Но как это сделать? Думали-думали и обдумали. Составили план. Главной горничной у бабушки служила родная сестра моего дедушки — Капитолина. Вот дедка мой и подготовил сестру на это дело и произвел точные расчеты, когда и каким способом всё совершить. Пошла в субботу барыня в баню. А стояла эта баня в саду, в уголке, в отдалении. Вошла она в предбанник, а горничная вдруг и говорит: «Ай, барыня, белье-то я забыла» Барыня принялась ее бить и бранить. «Беги скорее, такая-сякая, неси скорее, чтобы одна нога здесь, а другая там». Та побежала, а мужики в это время к барыне... Мой дедушка передом шел и сразу за нее принялся, порезал немного и вдруг шепчет: «Не могу больше, страшно мне». Мужики говорят: «Не всем же руки марать, кончай ее...» Мой дедушка послушался товарищей и тут же вложил ножик в правую барынину руку, которой она с утра до вечера хлестала дворовых девок по щекам. А ножик был барский, с ручкой из слоновой кости, его Капитолина достала с барского стола. Наследники Староносовой велели хранить этот ножик в думинской церкви, в алтаре. Ручка, сказывают, из слоновой кости и вся чистым золотом отделана. Хранился он в алтаре до восемнадцатого года. Тогда дьячок... был шалый такой... как почувствовал послабление церкви, так ножик-то и пропил...»

Но Наум Чаянов показан в романе не только человеком, живо интересующимся стариной и историческими памятниками,— это лишь одна из ярких сторон его характера. Чаянов не в меньшей степени вникает в современность и именно он, в часы досуга, ведет своеобразную летопись послевоенной колхозной жизни, кропотливо занося на листы бумаги свои наблюдения.

В повести «Село Думино» есть и существенные недостатки. Если писателю хорошо удалось картины коллективного труда — пахота, сенокос, строительство избы вдове Тепловой и другое, то не всегда М. Шошин умеет глубоко раскрыть образы своих героев, и это надо отнести даже к главному герою книги — Алексею Ивонину. При всех достоинствах Ивонин выглядит в повести несколько ограниченным, духовная жизнь его пока-

зана бледно. Вообще надо сказать, что раскрытию психологии действующих лиц М. Шошин уделяет недостаточно внимания. Между тем без изображения внутреннего мира невозможно создать полнокровные жизненные образы.

В целом удавшееся произведение, в то же время говорит, что его автору следует глубже вникать в характеры людей, внимательно изучая их морально-политический рост, богатство духовных качеств и стремлений.

У М. Шошина есть всё для того, чтобы писать полноценные произведения, и читатели вправе ожидать от него новых и хороших книг.

П КУПРИЯНОВСКИЙ

М. Х. КОЧНЕВ

Имя Михаила Харлампиевича Кочнева известно советским читателям как имя автора пяти сборников сказов, вышедших в свет в Москве и в Иванове, начиная с 1946 года. Это сборники «Серебряная пряжа», «Расписной узор», «Сорок веретен», «Дело человеком славится» и «Сказы». Последняя из перечисленных книг издана Государственным издательством художественной литературы в 1952 году и представляет собой сборник избранных сказов писателя.

Михаил Кочнев весьма интенсивно и плодотворно работает в жанре сказа, продолжая традиции таких мастеров этого оригинального жанра русской литературы, как Н. С. Лесков и П. П. Бажов. Его книги получили положительную оценку со стороны читателей и сочувственно встречены критикой.

Некоторые сказы Кочнева переведены на китайский язык и опубликованы в китайском журнале «Эпоха». Сборники его сказов изданы в Чехословакии, Польше и Германской Демократической Республике.

Сказами Кочнева заинтересовался театр. По мотивам его произведений «Шаль с кистями», «Петька-медячок» и «Подставка с крыльями» написана музыкальная пьеса «Шаль с кистями», которая, после премьеры в Иванове, включена в репертуар ряда театров музыкальной комедии.

За творчеством Кочнева внимательно следил знаменитый «уральский сказочник» Павел Петрович Бажов. Он дал развернутый отзыв о книге «Серебряная пряжа»¹,

¹ П. П. Бажов, Соч., т. 3, Государственное издательство художественной литературы, 1952, стр. 339.

отметив, что «основное впечатление от прочитанного прекрасное». В другом месте, говоря о собирателях и публикаторах устного поэтического творчества рабочих, Бажов сказал: «Мне ближе всего Михаил Харлампиевич Кочнев. Он собирает ивановский фольклор»¹.

С Бажовым Кочнева сближает не только жанр сказа, являющийся основным жанром творчества того и другого писателя, но и отношение к устному народному творчеству. «Самая блестящая выдумка — пустяк по сравнению с тем безымянным творчеством, которое называется народным», — писал Бажов.² Для Кочнева, как и для Бажова, «фольклор — это вечно живой, кипучий, никогда не иссякающий поток искусства, рождающегося среди народа».³

К этому живому потоку искусства будущий писатель приобщился еще с детских лет.

Михаил Харлампиевич Кочнев родился в 1914 году в селе Шегодском, Юрьев-Польского уезда, Владимирской губернии, в трудовой крестьянской семье. Его мать «с малолетства породнилась с песнями веретена и челнока», работая на кустарном текстильном производстве. В посвящении, которое открывает книгу «Сорок веретен», писатель обращается к матери с прочувствованными стихами и отмечает, что ее воспоминания, сказки и предания о тяжелом труде ткачей до революции, о их мастерстве, о их мечте оставили неизгладимый след в его сознании.

После окончания школы второй ступени в селе Сима литературные интересы привели Кочнева на филологический факультет Московского государственного института истории, философии и литературы имени Н. Г. Чернышевского (ныне — филологический факультет Московского университета). Здесь он учится вместе с известным советским поэтом А. Т. Твардовским. Окончив институт в 1939 году, Кочнев некоторое время продолжает образование в аспирантуре, специализируясь по фольклору.

В 1941 году он вступает в члены Коммунистической партии Советского Союза. С 1942 года живет в Иванове,

¹ «Уральский современник», кн. 20, 1952, стр. 161 (стенограмма беседы с П. П. Бажовым в августе 1950 г.).

² П. П. Бажов, Соч., т. 3, ГИХЛ, 1952, стр. 306.

³ М. Кочнев, Бессмертная поэзия, «Рабочий край», 1947, № 79.

где в течение семи лет руководит местной писательской организацией.

Литературной деятельностью Кочнев начал заниматься на студенческой скамье. С 1938 года в журналах «Новый мир», «Молодая гвардия», «Работница», «Крестьянка», в «Ивановском альманахе», в сборнике «Молодость», в газете «Рабочий край» печатаются его стихи и песни.

В 1942—1946 годах Ивановское областное издательство издает несколько книжек его стихов: «Воины труда», «Объятия земли» и поэмы «Аня» и «Пахарь» (последняя — для детей). Молодой поэт разрабатывает темы колхозной жизни, пишет о родном крае, о патриотическом труде текстильщиков и воинских подвигах в Великой Отечественной войне. Но в его стихах еще мало творческой самобытности. В них чувствуются то интонации и мотивы Твардовского («Шофер», «Тракторист»), то манера Маяковского («Ленинград»), то прямое подражание Некрасову («Аня»). Кочнев не овладел еще в те годы искусством точного и емкого поэтического слова.

В поэме «Аня» Кочнев допустил серьезную идеологическую ошибку, выведя «генерала Мороза» в качестве... мстителя за казненную фашистами партизанку Аню и показав его как ...нашего союзника в борьбе с гитлеровскими захватчиками. Поэма была подвергнута резкой, но справедливой критике на страницах газеты «Правда».¹

Все же было бы несправедливо целиком перечеркивать поэтические опыты писателя. И не только потому, что они сыграли свою определенную роль в формировании Кочнева как художника, но и потому, что, несмотря на недостатки, за ними чувствовался человек одаренный, творчески растущий. Среди его поэтических произведений были и несомненно удавшиеся.

Опыт Кочнева-поэта явно чувствуется в творчестве Кочнева-прозаика. Писатель часто вводит в текст сказов песни, частушки, широко прибегает к ритмизованной и рифмованной речи. Поэтическая образность, строй речи, язык его произведений во многом близки к народной песне. И хотя П. П. Бажов, отталкиваясь от сборника «Расписной узор», имел некоторые основания говорить,

¹ См. Ю. Лукин, Скороспелая поэма, «Правда», 1944, 19 мая.

что «старая привычка поэта» иногда мешает Кочневу в его работе над сказами,¹ всё же в принципе нельзя не заметить, что эта «привычка поэта» и помогает ему обогатить поэтику сказа за счет поэтики песни и стиха. В этом, между прочим, состоит одно из своеобразий сказов Кочнева, их отличие от сказов Бажова с точки зрения художественной формы.

Но, разумеется, своеобразие творчества Кочнева-сказочника, прежде всего, определяется тем самобытным кругом жизненных явлений, которые в них отображены. Если Бажов своей «Малахитовой шкатулкой» как бы заново открыл для нас целую чудесную страну — горнозаводский Урал с его оригинальным бытом и замечательными рабочими-мастерами, людьми с «живинкой в деле», то Кочнев знакомит читателя с широкой и разносторонней картиной труда, быта, нравов и борьбы рабочих-текстильщиков, стремится передать колорит текстильного края — ивановского «ситцевого царства», где издавна сложились славные традиции русского ткацкого мастерства и ситцепечатания.

Несмотря на изнурительные, непомерно тяжелые эксплуататорские условия труда в прошлом, ивановские ткачи, пряжи, рисовальщики, красковары, набойщики и рабочие других профессий проявили незаурядную талантливость в своем деле. Своим искусным трудом они не мало сделали для совершенствования текстильного производства. Ивановское «ситцевое царство» выглядит в сказках Кочнева многоцветным, сказочным, полным народной энергии и творческих сил.

Народ всегда восхищался своими «мастерами на все руки», «умельцами», творцами, теми, кому органически присущ дух искания нового. В сказках и преданиях рабочие поэтизировали «мастеров своего ремесла», новаторов своего дела. Но дореволюционная либерально-академическая наука о фольклоре была глуха к мнению народа. Она не оставила нам даже записей рабочих сказов. Буржуазно-дворянская фольклористика вообще относилась крайне пренебрежительно к рабочему фольклору, считая его явлением «низкого сорта», — в этом, может быть, наиболее ярко сказалось ее истинное классовое лицо.

¹ «Уральский современник», кн. 20, 1950, стр. 162.

После Великой Октябрьской социалистической революции вековое народное творчество зажило новой жизнью. Помня наказ основоположника советской литературы А. М. Горького: «Начало искусства слова—в фольклоре», советские писатели не могли не обратиться к рабочему фольклору. Как и Бажов, Кочнев в своих сказах широко использует предания и легенды, сложившиеся в рабочей среде, пользуется образными характеристиками, бытовыми зарисовками, пословицами, поговорками и другим фольклорным материалом, отражающим жизнь, мировоззрение и мечту человека труда.

«Рабочему фольклору,— писал Кочнев, обобщая свои впечатления от фольклора ивановских текстильщиков,—присуща боевая заостренность, ярко выраженная сатирическая, обличительная направленность против самодержавия, против «ситцевых тузов» — фабрикантов, жестоких эксплуататоров. А сколько интересного могут рассказать ивановские ткачи о разных примечательных случаях, о том, как пускалась в ход рабочая смекалка и находчивость против алчных хозяев, против ожиревшей верхушки старой лошенной фабричной администрации, о том, как зажигало рабочие сердца слово большевистской правдивой агитации, о том, как рабочая песня, шутка, присказка, меткая пословица помогала рабочим в их борьбе за свержение старого строя».¹

Помимо рабочего фольклора, в своем творчестве писатель опирается также на русскую народную сказку, которая, по словам Горького, «с изумительным совершенством» выражает «стремление трудового народа». Горький отмечал, что сказки «вероятно... должны были способствовать развитию некоторых ремесел: гончарного, кузнечного, ткацкого, оружейного и прочих», ибо в них закреплялся трудовой человеческий опыт. Создавая в своём воображении «сапоги-скороходы», «ковры-самолеты» и другие волшебные предметы, народная фантазия утверждала всемогущество труда, романтизировала его, поднимала на высоту поэзии.

Питаясь истоками рабочего фольклора и русской народной сказки, сказы Кочнева, вместе с тем, не являются простой записью или обработкой произведений устного народного творчества, как это казалось некото-

¹ «Рабочий край», 1947, № 79.

рым критикам.¹ Они—результат большой творческой работы их автора и представляют собой, по терминологии Бажова, литературную передачу фольклора.

Бажов определяет сказ как своего рода синтез сказа и сказки. «Сказ,— говорит он,— это быль с элементами сказочного. Рассказ о реальном, заключающий в себе элементы фантастики, неправдоподобного. Сказ — это недостоверное свидетельство».²

Развитие жанра сказа в советской литературе, его идейно-художественное оформление определяются теми коренными изменениями, которые произошли в нашей социалистической действительности в области трудовой деятельности человека. Труд из подневольного, каторжного после Октябрьской революции стал свободным. Самоотверженная работа на благо народа, в какой бы форме она ни проявлялась, стала «делом чести, делом славы, делом доблести и геройства» (И. В. Сталин). В связи с этим понятны интерес и любовь советского человека к традициям своей профессии, своего производства, к исторически сложившемуся трудовому и бытовому своеобразию той или иной области, края и т. д. Здесь следует искать причины развития в советской литературе жанра сказа.

А. М. Горький учил, что литература социалистического реализма основным героем «должна избрать труд, т. е. человека, организуемого процессами труда». «Мы должны выучиться понимать труд как творчество»,— говорил Горький.³

Подлинными героями жизни у Кочнева выступают люди, которые привыкли «понимать труд как творчество» и которые вкладывают в него всё свое искусство и мастерство. Тема мастерства является главенствующей темой всех его сборников сказов. Эта тема раскрывается писателем в целой галерее образов русских людей-умельцев, самозабвенно преданных труду, неустанно совершенствующих свое искусство, стремящихся к новому. Но это не только искусные мастера своего дела, влюбленные в игру

¹ См., например, рецензии на книгу «Серебряная пряжа»: М. Шкерин, «Поэзия труда» («Груд», 1946, № 287); Ник. Жданов, «Сказы ивановских текстильщиков» («Известия», 1946, № 295).

² Цитируется по кн. Л. Скорино. Павел Петрович Бажов. Издательство «Советский писатель», 1947, стр. 244.

³ М. Горький, О литературе, изд. 3, М., «Советский писатель», 1937, стр. 463.

красок и цветов на тканях, находящие в творческом труде радость, но и люди высокой трудовой морали, сводободолюбия, беспредельной преданности родине.

Такова героиня сказа «Доброму на радость». Дуня-тонкопряха «что пряла, что ткала — лучше быть нельзя». Она ухитрялась прясть такую тонкую нитку, что платье, сотканное из нее, хоть через перстень продевай. «Ткали жадному на зависть, доброму на радость, себе на потеху».

С ловкостью и сноровкой работает ткачиха Авдеевна (сказ «Серебряная пряжа»). Из негодной пряжи на плохом станке она выткала ткань дороже льняного шелку. «Да я её заморским купцам за чистое золото продам», — хвастается хозяин. Он во что бы то ни стало хочет выведать у ткачихи «секрет» серебряной нитки. С достоинством держится Авдеевна перед хозяином. «Ничего я тебе не продам, — отвечает она на его предложение, — никакой у меня серебряной нитки нет, никаких секретов не знаю, с чего такая ткань получилась, я и сама не разберусь, не пойму. Может с того, что я нонче много над этой пряжей плакала, от слёз моих и засеребрились нитки». Горе и труд научили Авдеевну мастерству, помогли овладеть «секретом» серебряной пряжи.

Набойщик Федот из сказа «Пальмовая доска» настойчиво ищет новые узоры для тканей, чтобы превзойти рисунки зарубежных мастеров. Его труд одухотворен благородным патриотическим чувством. «Персидские да зарубежные, а мы нешто параличные, — восклицает он. — Одно скажу: коли человек делал, и я сделаю... С любым человеком в своём деле потягаюсь». Федот знает, что «дело — хитрое»: «Цветок на ситце не сразу расцветает. Подумаешь, как его смастерить». Но Федот преодолевает все трудности и добивается успеха.

Подстать Федоту герой сказа «Шаль с кистями» «заглавный колорист» на куваевской фабрике Илья Краскин. Благодаря его мастерству была изготовлена шаль более высокого качества, чем зарубежная.

Талантлив крепостной художник Диаклетиан, который «сделал такую скатерть, что и словами о ней не сказать. Каждая ниточка в ней, каждое волоконец в ней горит, сияет» («Волжанка-служанка»). Бесправный и притесняемый хозяином, Диаклетиан заботится о таких же, как он, «работных людях». Он пишет царице Екате-

рине жалобу на купца-мануфактурщика, который «крепко обижал» ткачей. Попытка протестовать против своего рабьего положения кончается трагически и для него и для его любимой девушки Маринки: ему как «смутьяну» рвут ноздри и отправляют на каторгу; Маринка бросается от своих преследователей в Волгу.

Нелегко жилось «доброй мастеровщине».

Реалистически, во всей своей жестокой правде, рисует Кочнев неприглядную жизнь ткачей, безудержную эксплуатацию их труда до Великой Октябрьской социалистической революции. Спальные сараи при фабриках, прозванные клоповнями («Горностайкин след»); рабочие поселки с характерными названиями — Ямы, Голодаиха, Сахалин и т. п.; адский, изнурительный труд детей («Полянкин куст»); печальная судьба девушек-работниц, «приглянувшихся» хозяину («Снежная невеста»); необеспеченная нищенская старость («Шелковая полоска», «Сорок веретен»), — таковы типичные картины социального быта рабочих-текстильщиков, запечатленные писателем.

Типичны в сказах и тупые, жадные купцы, фабриканты и прочие «власть придержащие», которые создали этот исключительно тяжелый для рабочих и для их мастерства быт. «Ситцевые тузы» готовы идти на любое преступление, чтобы разбогатеть. Не гнушались они и изготовлением фальшивых денег. Любыми способами старались переманить друг у друга талантливых набойщиков и красковаров, потому что, по рабочей поговорке, «если ситец пригож с лица, то и в кармане густо у купца».

Зараженные рабской болезнью низкопоклонства перед заграничным, «хозяева жизни» зачастую не верили в природный ум, изобретательность и смекалку русского человека, не давали хода его смелым исканиям. Об этом Кочнев повествует в сказах «Лазорь голубая» и «Челнок-летунок».

У фабриканта Селиверста (сказ «Лазорь голубая») «слабость была»: «любил на все чисты должности чужеземцев ставить». Чужеземец-колорист, при явном попустительстве фабриканта, оттирает от дела мастера-красковара Прохора. Более того, он пытается завладеть рецептом составленной Прохором расцветки. Но труд Прохора — труд творческий, в него вложены душа, волне-

ние, страсть. Труд чужеземного колориста — труд ремесленный, бездушный. И это, в конечном счете, предрешает победу первого над вторым.

Герой второго сказа челночник Степан крепко запомнил предсмертный наказ своего отца: «Люби труд. Всё, что имеем, трудом рождено. Всякое дело человеком славится». Долго и упорно работает Степан над усовершенствованием челнока, вкладывая в труд всё свое «умельство» и светлую мечту. Наконец ему удается сделать челнок-летунок, который «ткёт за десятерых, а сказывает на всю мануфактуру». Но мануфактурщик недоверчиво, свысока отнесся к русскому мастеру и не поставил новые челноки на станках. А в это время, выведав секрет и присвоив изобретение Степана, открыла в Петербурге торговлю новыми челноками немецкая фирма Фогеля-Могеля...

Как и в первом сказе, победу здесь одерживает русский мастер. Естественно звучит заключение, вложенное в уста рассказчика:

«Славились челноки-летунки на ткацких. Тут все поняли, что Степан знаменитый челночник. Степанов челнок-светлый бок и ткал и небылицами всех забавлял. От него, знать, и пошли все веселые историйки по нашим ткацким. Но при царе да фабрикантах все-таки и челнок-летунок не принёс ткачам радостной жизни. Принесла счастье Октябрьская революция».

Торжество рабочего-мастера в сказах Кочнева зачастую утверждается в морально-этическом плане. Хищники, стяжатели, подобно Кривде в русской народной сказке, социально и морально разоблачаются, терпят поражение. Такова судьба жадного купца Небурчилова («Камень-шептун»), лицемерного фабриканта Мусорыча («Полянкин куст»), захребетника Маркушки («Маркушкины затеи»), похотливого Семистёкла («Снежная невеста») и других отрицательных персонажей.

Значительную группу отрицательных персонажей в сказах представляют герои-стяжатели. Тема стяжательства у Кочнева непосредственно противопоставлена теме мастерства. «Дело не в гроше, а в душе. Душа дороже гроша», — говорит мастер Левонтий в сказе «Непонятный человек». И эти слова выражают мораль трудового человека. Творческий труд изображенных Кочневым мастеров текстильного дела бескорыстен. Не богатство привлекает

их, а жажда труда, уважение к труду. В процессе труда формируется полноценная человеческая личность. И, наоборот, отрыв от труда, путь накопительства и стяжательства ведут к моральной деградации человека, превращают его в насильника и ненавистника. Таковы в сказках образы фабрикантов и их лакеев-прислужников: мастера Кислова («Фабричная косточка»), казачьего сотника Выбей Зуб («Злая рота»), управляющего Иванчикова («Родниковский Калита») и др.

Жалким и ничтожным выглядит фабрикант в сказе «Серебряная пряжа». Алчность заставляет его бежать вслед за волшебной серебряной ниткой далеко в лес; там он замерзнет.

Превосходен по своей сатирической заостренности сказ «Микталевая метель». В нем речь идет о пронырливом подрядчике Никите. Портретные детали помогают ярко представить этого стяжателя: «Голова маленькая, глаза плутоватые, бегают, как у мышки, руки чуть не до земли». Никитка кривдой жил, думал только о том, как бы разбогатеть. Но стяжательство к добру не ведёт. Поднимается метель, вьёт, крутит столбом, а Никитке представляется, что это миткаль крутится. «Из сил выбился, а отстать от миткалей не хочет... Так и закружило Никитку».

Страсть к наживе уродует даже неплохого от природы человека. Бесславно гибнет набойщик Игнат, который «доброе мастерство променял на дешевый посул», стал угождать хозяину, работая линючую дешевку. В противоположность ему Денис Потапыч твердо помнит нравственный закон человека труда: «Мастерство и золото на одни весы не кладут». Природа, в лице сказочного кузнеца, становится на сторону праведного мастера Дениса. Кузнец, узнав историю падения Игната, подводит итог его жизни в таких словах: «Жил да умер до сроку — всего и проку». А Денису он положил под фартук на счастье нового светлячка, «чтобы светил мастеру в его мастерстве, чтобы постоянно вперед манил человека». Не случайно и название этого сказа — «Бунт красок». Сама природа бунтует против несправедливости, она действует заодно с «умельцем», который превыше всего оберегает честь своего ремесла и помогает другим найти своё «зернышко» в деле.

Точно также природа, в лице сказочного «березового

хозяина» (сказ «Березовый хозяин»), карает ткача Петра, который не по-честному воспользовался данным ему счастьем. Он не только хищничал, воровал миткали у «березового хозяина», притеснял в цене покупателей, но и стал изменником родины, заведя выгодный торг с напавшими на родную страну чужеземцами. Потеряв человеческий облик, Петр не останавливается перед клеветой на своего прежнего друга — честного ткача Герасима. За всё это «березовый хозяин» обращает его в уродливую дуплистую березу. А Герасиму он жить помогает. (Между прочим, этот сказ Кочнева по своей идейной направленности близок к сказу Бажова «Приказчиковы подошвы», где хозяйка горы превращает приказчика-истязателя в каменную глыбу.)

Сказы Кочнева проникнуты мотивами жизнелюбия, оптимизма. Утверждая торжество героев-тружеников, торжество справедливости, писатель продолжает тем самым фольклорные традиции. А. М. Горький говорил на Первом Всесоюзном съезде советских писателей: «Фольклору совершенно чужд пессимизм, невзирая на тот факт, что творцы фольклора жили тяжело и мучительно — рабский труд их был обесмыслен эксплуататорами, а личная жизнь бесправна и беззащитна. Но при всём этом коллективу как бы свойственны сознание его бессмертия и уверенность в его победе над всеми враждебными ему силами».¹

Сознанием бессмертия проникнут старый ткач Нефед, чувствующий себя частицей великого трудового народа, которому на свете жить да ткать до тех пор, «покуда свет стоит». Нефед спорит с самой смертью, и смерть вынуждена отступить (сказ «Душа в мешке»).

Радость жизни Нефед, как и другие положительные персонажи, находит в труде. Радостное мироощущение человека труда проявляется и в его общении с природой — вечно живым, исполненным красоты и величия плодотворящим началом жизни.

В природе мастер находит для себя источник творческого вдохновения, но отношение его к природе не только лирично, но и активно. Он смотрит на нее как создатель, сквозь призму своей трудовой деятельности. Подыскивая рисунок для узора на скатерть, рисовальщик

¹ М. Горький, О литературе, изд. 3, М., «Советский писатель», 1937, стр. 450.

Логин обращает свои взоры на волжский пейзаж («Камчатная скатерть»). «Ай гожа, ай цветиста!» — любитесь на яркую радугу набойщик Филарет. Радуга подсказывает ему новую чудесную расцветку для ткани («Шелковая полоска»). Но мастер — не простой копировщик роскошных красок природы. Его труд, его краски осмыслены, и понятна гордость набойщика Дениса Потапыча, который бьет чекменем да приговаривает: «Весна-красна, хозяйка лугов, хороши твои цветы — спору нет, а мои, пожалуй, лучше. Вот придет черная сарафаница осень — и поблекнет твой наряд, а моим одуванчикам и розам не страшны ни вьюги, ни белые снега» («Бунт красок»).

Связывая труд рабочих-текстильщиков с природой, Кочнев стремится поднять этот труд на высоту поэзии, романтизировать его, подчеркнуть его могущество, его творческий характер. Поэзию, романтику труда олицетворяет собой фантастический образ чудесного мастера, который в сказах Кочнева персонифицируется в образах Полянки, Волжанки-служанки, Мечты-Сказовны, березового хозяина, горностайки, кузнеца-удальца и других сказочных персонажах.

**
*

Охватывая обширный круг событий, начиная с XVII века, сказы Кочнева являются своеобразной художественной летописью текстильного края. Они повествуют не только о творческом труде и тяжелом социальном быте рабочих-текстильщиков, но и рассказывают о борьбе русского народа с чужеземными захватчиками, о протесте его против угнетателей, о стремлении народа завоевать себе лучшую долю.

В сказе «Курень за оврагом» действие относится к периоду интервенции польских панов на русскую землю в начале XVII века. В нем показан героический отпор ивановских ткачей панам-захватчикам, их патриотическое воодушевление.

Верно служит отечеству герой сказа «Царь-Петровы паруса» петровский солдат Иван, бывший ивановский ткач. С чувством национального достоинства убеждает он царя в том, что за хорошей парусиной для кораблей лучше ехать не в Силезию, а в Иваново. Выполняя поручение Петра, приехавший в Иваново солдат так гово-

рит ткачам: «Соткём хорошие полотна — поможем выгнать шведа с земли русской».

Сказ «Царь-Петровы паруса» не свободен, однако, от недостатков. По поводу него Бажов писал Кочневу: «Выразительное название, на взгляд, здесь снижено растянутостью изложения, а она получилась, вероятно, потому, что фабула ничем не усложнена, кроме загадок, которые, кстати сказать, не очень крепко связаны с идеей сказа и скорее кажутся попавшими из другого фольклорного источника. В этом же сказе есть такая блошка: царь Петр говорит, что тульские кузнецы блоху подковали. Подобные анахронизмы в фольклоре — явление широко распространенное, но едва ли следует допускать это в литературной передаче. Нечего греха таить, ведь некоторые читатели могут поверить, что Петр знал рассказ Лескова, появившийся во второй половине XIX века».¹

Большое внимание в сказах Кочнева, особенно в сборниках «Расписной узор» и «Сорок веретен», уделено мотиву протеста рабочих людей против социального гнёта и несправедливости. В сказе «Камчатная скатерть» героями выступают участники пугачевского восстания. Автору удалось хорошо показать и тонкое мастерство в работе героев, ткущих камчатную скатерть со сложным узором, и дух вольнолюбия и человеческого достоинства, который в них живет. Аналогичен по содержанию сказ «Белый парус», в котором рассказывается об ивановских ткачах, пробравшихся к Степану Разину, чтобы под его началом биться за лучшую жизнь для народа, за светлое будущее.

Оба эти сказа, как и предыдущие, можно отнести к числу «исторических».

В сказах «Муравьиный обед» (в сборнике «Сказы» ему дано другое название: «Все за одного — один за всех»), «Злая рота», «Доброе семя», «Шапка-невидимка», «Фабрика в саквояже», «Дорогой перевоз» и др. Кочнев воспроизводит фольклорный материал и исторические события недавнего прошлого: в них идет речь о революционной борьбе ивановских рабочих в девяностые годы, о событиях 1905 года на Талке, о периоде Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны.

¹ П. П. Бажов, Соч., т. 3, ГИХЛ, 1952, стр. 338.

Сказы этого историко-революционного цикла раскрывают рост политического сознания рабочей массы, дух солидарности, стойкость и самоотверженность в борьбе. С презрением относятся рабочие к меньшевикам-предателям, заклеив их словом «оклевыши» («Оклевыш под ногами»). В то же время всё теснее сплачиваются они вокруг большевистской партии, окружая истинных выразителей народных интересов — большевиков глубоким уважением и любовью.

Особенной любовью пользуется у рабочей массы М. В. Фрунзе, известный ей по партийным кличкам «Арсений» и «Трифонич». Образ Фрунзе, выдающегося революционера-ленинца, талантливого руководителя иваново-вознесенских ткачей, проходит через большинство произведений названного выше цикла. Фрунзе предстает в них как пламенный агитатор, смелый борец и прекрасный конспиратор и организатор. Наиболее ярко образ Фрунзе вырисовывается в тех сказах, где он раскрывается в непосредственных действиях, героических поступках («Злая рота», «Шапка-невидимка»).

Сказы с историко-революционным содержанием в большинстве своем построены на основе документальных материалов и фактически достоверных рассказов самих рабочих. Они отличаются реалистичностью сюжета. Но изобразительные приемы и образы народной сказки — главным образом не волшебной, а бытовой и сатирической — встречаются и в этих произведениях. В сказе «Злая рота» выведен образ сапожника Антона, мастера своего ремесла и к тому же мастера потешать людей сказками. Сказки Антона о сапоге и лапте, про красную ленту, его побаски и присловья («Сапог — не душа, сапог починим, прелый рант вынем. А вот, если душа — ее чини не спеша») политически тенденциозны, они превосходно служат агитационным целям. «Спасибо тебе за твои сказки», — говорит Фрунзе — Арсений сапожнику Антону.

В сказе «Шапка-невидимка» использован сказочный образ шапки-невидимки. Этим образом умело подчеркнута неуловимость Фрунзе, который, благодаря искусству конспирации и находчивости, благодаря заботе о нем рабочих, ловко выходит из затруднительных положений, оставляя в дураках полицейских ищек.

Образы врагов — полицейских агентов, предателей,

фабрикантов — обрисованы в этих сказах в духе той откровенной насмешки, издевательства и презрения, которые свойственны рабочим сатирическим песням и частушкам и русским народным сказкам и анекдотам о бабах и попах.

Для творчества Кочнева последних лет характерно стремление осмыслить в жанре сказа явления социалистической действительности. Если в первом сборнике писателя («Серебряная пряжа») не было ни одного произведения на тему современности, то эта тема начинает занимать всё большее и большее место в его следующих книгах. В книге «Дело человеком славится» большинство сказов посвящено уже нашей советской жизни.

Героями сказов «Самое большое богатство», «Новая дорожка», «Кузьмич-печеклад», «Я не уйду от вас» и других выступают горячие советские патриоты — творцы новой жизни. С Октябрем рабочие люди пережили радость освобожденного труда, у них вспыхнуло желание «прясть каждым новым веретенем за сорок старых веретён», «ткать каждым новым челноком за сорок старых челноков» («Сорок веретён»). Их труд вдохновлен любовью к родине, стремлением умножить ее богатство, сделать жизнь счастливей и лучше.

В советских тружениках, нарисованных Кочневым в этих сказах, есть тот же беспокойный дух искания нового, который был присущ русским мастерам-умельцам в прошлом. Но советские люди выступают у него не как мастера-одиночки, хранители «секретов» своего ремесла, а как творческий коллектив, могучий в своем единстве.

Высоким мастерством, в порядке социалистического соревнования и взаимопомощи, овладевают не только передовые люди, новаторы производства, но и все остальные члены рабочего коллектива. Это мастерство связано с освоением сложных машин и научных основ производства. И как в этом отношении, например, далеко ушел вперед герой сказа «Фабричная азбука» раклист Пахомыч от героев таких сказов, как «Лазорь голубая», «Пальмовая доска», «Шаль с кистями!» «Пахомыч, как чародей, по таблицам, по цифрам умеет читать краски, умеет за буквами видеть живые цветы, знает, как они на ткани лягут, знает он, какая таблица художнику в помощь, какая в помеху». За плечами Пахомыча большая жизнь, большой опыт. Он на обыденных примерах

учит подрастающее поколение «фабричной азбуке» — как надо жить и работать.

В жанровом отношении большинство сказов Кочнева на тему современности ближе к рассказу, чем к сказке. Они основаны на бытовых эпизодах, «случаях из жизни». Встречающиеся иногда в них образы сказочных мастеров и чудесных помощников переосмыслены. Характерно, что о Волжанке-служанке («Самое большое богатство»), Огневичке-Мохыче («Земляное солнце») и клубке-поводырке («Лисичкино гнездо») говорит обычно не рассказчик, а герой, старый по возрасту: старая ткачиха Еремеевна, сторож Проныч, бабушка Василиса. Отношение к фантастическим персонажам и рассказчика и героев сказа, в том числе и тех, от лица которых они вводятся в сказ,— отношение насмешливо-ироническое: в их чудесную силу никто не верит, но были-небылицы о них с удовольствием слушают. А в сказе «Самое большое богатство» даже прямо заявляется: «Наши-то мастерицы теперь порукодельней самой Волжанки-служанки». Так писателем утверждается всемогущество социалистического труда, преодолевающего силы природы.

Ценность этих сказов заключается в утверждении высокого назначения труда и поэтизации тех жизненных принципов, которые установились в нашем социалистическом обществе.

Значительными по своему идейно-художественному содержанию являются сказы Кочнева, посвященные В. И. Ленину («В тяжелый год») и И. В. Сталину («Золотой ключ»). В них хорошо передана проникновенная любовь народа к своим вождям.

**
*

За десять лет работы в жанре сказа М. Х. Кочневым создано свыше шестидесяти произведений этого жанра.

Лучшие из них, собранные в книге «Сказы», свидетельствуют о мастерстве писателя, о его умении подчинить идейному замыслу разнообразные художественные средства и приемы, использовать в выразительных целях богатства русского языка, живой народной речи.

Кочнев хорошо знает самые различные жанры устного народного творчества. В его сказах нередко встречаются

не только элементы сказки (сказочный зачин, сказочные формулы, троекратное повторение и т. п.), не только народная песня, частушка, но и всевозможные побаски, присловья, присказки, заговоры, загадки, пословицы, поговорки и т. д. В лучших сказах весь этот разнообразный фольклорный материал использован с должным художественным тактом и не выпадает из общего сказового стиля.

В большинстве своем писателем удачно разработаны и умело вводятся в художественную ткань произведений образы сказочных мастеров, связанных с природой и обычно вырастающих из пейзажа.

Пейзаж у Кочнева красочен, живописен, богат цветами, красками, оттенками; он помогает лучше представить яркое и самобытное «ситцевое царство». Дается он, как правило, через восприятие рассказчика — человека труда, влюбленного в свой край и в свою профессию. Отсюда налет сказочности в пейзажах, что находит свое выражение в характере повествования, его ритме, образах и т. д.

Таков пейзаж в сказе «Белый парус», начинающийся сказочным зачином. Летят с синя-моря гуси-лебеди, любят текстильным краем: «...Больно края-то хороши. А сверху им всё видно... Солнышко светит, небо ситцевое, на полях рожь сияет, луга коврами раскинуты, а промеж лугов, полей леса стоят. Летят над нашими местами и в толк не возьмут, — что они летели, чай, пол-земли облетели, а такого чуда не видывали, чтобы среди лета на лугах белые снега лежали и не таяли... Спустились гуси-лебеди пониже и видят: не белые снега лежат, это холсты отбеливать раскинули».

При обрисовке пейзажа, а также при передаче событий, характеристике персонажей рассказчик нередко черпает образы, сравнения, метафоры из окружающей его среды. В сказе «Живой родник» снег сравнивается с миткалями, причем при описании пейзажа Кочнев уместно вставляет известную загадку: «Скатерть бела весь мир одела» и рядом дает другую — свою, созданную в духе первой: «Вдоль всей земли раскинула зима миткали». Характерны для поэтического языка рассказчика такие сравнения: «как ткацкий пух негодный, по ветру развеяли», «словно челнок пустой, из дверей вылетел» и др.

Язык сказов Кочнева образный, напевный, эмоционально окрашенный, разнообразный по своей тональности и богатый по окраске. В нем выразились народная мудрость и народный юмор. Много в сказах метких выражений, пословиц и поговорок, в которых в сгущенной, афористической форме переданы взгляды и чувства рабочего человека: «Мастерство и золото на одни весы не кладут», «Всякое дело человеком славится», «Пряди-попрядывай, да на своё дело почаще поглядывай», «Без волнения, без заботы не жди радости от работы», «Мастерство-то когда придёт,— и почёт, и славу за собой приведёт», «С мастерством готовым люди не родятся, но добытым мастерством гордятся», «Любая работа всласть, если своя власть». Некоторые из этих метких выражений родились в наше советское время и проникнуты чувством нового.

Писатель внимательно изучил язык народа, труд и быт людей текстильного края. Этим определяется его творческий успех в жанре сказа.

Но далеко не все из его сказов идейно и художественно полноценны. В работе над ними у писателя встречалось не мало трудностей, были и серьезные неудачи и срывы.

Хорошо отзывавшись о первом сборнике сказов, критика указывала писателю, что наряду с удачными и свежими сказочными образами он совершенно напрасно ввел в некоторые свои произведения фантастических персонажей из религиозно окрашенных преданий и легенд. Л. Скорино правильно отмечала, что Христос с двенадцатью апостолами (изображенный в сказе «Душа в мешке» в виде старика и двенадцати молодцов), «чудесные странницы», домовые, ведьмы и прочая нечисть «являются в книге «Серебряная пряжа» инородным телом, так как не выдерживают нагрузки нового содержания, приходят с ним в прямое противоречие».¹ Особенно это ясно видно на сказе «Непробудный сон», который идейно порочен в самой своей основе.

О недопустимости и неуместности использования в сказах религиозно-мистических мотивов писал Кочнев Бажов. Он говорил, что необходимо отсеивать эти мотивы из фольклора, как не подлинно народные, и советовал

¹ Л. Скорино, Пoesия труда, «Октябрь», 1947, № 3, стр. 173.

ему не идти «в поводу у рассказчиков, которые еще не отрешились от взглядов прошлого».¹

Эти критические указания и советы Кочнев учел в своей дальнейшей работе над сказами. Однако сборники «Сорок веретен» и особенно «Расписной узор» говорят о том, что их автор к своему творчеству подходил не всегда с достаточной требовательностью и ответственностью. В целом по художественному мастерству сказы, составившие эти сборники, слабее сказов «Серебряной пряжи», хотя как несомненный положительный момент в них должно быть отмечено обращение писателя к явлениям революционной действительности.

В «Расписном узоре» Кочневу решительно не удалось сказы, связанные с обработкой преданий о происхождении названий отдельных мест («Палей и Лелюх», «Хлудовские ракушки»), так как этнографический и бытовой материал не подчинен в них какому-либо серьезному идейному замыслу. В этом же сборнике странное впечатление оставляет сказ «За морем телушка — полушка», где выведен образ находчивого и сметливого рабочего, который «великодушно» и услужливо выручает из большой беды своего хозяина — фабриканта. Отрыв темы труда, темы мастерства от их социальной и этической основы — вот в чем смысл ошибки, допущенной в этом сказе.

В «исторических» сказах Кочнев не во всем остается на почве строгой историчности, допускает анахронизмы. Участникам пугачевского восстания («Камчатная скатерть») он, например, приписывает антицаристские настроения, что противоречит исторической правде.²

Общий недостаток ряда сказов этих сборников — рыхлость композиции, перегруженность их описательным материалом, побочными мотивами и образами («Иголки-проколки», «Голубой мотылек» и др.).

Нельзя не отметить, что в использовании поэтики стиха, песни для литературной передачи прозаического народного творчества, каким является жанр сказа, Кочнев далеко не всегда соблюдает меру. На примере сборника «Расписной узор» видно, как погоня за «складной»,

¹ П. П. Бажов, Соч., т. 3, ГИХЛ, 1952, стр. 338. См. также «Уральский современник», кн. 20, 1952, стр. 162.

² Это отмечалось в нашей статье «Ожившие предания» («Ивановский альманах», кн. 11, 1949, стр. 261).

рифмованной речью, включение в сказы больших стихотворных и песенных отрывков нередко приводит писателя к многословию и растянутости изложения, к снижению идейно-художественного качества произведений. В сказе «Волжанка-служанка», например, одинаково «в рифму» говорят и рассказчик, и народный герой Диаклетиан, и екатерининский вельможа. Таким образом меткая, «складная» речь перестает играть какую-либо характеристическую роль, ибо она не является свойством речи только народного персонажа.

Помимо злоупотребления «складной» речью Кочнев иногда впадает в риторику и целые страницы своих сказов заполняет цветистыми фразами, стилизованными «под фольклор». Не всегда выдерживает он и сказовый стиль, то допуская в него элементы натурализма («Иголки-проколки»), то сбиваясь на анекдот или на памфлет («Доброе семя», «Самое большое богатство»).

Используя традиционные фольклорные образы в сказках с революционной и современной тематикой, Кочнев порой подходит к ним некритически и тем самым нарушает поэтическое единство формы и содержания. Искусственным, например, кажется, такое сравнение, построенное в духе народного отрицательного параллелизма: «Не белые чайки из-под Кинешмы с Волги на фабрики по всей округе летят: в Бонячки, в Вичугу, в Тейково, в Кохму, это шелестят первые прокламации, листовки» («Маркушкины затеи»). И уж совсем фальшиво получается, когда в сказе «Волжская новина», при изображении белогвардейского мятежа в Ярославле в 1918 году, писатель сводит острую классовую борьбу между старым и новым миром к фантастической сказке со всеми ее атрибутами.¹

Не во всем удовлетворяет язык сказов, вошедших в первые книги Кочнева. И в языке рассказчика, и в языке персонажей в обилии встречаются слова, чуждые современному народному языку — такие, как «опосля», «однова», «бывалыча», «можа», «лаболаторка», «дирехтор», «робята», «гребтится», «скажиси», «покажиси» и т. п. Чужды языковой стихии рассказчика, не соответствуют его образу слова «гуторить» (слово из южных

¹ См. об этом в статье В. Бартенева «О мастерстве писателя» («Ивановский альманах», кн. 14, 1951, стр. 163—164).

диалектов), «заимка» (из сибирских диалектов), «стезя», «огненная купель» (религиозно-церковная лексика) и др.

По поводу языка сказов Бажов писал Кочнев: «В тексте сказов наряду с такими словами, как «можа», «бывалыча», «подумкивать», встречаются и такие, как «отверстие», «норма». Оба эти ряда мне не нравятся. Первые, как ненужное утверждение стилистических не-правильностей, вторые, как чисто литературные, выпадающие из общей ткани сказов».¹

Следует подчеркнуть, что при подготовке сборника избранных сказов, вышедших в Гослитиздате, Кочнев проделал весьма существенную работу по улучшению языка своих произведений. Сравнение сказов в этой книге с их первоначальной редакцией показывает также, что писатель немало потрудился и над их композицией, в особенности над устранением длиннот, многословия и т. д. В отборе произведений для сборника, в характере исправлений проявилась та взыскательность и требовательность к себе, без которой немыслимо подлинно художественное творчество. И хотя сборник «Сказы» не свободен от ряда недостатков, отмеченных выше, в целом он — свидетельство зрелости и уверенного мастерства писателя.

**

Значительные достижения в пятнадцатилетней литературной деятельности Михаила Кочнева связаны преимущественно с жанром сказа, с целеустремленной разработкой одной большой темы — темы рабочего класса. Плодотворная работа в этой области невозможна без глубокого изучения жизни рабочего класса как в прошлом, так и в настоящем. Творческие усилия Кочнева в первую очередь и направлены на постижение человека труда с его разнообразными интересами.

Путь писателя к познанию души народа, особенностей труда и быта рабочего человека лежит через настойчивое освоение сокровищ устного народного творчества, через постоянное общение с людьми, о которых и для которых он пишет. О кровной заинтересованности писателя многогранной жизнью рабочих-текстильщиков — их трудом,

¹ П. П. Бажов, Соч., т. 3, ГИХЛ, 1952, стр. 338—339.

общественно-патриотической деятельностью, бытом, фольклором, культурными и духовными запросами — свидетельствуют не только его сказы, но и многочисленные очерки, печатавшиеся в «Ивановском альманахе», в газетах «Известия», «Труд», «Литературная газета», «Рабочий край» и издававшиеся отдельными изданиями (перу Кочнева принадлежат две книги очеркового характера: «Наталья Ярыгина», Ивгиз, 1949; «Зинаида Меньшикова, ткачиха текстильного комбината им. Ф. Дзержинского», М., 1951). Об этом же говорит и его пьеса «Ласточка», посвященная новаторам производства и поставленная на сцене Ивановского областного драматического театра в мае 1951 г. Будучи первым опытом Кочнева в области драматургии, пьеса не свободна от серьезных художественных недостатков. Однако она, как и очерки, показательна в смысле верности писателя избранной теме.¹

На основании того, что Кочнев пишет преимущественно о рабочих-текстильщиках, было бы неправильно расценивать его творчество как «областное», имеющее только местное значение. Оно развивается в русле всей советской литературы и является посильным вкладом в нее. Наряду со сказами Бажова, уступая им по глубине проникновения в действительность и мастерству художественного обобщения, сказы Кочнева — заметное и оригинальное явление советской литературы последнего времени. Они служат наглядным выражением богатства творческих индивидуальностей, разнообразия стилей и жанров в рамках единой литературы социалистического реализма.

¹ О пьесе «Ласточка» и постановке ее в Ивановском драматическом театре см. коллективную рецензию А. Кустова, В. Яшкова, Дм. Семеновского и др. в газете «Рабочий край» за 1 июня 1951 г.

Faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page.

Faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Вместо введения. <i>Г. Горбунов</i>	3
<i>А. А. Потехин. Дм. Прокофьев</i>	19
<i>П. А. Зарубин. М. Колосов</i>	33
<i>В. А. Рязанцев. Дм. Прокофьев</i>	48
<i>Ф. Д. Нефедов. Н. Морачевский</i>	71
<i>Д. А. Фурманов. В. Бартенев</i>	90
<i>Е. Ф. Вихрев. Е. Сахарова</i>	139
<i>Серафим Огурцов. Д. Семеновский</i>	153
<i>Поэт-воин. Л. Кудрин</i>	166
<i>Талантливый певец моря. Г. Горбунов</i>	176
<i>А. Н. Благов. Г. Максимов</i>	192
<i>Д. Н. Семеновский. Вл. Скворцов</i>	225
<i>О книге В. В. Полторацкого „В дороге и дома“ И. Рябов</i>	243
<i>М. Д. Шошин. Г. Горбунов</i>	263
<i>М. Х. Кочнев. П. Куприяновский</i>	276

Редактор *В. П. Федоров.*
Художник *И. Т. Колочков.*

* * *

Подп. к печ. 16/XII—1953 г. КВ —
03273. Бумага $84 \times 108 \frac{1}{32} = 4,688$ бум.
л.—15,37 печ. л., 14,85 уч.-изд. л.
Тираж 5000 экз. Цена 6 рублей.
Переплет 1 рубль.

* * *

Типография треста Росполиграфпром,
г. Иваново, Типографская, 6.
Заказ № 9097.

Опечатки

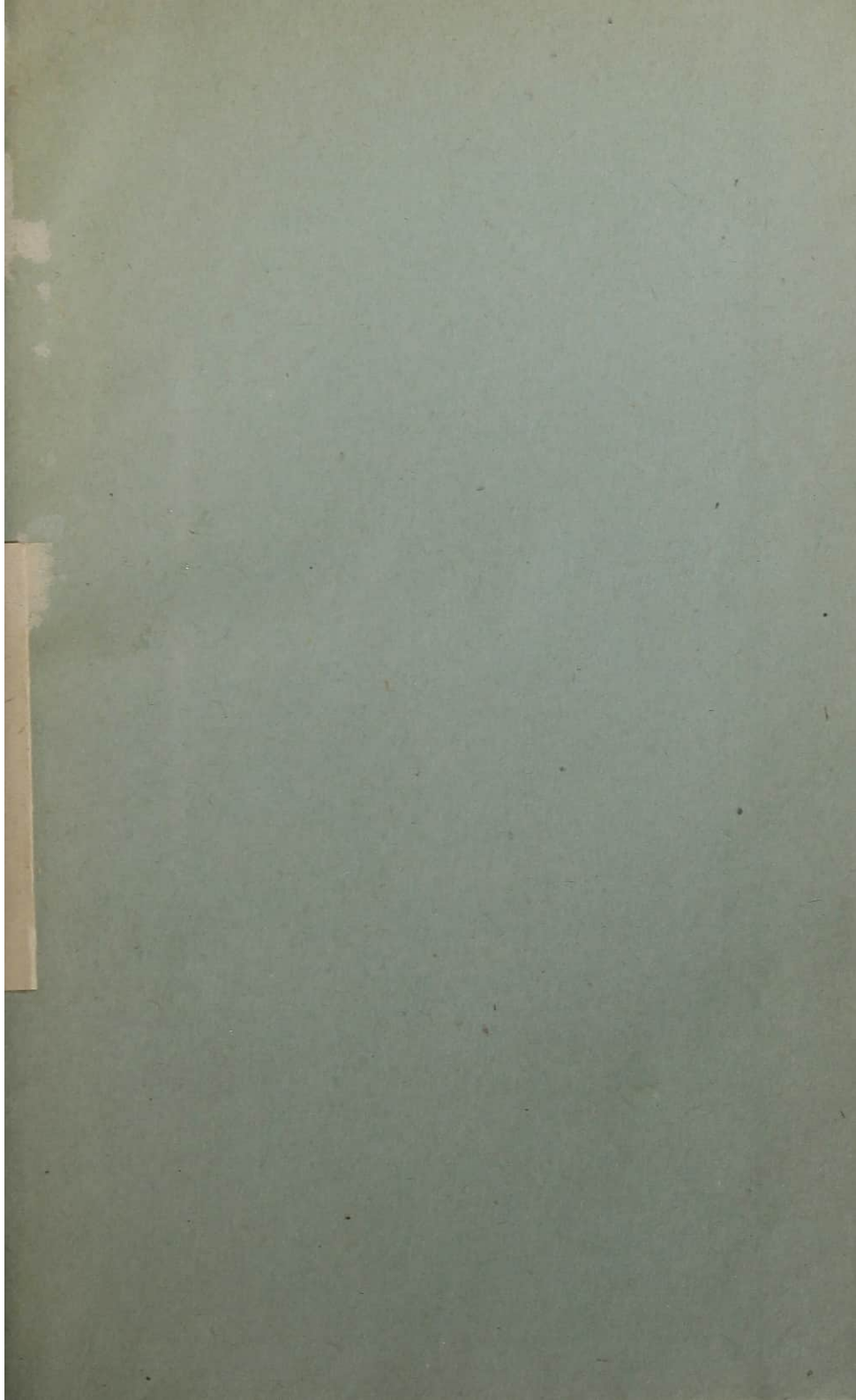
Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
134	1 снизу	философические	философские
176	11 снизу	изданном	изданной
201	1 снизу	правда	„Правда“
221	21 сверху	поджигателей	поджигателям

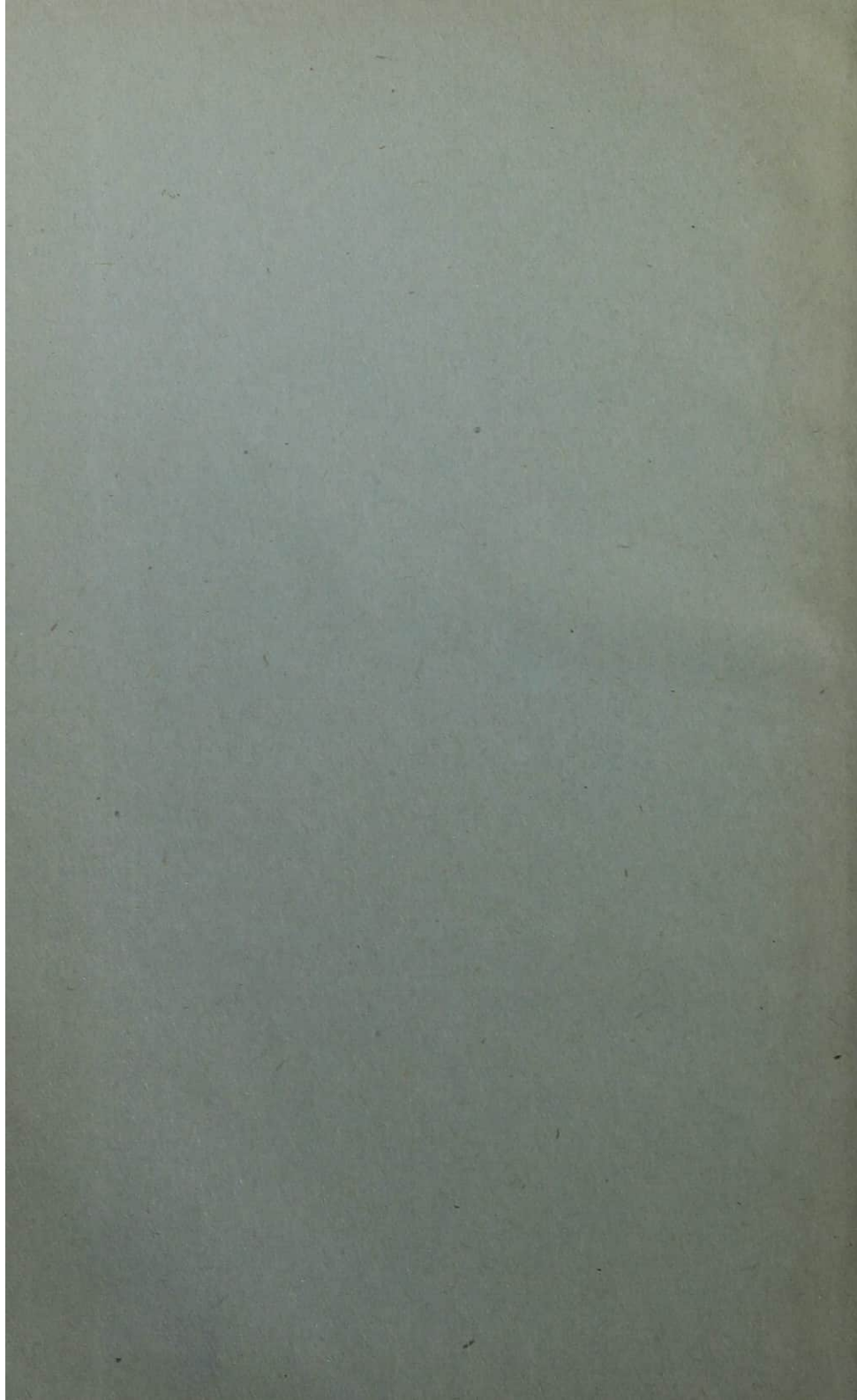
Писатели текстильного края.

Редактор *В. П. Федоров.*
Художник *И. Т. Колочков.*

* * *

Подп. к печ. 16/XII—1953 г. КВ —
03273. Бумага 84×1081/16—4 688 бум

11

7 руб.

